ЕЛИЗАВЕТА
ТОПАЛОВА

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Э.М. ФАЛЬКОНЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о знаменитом скульпторе Этьене Морисе Фальконе, создавшем шедевральный памятник Петру I в Санкт-Петербурге. На страницах романа читателей ждут встречи с выдающимися личностями эпохи просвещения, среди которых: Вольтер и Монтескье, императрица Екатерина II и Дени Дидро, Адам Смит и Вениамин Франклин, Кенэ и Тюрго… Все они рассуждают о вечных вопросах власти и бытия.

В центре повествования – судьба Фальконе, преломленная через осмысление христианской идеи и понимания того, что судьба человека – результат его осознания нравственного пути. Вместе с тем автор, ведущий повествование от лица персонажа Луи, вместе с другими героями книги дает понять, что великие просвещенные правители, подобные Петру I, – это дар судьбы, которая вовсе не случайна…

Книга посвящается замечательному скульптору Н. А. Щербакову, удивительное сходство которого – как внешнее, так и внутреннее – со знаменитым Э. М. Фальконе вдохновило автора на написание этой книги.

- Е. Топалова
  -
  - Встреча с Сократом
  - Время Помпадур
  - Церковь Святого Рока
  - Пигмалион
  - Заказ века
  - Роман с императрицей
  - Гром-камень
  - Дидро в России
  - Триумф Петра Великого
  - Иллюстрации

Е. Топалова
Медный всадник
Жизненный путь Этьена Фальконе

© Топалова Е. 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Встреча с Сократом

Будущий скульптор Этьен Морис Фальконе родился 1 декабря 1716 года. В 1715 году умер король-солнце Людовик XIV, и его малолетний внук Людовик XV вступил на французский престол. Историки назовут это время началом века Просвещения, а сыну парижского ремесленника, рожденному на рубеже веков, суждено будет создать символ своего времени – грандиозный монумент русскому монарху Петру I, уже при жизни названному Великим далеко за пределами своего отечества.

По странной случайности судьбы в это же самое время за тысячи верст от Парижа, в Санкт-Петербурге, стареющий итальянец Карло Растрелли, не нашедший счастья во Франции, сделает эскиз памятника Петру I, примеряясь к могучему образу. Но он увидит в русском самодержце лишь беспощадного воина, пугающего гневной исступленностью взгляда. Этот жестокий облик не объяснял и не оправдывал неистребимой любви русского народа, радостно и бесстрашно последовавшего за своим суровым повелителем.

Еще одно знамение судьбы отметило появление на свет младенца Фальконе: через полгода сам царь Петр Алексеевич прибыл в Париж. Говорили, что он приехал с мыслью сосватать свою дочь Елизавету за юного французского короля, обручение которого с испанской инфантой расстроилось незадолго до этого. Царь Петр был высок ростом и хорош собой. Несмотря на простоту и даже некоторую грубоватость в обращении, все в нем оставляло ощущение значительности и незаурядности. Французы, привыкшие к манерной роскоши своих капризных королей, с удивлением и симпатией отмечали его полное пренебрежение к придворному этикету. Русский монарх много общался с ремесленниками и рабочими. Блестящий и точный ум позволял ему по достоинству оценивать каждого. В Париже ходили легенды о фаворите Петра I Меншикове, бывшем мальчике-пирожнике, ставшем вторым человеком в государстве.

Это был второй приезд Петра I в Европу. Первый раз, оставив Россию, молодой царь под именем простого мастерового отправился на европейские верфи осваивать ремесла, так нужные тогда его нищей невежественной стране. Через десять лет после приезда в Париж, победоносно закончив Северную войну со Швецией и оставив могучее государство, он скончался. Но воспоминания о русском царе еще долго жили во Франции, хотя его дочери Елизавете так и не суждено было стать французской королевой. Зато она на двадцать лет воцарилась на русском

престоле, смиренно переждав недолговечные царствования Екатерины I и Петра II, Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича с Анной Леопольдовной. Так и оставшись безбрачной, она сохранила тайную привязанность к беззаботному французскому королю, а вместе с ним и к прекрасной Франции.

Однако смена династий русских царей мало заботила семью Фальконе. Мальчик рос, и его нужно было обучать какому-то делу. Ремесло его дяди по матери, который мастерил манекены под парики, казалась более или менее подходящим. Так случилось, что великая душа нашла выход в том, что лежало ближе всего. Он с детства ощущал в себе какое-то смутное призвание. Что-то внутри постоянно твердило ему об этом, настойчиво подталкивая, внушая беспокойство и уверенность.

И вот однажды застенчивый семнадцатилетний юноша решился на невиданную дерзость – он явился к прославленному королевскому скульптору Ле-Муаню с просьбой помочь ему стать художником. Он замирал от страха и надежды, ожидая решения своей судьбы.

Но Этьен понравился Ле-Муаню. Он долго разглядывал юношу.

– Ты похож на Сократа, – сказал он наконец, – и это хорошо. Скульптор должен быть философом, а Сократ – мудрейший из всех философов. Так признал дельфийский оракул в Древней Греции. – Ле-Муань назидательно поднял вверх палец. – Признал, несмотря на то, что сам Сократ всегда говорил: «Я знаю лишь то, что ничего не знаю».

– А может быть, именно поэтому, – немного подумав, добавил он. – Так по крайней мере считал сам Сократ: из всех людей всех мудрее тот, кто, подобно Сократу, знает, что поистине ничего не стоит его мудрость.

Ле-Муань замолчал, потом шутливо заметил:

– Но прежде чем стать философом, Сократ, как и его отец Софрониск, был каменотесом, скульптором. Бог, говорят, тоже лепил людей из глины, так что наша профессия сродни божественному промыслу.

Этьен зарделся.

– Ты не очень-то гордись, – расхохотался Ле-Муань, глядя на смущенного юношу. С виду Сократ был вовсе не мудрец, и один ученый-физиогном, увидев его, сказал, что он родился с дурными наклонностями и склонен ко всем возможным порокам. И самое главное – Сократ подтвердил, что это действительно так. Но ему удалось с помощью разума победить свои пороки и обуздать страсти.

Ле-Муань прошелся по мастерской и уже серьезно

продолжил:

– Разум дан человеку для того, чтобы узнавать, что полезно и что вредно, и придумывать средства получать полезное и избегать вредного. Разумный человек всегда добродетелен, так как лишь добродетель полезна человеку. Зло творится по незнанию, неведению, и поэтому порочный человек подобен безумцу. Быть свободным – значит поступать разумно, то есть самым наилучшим образом. Но истине и добродетели нельзя научиться – они даются только собственным опытом. Древние греки считали, что лучшие и худшие части земли и вселенной предназначены для тех, кто заслуживает воздаяния за добродетели и наказания за свои пороки. С хорошим человеком не может случиться ничего плохого, ни при его жизни, ни после его смерти.

– Но возможно, что земные дела имеют земной исход, – загадочно произнес Ле-Муань и надолго замолчал. – Хотя, – вновь встрепенулся он, – Сократ считал, что душа человека бессмертна, но, поскольку она подвержена порче в зависимости от земного образа жизни, то когда человек умирает, она отправляется в Аид – царство мертвых. Пробыв там срок, какой должно, чтобы очиститься, она снова возвращается в земной мир. И так повторяется вновь и вновь через долгие промежутки времени. Поэтому кто знает – может быть, душа Сократа уже узнала высшую мудрость, чтобы принести ее в этот мир? – И Ле-Муань лукаво взглянул на Фальконе.

– Если ты умен и наблюдателен, – продолжал он, – то поймешь, что в жизни надо избегать двух вещей – лени и распутства. Будь добродетелен – это главное. Люди иногда считают дурного человека справедливым, но боги никогда не ошибаются. Они всегда на стороне справедливого. Но все дело в том, чтобы знать, что есть добродетель. В этом первая часть философии Сократа. Сократ не считал, что ему дано такое знание, и всю жизнь посвятил постижению этой истины. По Сократу, цель и смысл человеческого существования – в совершенствовании своей души. Истинный путь человеческого познания состоит в том, чтобы уразуметь божественную мудрость, управляющую всеми делами человека. Всякое другое познание – бесполезная и суетная трата сил. Сократ скептически относился к спорам о камнях, эфире, воде и земле, считая, что главное – это знание о человеке, его душе и теле, пороках и добродетелях. Умствующих о небесных явлениях он прежде всего спрашивал, приступают ли они к ним, уже достаточно познав человеческое. Не надо приписывать разуму могущество, которым он не обладает. Разум пригоден лишь на то, чтобы вызвать сомнение во всем, и наши познания могут привести человека лишь к

признанию того, что он ничего не знает. Путь познания труден и тернист, однако боги указывают человеку дорогу своими знамениями. Не каждому дано заметить и понять их, но и тот, кому доступно знание, не всегда следует ему. Это вторая часть сократовой философии: почему человек, зная, что хорошо, поступает часто наоборот?

Ле-Муань надолго замолчал, затем продолжил:

– Но это по-видимому не относится к самому Сократу. Оракул, к которому отец Сократа обратился за советом о характере воспитания сына, сказал ему, что тот уже имеет внутри себя руководителя, который лучше тысячи наставников и учителей: пусть он поступает так, как ему заблагорассудится, в соответствии со своей внутренней потребностью. В молодости Сократ решил посетить храм Аполлона в Дельфах и увидел написанное на дверях храма изречение одного из семи греческих мудрецов – спартанца Хилона: «Познай самого себя». После этого он оставил ремесло каменотеса и занялся философией, которую сравнивал с повивальным искусством своей матери, повитухи Фенареты.

Фальконе удивленно взглянул на Ле-Муаня.

– Нет, – рассмеялся тот, – Сократ не рожал сам, он лишь помогал рождению истины. Правда, помогал он лишь тем, в ком видел хоть какие-то признаки душевной беременности. Сократ никогда никого не учил, ничего не писал. Он философствовал в своих беседах, которые были записаны его почитателем Платоном и благодаря этому дошли до наших дней. В беседах Сократа – вся его философия, проповедующая ироническое отношение к человеческой мудрости. Обычно свои беседы с философами, претендующими на знание истины, он начинал с общепринятых рассуждений, поддакивая собеседнику и охотно соглашаясь с ним. Но затем несколько его наивных вопросов заводили самонадеянного умника в тупик и заставляли его убедиться в полной абсурдности своего первоначального мнения. Многие беседы Сократа заканчивались тем, что раздосадованный собеседник начинал упрекать Сократа в том, что он, притворяясь незнающим, нарочно путается, чтобы запутать других, и специально ловко подсовывает для подвоха каверзные вопросы. Сократ на это лишь разводил руками и отвечал: «Ведь не то, что я, путая других, сам ясно во всем разбираюсь, просто я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что такое добродетель».

Ле-Муань прошелся по мастерской.

– Добро, добродетель… – задумчиво произнес он. – Идея добра для внутреннего мира то же, что солнце для внешнего. Кто знает – может быть, добро не есть сущность вещей, но гораздо

выше этой сущности. Так говорил Сократ. И образ жизни его был достоин мудреца. Он проповедовал воздержание в удовольствиях, еде и питье, круглый год ходил босой в старом поношенном плаще. Однако личность его была настолько популярна, что даже золотая афинская молодежь, подражая Сократу, тоже стала щеголять в лохмотьях. Одному из таких своих поклонников Сократ сказал, что сквозь дыры его плаща просвечивает тщеславие. Сократ не считал, что имеет право кого-то учить, а тем более брать за это плату. Многие ему говорили: значит, твоя мудрость ничего не стоит, раз ты не берешь за нее деньги? Но и это не могло заставить его отступить от однажды принятого правила. Берущих плату за обучение своему знанию он сравнивал с теми, кто продает свою красоту за деньги. А ведь он прав – то, что не имеет цены, – бесценно!

– Но, может быть, аскетизм Сократа был вынужденным, – вздохнул Ле-Муань. – Философия – занятие неблагодарное, и тот, кто ищет истину, рискует умереть от голода. Ведь люди всегда могут прожить и по-старому, поэтому новорожденная истина никому не нужна. Сократу еще повезло – у него был товарищ, достаточно богатый для того, чтобы дать своему другу возможность совершенствоваться в философии. – Ле-Муань грустно вздохнул: – Мы, художники, сходны в этом с философами: все наши замыслы зависят от великих мира сего, которые дают нам возможность их осуществлять. Но они же и губят наши замыслы по капризу или невежеству.

– Значит, художник, чтобы стать свободным, должен быть богат? – полуутвердительно-полувопросительно произнес Фальконе.

Ле-Муань внимательно взглянул на юношу и, помолчав, ответил:

– Нет, деньги не всегда дают возможность творить. Но чтобы стать свободным, нужно, как Сократ, выпить чашу с ядом.

– Да, Сократа казнили, – продолжал он, отвечая на немой вопрос Фальконе. – Его обвинили в том, что он не почитает богов, в которых верят афиняне, и вводит какое-то новое божество, которое ставит выше всех прочих богов. Он часто упоминал в своих беседах о каком-то божестве внутри себя, голос которого удерживает его от дурного и побуждает к добру. Это есть голос совести, который вкладывается в нас уже при рождении и благодаря которому мы различаем доброе и злое, хорошее и плохое.

– На суде Сократа представили как главу философской школы софистов, хотя именно он и не признавал их теории относительности нравственных понятий, – пояснил Ле-Муань. –

Его обвинили в упадке нравственности и в развращении афинской молодежи: он воспротивился запрету вести беседы с юношеством. Но дело было, конечно, не в этом. Сократ осуждал богатство и роскошь, почитаемые в Афинах, и приветствовал спартанский образ жизни, где строго ограничивалось количество имущества у граждан. В Афинах, где было демократическое правление, это было равносильно государственной измене и пособничеству аристократической Спарте – извечной противнице свободных Афин.

Ле-Муань опять надолго замолчал, о чем-то задумавшись, затем вновь заговорил:

– Сократ и не скрывал своих взглядов. Демократия, говорил он, – это самая соблазнительная с виду форма правления, но в сущности свобода, доведенная до крайности, ведет к рабству. Каприз всякого есть закон. Равенство царствует среди вещей неравных. Такое государство гибнет от излишка своего же принципа – свободы. Она превращается в рабство, так как обыкновенно один из демагогов захватывает власть и становится тираном. Власть, основанную на воле народа и на государственных законах, Сократ называл царством, а власть против воли народа и основывающуюся не на законах, а на произволе правителя называл тиранией. Там, где граждане разделены на богатых и бедняков, власть принадлежит богатым в ущерб бедным. В таком государстве полно нищих, воров и разбойников, сдерживаемых одним страхом. Однако такой порядок не может продолжаться долго, он вызовет революцию. Сократ предлагал, подобно Спарте, ввести в Афинах закон против роскоши и бедности. Естественно, что это заставляло афинских «патриотов» с тугими кошельками подозревать его в проспартанских настроениях и обвинять в предательстве интересов своей родины. Хотя в действительности именно Сократ был истинным патриотом Афин. Он хотел их возрождения хотя бы ценой подражания аристократической Спарте, законы которой, установленные Ликургом, он считал более разумными.

– Тем не менее Афины достигли такого же могущества, как и Спарта, – заметил Фальконе.

Ле-Муань покачал головой.

– Афины были уже не те, что раньше. Золотой век демократии Перикла ушел в прошлое. Да и был ли он демократией? По названию это была демократия, а на деле – правление лучшего из мужей. Да, Перикл не считал речей вредными для дела: больше вреда, по его мнению, происходит, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами. Поэтому, считал он,

бесполезен человек, не участвующий в государственных делах и в обсуждении действий правителей. Однако обсуждение не мешало Периклу так поступать, как он сам считал верным. Но он был достаточно умен, чтобы изображать дело так, чтобы демос считал, будто все решения принадлежат ему. Перикл мог подчинить своей воле народное собрание одним искусством оратора. Не столько масса руководила им, сколько он – массой. Он не льстил толпе, но, пользуясь уважением, мог и резко противоречить ей. Древнегреческий историк Фукидид писал, что Перикл был первый из афинян своего времени, сильный словом и делом. Всем известна была простота и умеренность жизни Перикла, почти все свое время посвящавшего государственным делам. Он принимал у себя и молодого Сократа, и поэта Софокла, и знаменитого ваятеля Фидия. Афины достигли при нем своего высшего могущества, но кто знает, что было тому причиной: демократия, Перикл или деньги греческих городов, сделавших Афины своим банкиром?

– А что же спартанская аристократия? – наивно спросил Фальконе.

– Сократ был выше и демократии, и аристократии. Он говорил только о том, что править должны знающие, а способность к постижению истины дана лишь немногим. Люди разделяются на невежд, которые ничего не знают, на тех, которые думают, будто они что-либо знают, принимая внешность за сущность, и имеют только мнения. Наконец, третьи суть истинные философы. Эти-то последние и призваны управлять государством. Философа можно узнать по страстной любви к знанию, правде, по легкости памяти, глубине мысли и равнодушию ко всему мирскому. Цари – это не те, кто носят скипетры или достигли власти насилием и обманом, но те, которые умеют править и через справедливые законы добиваться блага для всех. Неважно, какая форма правления будет в стране, главное – чтобы на троне были философы. Культ личности – вот что было главным для Сократа. Культ и власть личности в противовес власти безличности и бездарности. В этом гармония философии Сократа: в отдельном человеке – это господство разумной души над неразумным телом, в человеческом обществе – это господство разумных законов и правление людей знающих. Конечно, знание – вещь относительная, и человеческие законы лишь приближаются к естественному праву, установленному в мире. Но безумно спрашивать богов о том, кому лучше доверить управление лошадью – человеку, умеющему держать вожжи или не умеющему, лучше взять на корабль умеющего править судном или не умеющего. Проблемы не решаются ни большинством

голосов, ни царской волей. Они решаются только знанием. Поэтому вовсе не обязательно всеобщее одобрение какого-либо решения или закона, принятого разумным правителем, на народном собрании, главное – чтобы оно соответствовало всеобщему благу, а понимание этого доступно немногим, – говорил Сократ и не боялся высказывать свое мнение, открыто издеваясь над невежеством должностных лиц, избранных большинством голосов или путем жребия, которому приписывали божественную волю. Чего стоило одно заявление Сократа на афинском народном собрании, решавшем вопрос о нехватке лошадей! Иронизируя над всевластием афинского демоса, он посоветовал и этот вопрос решить демократически и путем голосования превратить ослов в лошадей. Неудивительно, что те, кто знал о столь нелестном мнении Сократа о решениях «большинства афинян», единодушно проголосовали за предание его смертной казни.

– Неужели его нельзя было спасти? – спросил Этьен.

– Он мог бы спастись, – ответил Ле-Муань. – Его друг и покровитель Критон хотел подкупить стражу и устроить ему побег, но Сократ отказался. Ксантиппа, жена Сократа, упрекала его в бессердечии и говорила, что не надо было тогда заводить детей, если он выбрал себе такой путь. Но Сократ оставался непреклонным: ни дети, ни жизнь, ни все другое не может быть выше справедливости. Единственный судья наших поступков – истина. Не стоит заботиться о том, что скажет о нас толпа. Не ставь ничего выше справедливости и последуй без боязни туда, куда ведет нас бог. Тогда Ксантиппа, сокрушаясь, горестно сказала ему: «О какой справедливости ты говоришь, ведь ты осужден несправедливо!» «А разве ты хочешь, чтобы меня осудили справедливо? – ответил ей на это Сократ. – Справедливость вовсе не в том, чтобы избежать несправедливого наказания. Недопустимо воздавать злом за зло. Лучше самому претерпеть несправедливость, чем творить ее. А нарушать законы – несправедливо. Человек должен выполнять обязательства и соглашения, заключенные с обществом. Согласившись стать членом своего государства, он должен свято чтить его порядки и установления. Законы дали мне все блага, которые в их власти, поэтому надо принять и несправедливое». Почтение к закону эллины считали присущей им главной чертой, отличающей их от варваров-неэллинов. На вопрос «Как угождать богам?» – дельфийский оракул отвечал: «По городским уставам», то есть по сложившимся порядкам. Законы могут быть несовершенны, и они меняются, но все, что существует, разумно, и то, что разумно, всегда действительно. Государство сильно не законами, а

повиновением законам. Если гражданин не может предотвратить несправедливость государственных решений, он должен подчиниться им. Отечество и законы выше и дороже и матери, и отца, и всех предков. Учинять насилие над матерью или отцом, а тем паче над отечеством – нечестиво, – утверждал Сократ.

– Истинный мудрец не может закончить свою жизнь иначе, – заключил Ле-Муань. – Новая истина всегда нарушает существующие установления и поэтому подлежит наказанию.

Она входит в мир как преступница, чтобы потом стать законодательницей. Но для этого тот, кто принес ее в мир, должен принести себя в жертву.

Ле-Муань стал другом и заботливым наставником юноши. В беседах о Сократе быстро прошло время. Когда через несколько лет Этьен решил жениться, учитель не стал его отговаривать и лишь ответил словами своего любимого философа:

– Как бы ты ни поступил, все равно будешь раскаиваться.

– Но ведь и сам Сократ был женат, – пытался возразить юноша.

– Да, Сократ действительно женился, но он сделал это, когда ему было далеко за сорок, – ответил Ле-Муань. – К тому же существует множество анекдотов о супружеской жизни Сократа. – И Ле-Муань вновь, в который раз, стал рассказывать ему историю о том, как сварливая жена Сократа Ксантиппа по дороге на рынок как обычно, громко осыпала его бранью. Встречные люди при виде этого зрелища в удивлении останавливались. «Это гром», – невозмутимо объяснял им Сократ. Ксантиппа, и вовсе взбесившись от этих слов, в ярости выплеснула на него кувшин с водой. «А вот и дождь!» – шутливо заключил Сократ.

«Как ты можешь терпеть у себя в доме такую жену?» – возмущались окружающие. – «Но вы же терпите каждый день гвалт своих гусей», – возразил Сократ. «Гуси приносят нам яйца и мясо», – сказали ему. «А моя жена приносит мне детей», – отвечал Сократ.

– Но это вовсе не значит, что Сократ считал женщин чем-то вроде животных, – добавил Ле-Муань. – Он первым из греков утверждал, что женщины тоже могут быть философами, если будут к тому способны.

Семейная жизнь Фальконе не была ни счастливой, ни долговечной. Вскоре у него родился сын, которого назвали Пьером. Заботы о семье тяжким бременем легли на плечи молодого отца. Фальконе упорно работал. Ему, который до этого умел лишь читать и писать, ничего не стоило выучить латынь и греческий, чтобы читать в подлинниках сочинения великих философов древности. Он хотел осмыслить свой труд художника

и поэтому взялся за Плиния.

Многотомные сочинения Плиния-старшего, древнего правителя Испании, неутомимого собирателя знаний, содержали в себе все, что было известно римскому миру. Плиний был человеком необыкновенного трудолюбия и любознательности. Всякий час, не посвященный умственным занятиям, он считал потерянным. Насколько это было возможно, отнималось время даже у сна. Читались всякие книги, даже плохие, так как, по мысли Плиния, нет столь дурной книги, из которой нельзя было бы извлечь хоть какой-либо пользы. Не было такого места и времени, которые бы он считал неудобными для пополнения своих знаний: в дороге, в бане, за обедом и после него, на прогулках – его всегда сопровождал секретарь, обязанный читать что-либо вслух или писать под его диктовку. Плиний писал о красноречии и слоге, о войнах с германцами и умении метать копье, изложил в десятках книг свою естественную историю и погиб на 56-м году жизни, заглянув в жерло извергающегося Везувия.

Фальконе извлек из Плиния все, что относилось к живописи и ваянию, почерпнув оттуда множество сведений об истории античного искусства. Но восторг вскоре сменился разочарованием. Как, например, разделить восхищение Плиния громадностью размеров статуи или поверить ему, что Лисипп сделал более 1500 статуй, а Силапион сделался хорошим скульптором потому, что ни у кого не учился?

Вскоре Ле-Муань повел его в Версальский замок, где находилась королевская резиденция.

– Не воображай, что я буду тебя чему-то учить, – наставлял он юношу, проводя его галереями дворца. – Тебя будут учить великие художники, а моя задача лишь указать тебе на них. Ты талантливей меня. Я всего лишь трудолюбив. Но не думай, что этого мало. У меня нет самонадеянности таланта, и в этом мое преимущество. Талант, помноженный на труд, создает гения. Но и гений не всегда получает признание. Сейчас я покажу тебе работы Пюже. Пюже был величайший скульптор своего века. Он сделал для Людовика XII группу Персея и Андромеды, а также Милона Кротонского – верх скульптурного совершенства. Однако нашлись «честные» люди, которые наговорили королю, что этот провинциальный скульптор – он был родом из Марселя – не умеет сопоставлять фигуры, и эти чудные творения были сложены в кладовке, откуда их вытащили лишь после смерти виновника этого заточения. Пюже был гордого и независимого нрава, ни дураки, ни негодяи его не жаловали. Увы, суд над художником часто вершат те, кто ничего не смыслит в прекрасном. Лучше

держаться подальше от великих мира сего. Пюже не повезло. Такова, видно, была его судьба.

Ле-Муань оглянулся на притихшего Фальконе и приободрил его:

– Может быть, тебе повезет больше.

Он с благоговением остановился перед большой скульптурной группой.

– Милон Кротонский, терзаемый львом, – указал он и пояснил: – Милон Кротонский – это легендарный герой Древней Греции, многократный победитель Олимпийских игр, обладавший феноменальной силой и ловкостью. Однажды он взялся расщепить руками огромный пень, который несколько дровосеков не могли разрубить топорами. Но произошло ужасное, трагическое стечение обстоятельств: случайно он защемил руку, и в этот момент на него бросился хищник. Зверь опрокинул его на землю. Всей тяжестью своего тела Милон придавил другую руку и оказался безоружным. По преданию, боги наказали его за самонадеянность. Он считал себя неуязвимым настолько, что перестал признавать их власть. Но человек не может быть сильнее богов. Он должен подчиняться их воле, и от этого зависит его судьба. Как бы ни был силен человек, его поединок с судьбой предрешен: человек неминуемо потерпит поражение в этой схватке.

Фальконе как зачарованный смотрел на фигуру атлета. Боль, ужас, бессильная ярость и отчаяние, с удивительной силой выраженные великим художником, поразили его. Но он уже знал, что лучше Пюже сможет выразить загадочный образ умирающего героя античности.

Через несколько лет его «Милон Кротонский» принесет ему славу и признание современников, а Парижская королевская академия живописи и скульптуры причислит 27-летнего скульптора к назначенным, а еще через десять лет – за исполнение скульптуры в мраморе – к действительным своим членам.

В 1745 году гипсовая группа была показана в Квадратном салоне Лувра – периодически возобновляемых выставках Академии. Эти выставки открывались каждые два года 25 августа, в день Святого Людовика, и продолжались в течение месяца. Все замечали поразительное сходство фигуры с автором. Фальконе и не скрывал этого. В Милоне Кротонском он изобразил себя.

– Голова атлета простонародна, потому что я лепил ее по своей, – говорил он.

– Ты не суеверен? – спрашивали его друзья. – Ты не боишься повторить судьбу своего героя?

Фальконе лишь улыбался в ответ. Нет, он ничего не боялся. Он знал, что лучшие части человеческой вселенной принадлежат ему. Иначе и не могло быть, потому что он твердо следовал образу жизни своего кумира – Сократа, даже внешние черты которого с каждым годом все отчетливее проступали в лице молодого скульптора. Он с тайной радостью отмечал это, вглядываясь в свое отображение острыми глазами художника. Сам ли он себя создал, или случайная фраза Ле-Муаня, брошенная в первую их встречу, определила нравственный выбор Фальконе, но в окружении парижской богемы он всегда оставался аскетом, с суровой настойчивостью непоколебимо следующим пуританской чистоте жизни.

У гипсовой скульптуры остановилась молодая красивая дама с живыми внимательными глазами. Это была Жанна Антуанетта Пуассон, которая вскоре обосновалась в Версале под именем маркизы де Помпадур. Могущественная фаворитка короля Людовика XV почти на два десятилетия станет добрым ангелом и надежной покровительницей Фальконе.

А в это время русская императрица Елизавета Петровна, недавно возведенная на престол, пригласила в Россию пятнадцатилетнюю Ангальт-Цербстскую принцессу Софью, ставшую вскоре супругой ее голштинского племянника Петра, будущую императрицу Екатерину II.

Время Помпадур

Маркиза де Помпадур была дочерью лакея Пуассона, впоследствии ставшего поставщиком провиантского ведомства, по рассказам, весьма бестолкового и к тому же нечестного. Но считают, что настоящим ее отцом был синдик Ленорман де Турнэм, благодаря которому Жанна Антуанетта получила блестящее образование. Она прекрасно пела и музицировала, рисовала, играла на сцене. В 19 лет она вышла замуж за племянника своего покровителя, Ленормана д'Этиоля, но замужество не мешало ей весело проводить время в обществе золотой молодежи Парижа. Людовик XV случайно увидел ее и после смерти герцогини де Шатору сделал своей официальной фавориткой под именем маркизы де Помпадур. Маркиза оказалась не только красива и талантлива, но и честолюбива. Король с радостью передоверил ей скучные государственные дела, к которым она проявляла куда больший интерес, чем он сам. Видимо, на нем сказались долгие годы регентства Филиппа Орлеанского. Ведь еще задолго до появления Помпадур он с легкостью передал управление в руки кардинала Флери, который вовлек Францию в войну сначала за польское, а затем за австрийское наследство. Со временем и Помпадур обвинят в том, что она способствовала вовлечению Франции в Семилетнюю войну и ее поражению в этой войне, что она распоряжалась государственной казной как собственным кошельком и привела страну к финансовому разорению. Король же предавался праздности и развлечениям, а когда его предупреждали о грозящей катастрофе, отвечал: «После нас хоть потоп».

Госпожа Помпадур имела огромное влияние на короля, направляя внутреннюю и внешнюю политику, она фактически правила Францией. По желанию Помпадур смещались и назначались министры и главнокомандующие. Благодаря ей на пост министра иностранных дел был назначен герцог Шуазель, выдвинутый взамен кардинала Флери.

Она любила увеселения и сорила деньгами. Блестящие празднества, особняки и наряды поглощали массу денег. Машо, министр и главный контролер финансов, пытался навести порядок в казне, но по требованию Помпадур Людовик XV удалил его. Считают, что за 19 лет правления Помпадур на прихоти этой женщины ушло 37 миллионов ливров. Изысканный вкус Помпадур создал своеобразную моду в мебели и архитектуре, в «роскошно-небрежном» стиле одежды. Она не скупилась на щедрые подарки художникам, артистам и писателям. Поистине

это был для них золотой век.

Маркиза Помпадур давала заказы Фальконе через своего брата, маркиза де Мариньи, которого она назначила управляющим всеми королевскими строениями. Благодаря ее покровительству Фальконе был назначен руководителем скульптурной мастерской Королевской фарфоровой мануфактуры, которую маркиза перевела из Венсена в Севр. Миниатюрные изображения маркизы де Помпадур, выполненные Фальконе по рисункам Буше – первого живописца короля, – были чрезвычайно популярны. Помпадур с удовольствием дарила собственные изображения из бисквита – теплого мягкого камня – своим друзьям и знакомым. Фальконе выполнил по королевским заказам статую «Садовница» для замка Кресси и статую «Музыка» для замка Бельвю. Самый большой успех выпал на долю «Музыки». Это было изображение молодой поющей женщины с лирой в руках. У ног ее был свиток с надписью: «Эглэ» – название балета, в котором маркиза в роли главной героини Эглэ покорила своей игрой и пением весь Париж. Статуя не была портретом Помпадур, она лишь напоминала об ее успехе.

Фальконе не осуждал свою покровительницу. Он знал, что ее жизнь вовсе не так легка и безоблачна, как виделось издалека. Легкомысленный король вскоре охладел к ней. Она не была ни любимой, ни единственной, но смогла остаться необходимой.

Через несколько лет тяжелая болезнь настигла Людовика XV. Жизнь его висела на волоске, но судьбе было угодно пощадить его. По случаю чудесного выздоровления короля Фальконе получил заказ на группу «Франция, обнимающая Людовика XV». Эта группа была создана по рисунку живописца Куапеля в виде бюста короля на постаменте-колонне с преклоненной перед ним женщиной, символизирующей Францию. Фальконе был недоволен своей работой: она казалась ему слишком манерной и фальшивой, но он не мог отступить от заданного изображения.

25 августа 1748 года группа была выставлена в Салоне, а автор получил приглашение одной влиятельной особы, собиравшей у себя парижских знаменитостей. В 1748 году Мария Терезия Жоффрен, жена состоятельного владельца зеркальной мануфактуры, открыла в Париже салон, который очень скоро стал считаться самым модным в столице. Завсегдатаями салона стали барон Гольбах и Мельхиор Гримм – великосветский посредник между придворной аристократией и набирающей силу верхушкой третьего сословия. В то время во Франции было два привилегированных сословия: дворянство и духовенство; третье сословие, включавшее всех остальных, было податным. Но разбогатевшая его часть уже давно жаждала передела власти и

начинала говорить о том, чтобы ее политическая роль соответствовала экономическому весу.

Мадам Жоффрен была не первой молодости, но довольно обаятельная и образованная дама. На вечерах у этой новой законодательницы литературных и художественных вкусов стало собираться так много гостей, что пришлось строго расписывать дни: понедельники предназначались для художников, среды – для литераторов. Но поначалу вся парижская богема собиралась у нее в одно и то же время. Иногда к мадам Жоффрен заезжала и госпожа Помпадур, бывал у нее и Станислав Понятовский, будущий польский король. Хозяйка дома состояла в переписке с некоторыми царствующими особами: сама Мария Терезия, эрцгерцогиня австрийская, советовалась с нею при выборе зятя.

Когда Мария Терезия, старшая дочь австрийского императора Карла VI, после смерти отца в 1740 году вступила на австрийский престол, она столкнулась со множеством претендентов, оспаривающих ее права на владение всеми землями австрийской империи. Прусский король Фридрих II не преминул воспользоваться женской слабостью и заявил о древних правах своего дома на Силезию. Были притязания и со стороны Испании. Франция просто хотела использовать благоприятный момент, чтобы ослабить свою давнюю соперницу – Австрию: к союзу, который она заключила с Баварией, подключились также Пруссия и Саксония. Но Мария Терезия получила настоящее мужское воспитание: с 14 лет отец уже брал ее на заседания государственного совета. Кроме того, ее супруг, герцог Лотарингский, в 1745 году был коронован австрийским императором под именем Франца I.

Война за наследство продолжалась до 1748 года. В этот год был наконец заключен Аахенский мирный договор, подтвердивший права Марии Терезии, но Силезию ей все же пришлось уступить Фридриху II. С приходом Помпадур политика Франции в отношении Австрии изменилась настолько резко, что спустя восемь лет, в 1756 году, Франция вступила на стороне Австрии в Семилетнюю войну, которая лишила Францию почти всех ее заморских колоний. Но это будет позднее. А пока мадам Жоффрен принимала у себя парижских знаменитостей.

Кумиром вечера был, конечно, Вольтер. Пятидесятидвухлетний Франсуа Мари Аруэт был в зените славы. Дважды он заключался в Бастилию за свои вольнодумные сочинения, после чего был выслан из Франции, жил в Англии, где пришел в восторг от английских буржуазных порядков. После нескольких лет изгнания он наконец с триумфом вернулся на родину, где получил должность королевского историографа.

Совсем недавно он получил приглашение и ко двору прусского короля Фридриха II. Когда Фальконе появился в гостиной, Вольтер, потрясая какой-то книгой, восклицал: «Вот руководство для всех монархов, желающих быть просвещенными!» «Дух законов» – так было написано на обложке. Автор – Шарль Луи Монтескье – скромно сидел рядом. Эту книгу он писал двадцать лет.

Тихим голосом он объяснял: «Во все времена хотели знать, какой образ правления считать наилучшим. Когда правит один, но посредством установленных неизменных законов, – это монархия. Когда один правит по своему произволу, без закона и без правил, мы имеем деспотическое правление. Республика больше всего нуждается в разумности граждан. Когда является много граждан, равных по достоинствам и добродетели, правление должно превратиться в демократическое. Демократия покоится на имущественном равенстве, она годится для малых государств, единодержавие же – для больших. Но истинная свобода там, где есть разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, где эти власти противостоят друг другу. Эта тройственная схема неуклонно осуществлена в английской конституции. Законодательная власть должна быть вручена парламенту, избранному представителями народа. Королю должна принадлежать исполнительная власть, то есть наблюдение за исполнением изданных законов, а между ними должны стоять судьи, избранные тем же путем, что и парламент. Лишь равновесие этих властей позволяет избежать возможных злоупотреблений безграничной власти и обеспечить господство всеобщей воли, которая стремится к общественной пользе. Мы не можем изменить природные начала людей. Сосредоточение власти в одних руках или у одной из властей делает ее неконтролируемой и способствует злоупотреблениям, противопоставление же пороков и амбиций друг другу дает баланс интересов. Такой государственный механизм существует в Англии».

«Не надо выдавать Англию за образец политического устройства, – резко возразил Монтескье какой-то молодой человек с бледным лицом и ясными мечтательными глазами. – Лондонский парламент никогда не опирался на демократическую стихию, и министры чаще всего назначались королем из лидеров влиятельных партий.

Из того, что всеобщая воля всегда стремится к общественной пользе, вовсе не следует, что решения народа всегда справедливы. Всеобщая воля может и заблуждаться. Всегда желаешь своего блага, но не всегда его видишь. Никогда не

подкупишь народ, но часто его обманывают.

Начиная с древнейших времен всегда много спорили о наилучшей форме правления, не принимая во внимание того, что каждая из них является лучшей в одних случаях и худшей в других. Демократию считают народной формой правления, но народ, который бы всегда хорошо управлял, не нуждается в том, чтобы им управляли. Если бы существовал народ богов, он имел бы демократический образ правления. Такой совершенный образ правления не подходит для людей. Если понимать это буквально, то демократия никогда не существовала и никогда не будет существовать. Нельзя себе представить, чтобы народ оставался постоянно собранным для занятий общественными делами. Если демократия и возможна, то лишь в маленьком государстве, где легко собрать народ и где каждый гражданин знает всех остальных, где существует равенство рангов и имущества, без чего не могло бы долго существовать равенство в правах и во власти. Прибавим к этому, что не существует формы правления, более подверженной гражданским войнам и внутренним волнениям, чем демократический, или народный, образ правления.

Наилучшим и самым естественным порядком является такой, когда самые мудрые управляют массой, если только существует уверенность в том, что они ею управляют для ее выгоды, а не для своей. Такая форма правления была в аристократической Спарте, где было строгое равенство и умеренность среди богатых. По мере того как первенство богатства и могущества перевесило естественное неравенство, аристократия стала наследственной, а это наихудшая из всех форм правления.

Законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему. Но общественная сила нуждается в своем собственном агенте, который бы ее собирал и приводил в действие сообразно распоряжениям общественной воли. Государь не может быть выше законов, так как они создаются общей волей, а государь – член государства. Поэтому я называю республикой всякое государство, управляемое законами.

Монархия в таком случае тоже является республикой, если она руководствуется волей, которая есть закон. Тот, кто повелевает людьми, не должен повелевать законами, и тот, кто повелевает законами, не должен повелевать людьми. В противном случае его законы, будучи орудием его страстей, служили бы только упрочению несправедливости. Когда Ликург давал своему отечеству законы, он начал с того, что отказался от престола.

Иногда сравнивают монарха с отцом семейства. При этом всегда предполагают, что государь – именно то, чем он должен

был бы быть. При таком предположении монархической форме правления, несомненно, должно быть отдано предпочтение перед всеми другими. Но для того чтобы быть наилучшей, ей недостает только, чтобы воля монарха соответствовала всеобщей воле. Учреждение наследственной королевской власти и установление порядка престолонаследия устраняет после смерти короля всякие споры, то есть заменяет недостатки выборной власти недостатками наследственной. Вместо того чтобы спорить при выборе хорошего правителя, люди согласились лучше подвергнуться риску, что во главе правительства окажутся дети, изверги, идиоты. Говорят, что прилагается много труда, чтобы научить царствовать молодых принцев; незаметно, чтобы это воспитание приносило им пользу. Величайшими монархами, которых когда-либо представляла история, были те, кто вовсе не был воспитан для царствования. Это – наука, которую лучше усвоить повинуясь, чем повелевая.

Платон утверждал, что природный монарх есть очень редкая личность. Смешивать монархический образ правления с правлением хорошего монарха – значит сознательно обманывать себя. Бог в своем гневе посылает дурных королей, и их надо терпеть, как кару небес, повинуясь без ропота. Разумеется, что ничего не остается, как терпеть дурное правительство, если его имеешь, вопрос в том, как найти хорошее».

«Кто это? – спрашивали друг друга присутствующие. Никто не знал молодого человека с лицом античного оракула. Его звали Жан Жак Руссо. Молодой швейцарец, сын женевского часовщика, он недавно приехал в Париж из Италии, где был секретарем французского посольства в Венеции.

– Платон прав, – согласился с ним Вольтер. – Великие и просвещенные правители – это дар судьбы, причем достаточно редкий. Я восхищаюсь русским царем Петром I. Должен сказать, что не знаю другого современного монарха, более достойного называться именем просвещенного, нежели Петр Великий.

Совсем недавно Вольтер опубликовал «Анекдоты о Петре Великом», которые имели шумный успех.

– Я бы хотел написать более значительную вещь о русском царе, – сказал Вольтер. – Семнадцать лет назад я написал историю Карла XII. Карл XII был известен как герой в начале нашего столетия. Личная его храбрость, слава его побед и даже несчастий поражала тех, которые замечают лишь результат, но не видят трудов долговременных и полезных. И все же он оставил только развалины, тогда как Петр основал все. Россия всем обязана Петру. Именно он утвердил страну на твердом, незыблемом основании. От принятия христианства Россия не

имела никакого влияния на дела Европы. И поворотом событий обязана единственно Петру Великому. Когда в начале восемнадцатого столетия Петр I полагал основание Петербургу или, лучше сказать, своей империи, никто не предвидел тех выгод, которые оно имело впоследствии. Всякий, кто только вообразил бы тогда, что будут посланы победоносные флоты к Дарданеллам, что он покорит Рим, выгонит турок из четырех провинций, овладеет Черным морем, сделает двор свой самым блистательным в Европе и среди войны приведет все искусства в цветущее состояние, всякий, кто так вообразил бы себе и сказал другим, тот, без сомнения, был бы назван мечтателем. А ведь Российская империя клонилась к упадку и падению, и, несомненно, татары, ее подданные, или соседи сделались бы ее господами: вся южная часть страны заселена бесчисленными татарскими ордами; древние турки и монгольцы вышли из сей Татарии. Известно, что в разгар Северной войны со Швецией крымские татары вторглись на Украину, дойдя почти до Киева, в результате чего Петр вынужден был держать там значительные силы и не мог бросить их против Швеции. Петр не был достаточно образован. Воспитание его не было достойно природного ума.

Люди, окружавшие его, находили свои выгоды в том, чтобы оставить его в невежестве, но он упражнениями в военном искусстве и науке управлять государством сумел добиться гораздо большего, чем те, кто имел к этому более благоприятные обстоятельства. Петр Великий стыдился своего невежества, в котором был воспитан. Он сам решил на несколько лет оставить свое государство, чтобы научиться лучше царствовать. Под видом простого странника он предпринял намерение обозреть многие государства и дворы. Пример неслыханный в истории света, чтобы 25-летний государь оставил свое отечество единственно из желания приобрести знания и опытность в царствовании над своим народом. Он не мог воспротивиться сильному своему желанию научиться мореходству и всем тем искусствам, которые ему хотелось восстановить в своем отечестве, видеть все своими глазами и даже собственными руками испытать различные мастерства, нужные для государства. Он путешествовал под чужим именем по Дании, Голландии, Венеции и Риму. Во Франции он тогда не был, так как надменность Людовика XIV, оскорблявшая столь многие державы, во всем несообразна была с той простотой, с какой Петр вознамерился совершить свое царствование. Петр записался на верфи в число плотников под именем Петра Михайловича. Ремесленники, не зная, что их товарищ самодержец, обращались с ним попросту. Собственными

своими руками он строил корабли и совершенствовался в инженерной науке. Образ жизни его был такой же, как у рабочих, он жил возле верфи и проводил все время в нужных для него занятиях, так что сам сделался в силах давать другим уроки. Начиная от литья пушек и до витья канатов не оставалось ни одного мастерства, которого бы он не исследовал со всей точностью и которого бы не испытывал своими собственными руками. Царь много призвал в свое государство ремесленников и художников, переселял искусства из Англии и Голландии в свою страну. Каждый месяц выходили новые учреждения или новые перемены. Ничто не могло укрыться от его деятельности. Он приучил своих подданных ценить и дарования, а не одно только высокое происхождение. Он уничтожил родословность и построил свое законодательство на принципе выслуги. В табели о рангах написал, что людям знатной породы не дается никакого рангу, пока они не докажут услуг государству. Из дворянских пород в офицеры брали тех, кто знал с фундамента солдатское дело, и запретил венчать дворян, не имеющих образования. А всякий рядовой, дослужившись до офицерского чина, вместе с ним получал и дворянство.

– Но Россия пока не торопится увековечить славу своего героя в назидание потомкам. – В голосе Вольтера послышалась горечь. – Я получил оттуда отказ на свое предложение написать историю Российской империи при Петре Великом. Русский академик Ломоносов считает, что панегирик шведского короля Карла XII, который к тому же не был очевидцем русской жизни, не может быть другом русскому царю. Но историк в своих трудах не может быть чьим-то другом. Умаляя достоинства своих врагов, русские умаляют себя. Шведский король не был ничтожным правителем, тем значительнее фигура его победителя.

– Возможно, что русские сами хотят описать свою историю, ведь сам Ломоносов работает над написанием древней российской истории, – сказал кто-то.

– Очевидцем которой он тоже не был, – ревниво отозвался Вольтер. Я хочу писать публичную, а не частную историю Петра Великого, о которой известно много анекдотов, – продолжал он. – Истории многих основателей наполнены нелепыми баснями. Многое из того, что сделано Петром, приняли бы за басни, если бы неопровержимые доказательства не подтверждали сделанного. Тайна его кабинета, спальни и его стола не может быть известна. Если и были люди, которым были известны подробности его жизни, князь Меншиков или генерал Шереметев, то они не написали записок об этом, и, следовательно, все, что теперь основано на одних только слухах, не заслуживает какой бы то ни

было веры. В этом случае надо писать по его деяниям, а все прочее предоставить перу тех, которые находились при нем долгое время. Светоний, описывающий жизнь первых императоров римских, рассказывает о делах их более тайных, но был ли он в близкой связи с двенадцатью цезарями? Как можно полагаться на слова историка, который вздумал обнаружить в себе страсть к открытию всех сокровеннейших тайн государя, отделенного от него расстоянием в два века?

Многие пишут историю новейшую и с такой отважностью выдают оценки всех сражений, в которых не вдруг дали бы отчет и сами генералы. Забавно видеть, с какой уверенностью тот и другой публикуют то, о чем даже военные не могут с достаточной уверенностью сказать. Они непрестанно твердят, что нужно смело говорить истину, между тем, как им надо бы вперед разобрать и увериться в этом самим.

Другой вид ораторской лжи, который употребляют историки, – это когда они заставляют государей говорить то, чего они не говорили и даже не должны были говорить. Эти вольности и вымыслы не могут быть терпимы. Когда доказываешь истину, не надо бояться обличить ложь даже людей известных, их укоризны и ругательства должны так же мало препятствовать истине говорить, сколь мало подлость преступника препятствует правосудию наказать его. Сколько угодно примеров, которые учат нас быть осторожными в рассуждении бесчисленного множества анекдотов такого рода.

Бывают ошибки исторические, бывает и ложь. Романисты, выдающие бредни свои за истину, достойны презрения. Они во зло употребили свои сомнения и предположения свои обратили в истину.

Известны мнимые истории о Петре Великом, где ему приписывается то, чего не было, и много другого такого же разбора. Это кропатели пасквилей, торгующие клеветой. Очень жаль, что изящное искусство книгопечатания имеет один весьма значительный порок – предавать тиснению клевету и ругательства. Из этого прекрасного искусства сделали самое гнусное ремесло. Книгопродавец заказывает книгу точно так же, как купец заказывает на фабрике какую-нибудь материю; и, по несчастью, выискиваются такие писатели, которых нужда заставляет продавать труд свой этим торгашам, как работу по подряду. Отсюда-то и произошли эти грубые панегирики и постыдные пасквили, которыми завалена публика; и это гнуснейший порок нашего века. Никогда история не имела такой нужды в достоверных свидетельствах, как в наше время, когда бесстыднейшим образом торгуют ложью и обманом.

И даже если бы это была правда. Может быть, и великие мира сего, как и частные люди, предавались слабостям человеческим, известным одному или двум поверенным, но кто дал тебе право открывать публике то, что каждый человек имеет право в своем доме скрывать, с какими намерениями выдаешь их? Конечно, для того, чтобы позабавить любопытных, угодить их испорченному вкусу и увеличить расход книги, которую без этого, может быть, никто бы и читать не стал. Если бы эта слабость государственной особы, если этот тайный проступок, который ты стараешься сделать известным, имел влияние на дела общественные, если он был причиной проигрыша сражения, расстройства финансов и несчастья граждан, то ты должен говорить о нем, твой долг показать всем эту пружину, от которой произошли важные события. Если же нет, ты должен молчать. Впрочем, для людей образованных и умных приятнее видеть великого человека, трудящимся 25 лет для счастья обширной империи, нежели узнавать самым неверным способом о том, что этот великий человек мог иметь общего с подлыми людьми. Тот, кто любит истину, сомневается в истинности этого портрета, сверяя с ним жизнь императора, и люди, встревоженные ядовитостью и презрением, с которыми историки распространяются в рассуждениях о государе, осыпавшем их милостями, приведены в гнев зрелищем, в котором эти писатели производят гражданскую войну ни для чего другого, как только для удовольствия. То, что создано Петром, известно всему свету, и надо только описать то, чему все были свидетели. Сам Петр Великий – первый поручитель истинности сказанного.

За историю человечества произошло столько сражений и осад, которые свидетельствуют лишь о ничтожности дел человеческих, но одни только разительные перевороты в состоянии обратить на себя внимание людей, – перевороты, имевшие следствием перемену нравов и законов в больших государствах, и с этой стороны история Петра Великого заслуживает быть известною. Петр показал, каких успехов может достичь страна благодаря власти просвещенного правителя, достаточно сильного для того, чтобы уничтожить отжившие политические порядки. Эпоха государственных преобразований Петра Великого по своим последствиям может быть сравнима с временем, когда в конце десятого века князь Владимир крестил Русь. Владимир преследовал цель стать вровень с развитыми государствами того времени, в том числе с Византией. Для этого нужно было решиться на проведение смелых реформ и глубоких преобразований государственной жизни. Так и во времена Петра был совершен рывок в развитии страны и усвоении самых

передовых достижений европейских государств. Петр дал могучий толчок развитию России. Ни одна европейская страна того времени не переживала таких бурных темпов преобразования. Он взял в Европе все лучшее, что могло способствовать укреплению и просвещению России, не поступаясь национальным достоинством и престижем государства.

Однако многое из того полезного, что он делал для своего народа, служило поводом к возмущению некоторых их невежествующих его подданных: закоснелым боярам, приверженным к древним своим обычаям, духовенству, которому нововведения казались беззаконием и ниспровержением обычаев. До царя Петра I московиты были еще почти варварами. Народ, рожденный в рабстве, был груб, неотесан, жесток, труслив и безнравственен, но варварство уже начинало исчезать, и их властитель не так уж много положил труда для его окультуривания. И все же царю стоило труда даже введение обыкновения одеваться по-европейски и брить бороду. Он вынужден был наложить как бы некоторого рода пошлину на длинное платье и бороду. Кто же не хотел платить пошлину, тем отрезали кафтан и брили бороду, и все это обращалось в шутку, которая предохраняла от возмущения.

В течение нескольких десятилетий он достиг того, на что у других народов ушли столетия, хотя достигнуто это было самыми варварскими методами. Петр укреплял свою собственную власть, жестоко расправляясь с теми, кто ему мешал. Что ж, он думал о потомках, о тех, кто будет после него и оценит по достоинству созданное им.

– Не стоит переоценивать деяния Петра, – возразил Вольтеру Руссо. – Мудрый законодатель не может издавать законов, которые хороши сами по себе, не обсудив предварительно, в состоянии ли тот народ, которому он их предназначает, исполнять их, подобно тому как архитектор, прежде чем возвести большое здание, исследует и зондирует почву, чтобы убедиться, выдержит ли она его тяжесть. Есть народы, которым необходим повелитель, а не освободитель. Для народов, как и для людей, существует время детства, когда надо ждать, прежде чем подчинить их законам. Но не всегда легко распознать зрелость народа, если не дождаться ее, труд будет бесполезен. У русских никогда не будет настоящего гражданского порядка, потому что они получили его слишком рано. Петр обладал подражательным гением; он не обладал настоящим гением, таким, который творит и создает все из ничего. Некоторые из сделанных им нововведений хороши, большинство было неуместно. Он сознавал, что его народ – варварский народ, но не сознавал, что

он не созрел для гражданского порядка. Он хотел его цивилизовать, когда его надо было только приучать. Он желал сначала создать немцев и англичан, когда прежде всего необходимо было создать русских. Он помешал своим подданным стать когда-либо тем, чем они могли бы быть, уверяя их, что они – то, чем они на самом деле не являются. Именно такое образование дает французский воспитатель своему воспитаннику, чтобы он блистал во время своего детства, а потом не был бы никогда ничем. Россия пожелает покорить Европу, и сама будет покорена. Татары, ее подданные, или соседи станут ее повелителями: это кажется мне неизбежным.

– Но культура наднациональна, – парировал Вольтер. – Все нации и народы есть часть одной, общечеловеческой цивилизации, и не пристало упрекать русского царя в том, что он привил своему народу лучшее из человеческого опыта. Сила нации не только в приверженности традициям, но и в способности усваивать все лучшее, что создано другими.

– Однако общечеловеческое создается отдельными народами. Лишь нищие всю жизнь живут чужими достижениями, не создавая ничего своего, – запальчиво возразил ему Руссо.

Вольтер лишь снисходительно улыбнулся:

– Когда-то все мы восприняли то лучшее, что было создано древними греками, и я не уверен, что с тех пор мы много добавили к этому. Народы имеют общие корни. Считают, что парижане происходят от греков. Тому свидетельство – Елисейские поля и гора Олимп. Это такие свидетельства, против которых не может устоять и самое закоренелое суеверие. Сверх того, в Париже сохранены все афинские обычаи и греческие изобретения, даже все болезни парижан греческие. Хотя существует и мнение, что французы происходят от троянцев, и их основателем был Гектор. Возможно, поэтому галлы так легко подчинились римскому владычеству и не боролись за свою независимость. По крайней мере они никогда не стремились к обособлению от Рима и быстро ассимилировались, как и греки, слившиеся с римлянами – потомками древних троянцев, спасшимися после Троянской войны. Впрочем, о происхождении народов можно сказать то же, что и о происхождении фамилий. Созвучие Аруэт и Сократ вовсе не значит, что мы ведем родословную от Сократа.

– Культура и цивилизация принесли бедствия человечеству, – мрачно произнес Жан Жак Руссо. – Они только ухудшили моральный облик человека и не дали ему никакого счастья. Они дали человечеству ложные цели и ведут его к гибели.

Через год Академия города Дижона предложит конкурс. Предлагалось ответить на вопрос: «Прогресс наук и искусств

способствовал ли порче или очищению нравов?» Сочинение написанное на эту тему Руссо, получило первую премию и сразу сделало имя автора известным. Парадоксальный вывод Руссо вызвал массу возражений и оживленную полемику в печати. Тогда это казалось абсурдным…

В гостиной появился высокий, крепко сбитый черноволосый человек лет пятидесяти. Фальконе знал его. Это был Бюффон, директор Королевского ботанического сада. В свое время он был непревзойденным кутилой и тонким ценителем женского пола. После убийства офицера на дуэли он бежал из Парижа в Нант, где познакомился с английским аристократом герцогом Кингстоном и его воспитателем Хикманом, любителем естественной истории. Эта встреча решила его судьбу. Десять лет назад при покровительстве молодого министра Морепы он был назначен директором Королевского ботанического сада. Морепа поручил Бюффону произвести описание коллекции кабинета короля. Бюффон же предложил вместо этого сделать описание всей природы.

– Этот человек намерен конкурировать с Плинием, – отрекомендовала его госпожа Жоффрен, представляя гостям.

– Видимо, не только с Плинием, но и с Аристотелем? – уточнил Вольтер.

Бюффон учтиво поклонился Вольтеру и шутливо заметил:

– Я хочу не просто написать естественную историю, например, петуха или быка, изучая анатомию по потрохам животных. Для подлинной естественной истории польза от таких трудов невелика. Величайшие ученые древности – Аристотель и Плиний – систематикой не занимались. «История животных» Аристотеля – это лучшее из всего сделанного в этом роде, там нет ни одного ненужного слова, и ее невозможно свести к меньшим размерам всего, что он имел сказать на эту тему. Когда натуралист собрал большое количество фактов, его интересуют причины их, он стремится частные явления вывести из более общих.

Любезно кивнув Бюффону, Вольтер обратился к Фальконе:

– Я слыхал, что вы изучаете Плиния. Сочинения Плиния – подлинная энциклопедия древнего мира – не так ли?

– Я не совсем разделяю это мнение, – ответил Фальконе. – Плиний был собиратель сведений и понятий своего времени, скорее неутомимый, чем разборчивый. Сообщая бездну любопытных и драгоценных сведений, он не всегда строго разбирал их и сам был далеко не знаток в художестве. Поэтому я не могу считать мнение Плиния непогрешимым. Я читал у Плиния то, что относится к скульптуре, потому что хотел знать

все о своем ремесле, но я и сейчас не могу объяснить, как рождаются мои скульптуры, это остается тайной для меня. Но я понял первенство ваяния перед другими видами искусства, в том числе и перед живописью, особенно ввиду трудностей, выпадающих на долю скульптора и не встречаемых живописцем.

– Париж ныне поклоняется античности. Все считают, что древние греки уже достигли совершенной красоты в искусстве, – сказал Вольтер.

– Толпа бессмысленно поклоняется старине, поклоняется во что бы то ни стало, – пожал плечами Фальконе. – Но древность статуи еще не свидетельство ее совершенства. К античности надо относиться трезво, в ней тоже есть несовершенства, изъяны и ошибки. Я не считаю античную классику пределом, который невозможно превзойти. Считать античное искусство пределом совершенства и единственным образцом, достойным подражания, неразумно. Таким образцом может быть только подлинная природа. Природу живую, одушевленную, страстную должен изобразить скульптор в мраморе. Самое великое, самое возвышенное, единственное, что может создать гений скульптора, должно быть лишь выражением возможных соответствий природы, ее эффектов, ее игры, ее случайностей, – это означает, что прекрасное, даже идеально прекрасное в скульптуре, как и в живописи, должно быть сгустком подлинно прекрасной природы. Прекрасное существует разбросанно, разъединенно в различных частях вселенной; почувствовать, собрать, сблизить, избрать – значит изобразить в искусстве то прекрасное, что называется идеалом, но что имеет основу свою в природе. Искусство кристаллизует жизнь. Весь вопрос в том, как из всего, что нас окружает, выделить главное, ценное, непреходящее.

– Но какова, по-вашему, цель искусства – удовольствие или польза? – спросил Вольтер. – Я видел вашу статую «Музыка». Надо ли понимать ее как аллегорию искусства? Если это так, то я бы представил ее в образе прекрасной, знатной, роскошно одетой женщины, с презрением попирающей толпу и в то же время зависящей от нее и жаждущей ее признания.

– Какая может быть польза от этого искусства будуаров, порожденного извращенными вкусами пресыщенных аристократов? – вмешался в разговор Руссо. – Ваши сахарные пастухи и пастушки, которых вы изображаете по рисункам Буше – придворного живописца короля, – это всего лишь прекрасная форма, лишенная содержания. Они восхищают мастерством исполнения, но в них нет правды. Буше – наибольший лицемер, которого я когда-либо знал. Этот человек имеет все, кроме правды. У него нет ни одной фигуры, про которую нельзя было бы

сказать: ты хочешь быть правдивой, но ты не такова. Манерность в изящном искусстве – то же самое, что лицемерие в нравах. Но это не значит, что им не достает одной искренности. Искренним может быть и глупец, убежденный в своем заблуждении и обучившийся мастерству. Что может быть страшнее, если он к тому же талантлив и способен заражать других своим заблуждением? Наши сады украшены статуями, а галереи полны картин. Как вы думаете, что изображают выставленные на всеобщее обозрение эти лучшие произведения искусства? Защитников отечества или, может быть, еще более великих людей – тех, кто обогатил его своими добродетелями? О нет! Это образцы всех заблуждений сердца и ума, старательно извлеченные из древней мифологии и слишком рано предложенные вниманию наших детей, без сомнения, чтобы перед глазами у них были собраны образцы дурных поступков еще прежде, чем они выучатся читать. Скажите нам, прославленный Аруэт, – обернулся он к Вольтеру, – сколько мужественных и сильных красот принесли вы в жертву нашей ложной утонченности и сколько значительных истин – духу галантности, пригодной лишь для ничтожных предметов! Если это считается искусством, то такое искусство не имеет права на существование!

– Но кто может взять на себя смелость судить о том, что есть искусство, – спросил Вольтер. – Нет, только полная свобода художника позволяет приблизиться к истине. Я не разделяю ваших взглядов, но я готов умереть за то, чтобы вы имели возможность высказать их.

Руссо вспыхнул:

– Чем больше распространяются науки и искусства, тем больше нищает духом человечества. Следствие налицо – наши души развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства. Посмотрите на Грецию, когда-то населенную героями, – пока нарождающаяся письменность еще не внесла порчи в сердца обитателей этой страны. Но вскоре за нею последовали успехи искусств, разложение нравов, и Греция отныне стала только менять своих повелителей. Рим, некогда бывший храмом добродетели, после Овидия и множества авторов, одни имена которых уже пугают стыдливость, становится ареной преступлений, бесчестьем народов и в конце концов впадает в порабощение к варварам. Могу ли я забыть, что в самой Греции возникло государство, столь же известное счастливым невежеством своих граждан, как и мудростью своих законов, республика, населенная скорее полубогами, чем людьми, – настолько превосходили они добродетелями все человечество! О

Спарта! В то время как пороки проникали вместе с искусствами в Афины, ты изгоняла из своих стен искусства и художников, науки и ученых! Из Афин вышли эти изумительные произведения, служившие образцами для подражания во все развращенные эпохи. Спарта являла не столь блестящую картину. Там, говорили другие народы, люди рождаются добродетельными, и, кажется, сам воздух этой страны внушает добродетель. От ее жителей до нас дошли лишь предания о героических поступках. Но разве такие памятники менее ценны, чем мраморные статуи, оставленные нам в наследие Афинами? Древние греки считали, что поэты и художники не нужны государству, они сами мало знают и неспособны ничему научить. Их бесполезность не подлежит никакому сомнению. Мало того, они прямо вредны. Под обманчивой красотой они действуют на страсти. Красивые слова, выражая ложную суть, вводят в заблуждение, и воздействие их тем губительнее, чем талантливее художник. Государство заболевает, когда в нем появляются науки и искусства. Аристотель предлагал уничтожить все написанное, кроме Гомера. Существует предание, что науки изобрел один из богов – Прометей, враг человеческого покоя, прикованный за это к скале на Кавказе. Сколько подводных камней, сколько ложных путей в научных исследованиях! Природа хотела оберечь нас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от нас тайны являются злом, от которого она нас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых ее благодеяний. Добродетель – вот высшая наука! Неужели нужно столько труда и усилий, чтобы познать ее, разве ее правила не начертаны во всех сердцах, и разве для того, чтобы изучить ее законы, не достаточно углубиться в себя и, заставив умолкнуть страсти, прислушаться к голосу своей совести? Всемогущий Боже! Ты, в чьих руках наши души! Избавь нас от наук и пагубных искусств и возврати нам неведение, невинность и бедность – единственные блага, которые могут сделать нас счастливыми и которые в твоих глазах всего драгоценнее! Фальконе упрямо склонил голову:

– Искусство способно в равной мере и облагораживать, и возбуждать дурные страсти. Назначение искусства – воспитание и просвещение. Главная задача художника – найти великие идеи, увековечить великие и прекрасные деяния. В конечном счете ничего не остается от веков, кроме произведений искусства. Кто бы вспомнил самых великих мира сего, если бы их не обессмертил гений художника?

Вольтер с проницательной насмешливостью взглянул на Фальконе.

– Значит ли это, что в изображении Франции, обнимающей бюст короля, вы хотели выразить великую идею просвещенного абсолютизма? – спросил он.

Фальконе смутился и покраснел от досады.

– О нет, – ответил он почти грубо, – я сделал очень плохую модель, изображающую Францию, которая обнимает бюст короля, под диктовку господина Шарля Куапеля. Я был здесь лишь исполнителем чужих идей. Эта работа была вынуждена бедностью. Поэтому она может быть разбита в каком-то углу, по крайней мере я умолял, чтобы ее разбили, и предлагал вернуть королю деньги, которые я получил в счет оплаты.

Вольтер понимающе улыбнулся.

– Разрешите представить вам Дени Дидро, – сказал он, обращаясь к Фальконе и указывая на молодого светловолосого мужчину, который стоял рядом с Руссо. – Это открытие нашего барона Гольбаха. Пока это скромный учитель, который переводит с английского историю Греции и сочинения моралистов. Его первый литературный опыт оказался на редкость удачным – его книга «Философские мысли» недавно была осуждена на сожжение. – Он усмехнулся: – Трудно было бы придумать лучшую рекламу, чем та, которую ему сделали отцы-иезуиты. Он сразу стал известным, несмотря на то, что издание было анонимным. Теперь вместе с бароном Гольбахом они затеяли грандиозное издание – «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Поверьте, это предприятие обречено на успех – французы любят словари. У Дидро есть опыт – недавно он закончил перевод с английского и издание Медицинского словаря. Они с Гольбахом заключили союз: Дени предоставляет ему ум, талант и опыт, а барон – свое поместье, где есть все условия для работы, а самое главное – финансовую поддержку. Я уверен, что вы напишете для этой энциклопедии прекрасную статью о скульптуре.

Фальконе с интересом посмотрел на молодого ученого.

– Господин Фальконе – первый ваятель короля, – добавила госпожа Жоффрен, улыбнувшись Дени. – Он добился своего высокого положения исключительно благодаря своему таланту и трудолюбию: он сын плотника, но был причислен к Академии и получил дворянское звание за свои великолепные произведения, которые вы видели в Салоне Лувра. – И мадам Жоффрен, взяв под руки Вольтера и Руссо, удалилась с ними, оставив Фальконе и Дидро вдвоем.

– Так вы сын плотника! – воскликнул Дидро. – Ну что ж, а мой отец был ножовщиком. И вообще все мои предки уже двести лет ножовщики. А меня хотели сделать священником. Моя мать с

детства внушала мне, что я должен стать преемником ее брата-священника. Но священником я, как видите, не стал. Я не стал и врачом, потому что не желаю убивать людей, и не стал адвокатом, потому что мне не нравится всю жизнь заниматься не своими, а чужими делами. Но кем же вы хотели стать? – спросите вы. Право никем, совершенно никем. Мне нравятся науки; я вполне счастлив, вполне доволен, больше мне ничего не нужно. Вы согласны со мной? А вот мой папаша, услышав это, обошелся со мной очень круто. «Или ты возвращаешься домой, или не получишь от меня ни гроша денег», – заявил он. Я выбрал последнее. – Дидро вздохнул. – Что делать – я был беден, но не стремился к богатству. Я был свободен и независим, хотя ходил в заштопанных чулках и обедал далеко не каждый день. Жил на чердаке. Часто ко мне приходили друзья, оказавшиеся вовсе бездомными: и тогда тюфяк стаскивался с кровати, и вместо одной постели легко получалось две. Чем я жил? Давал уроки. И представьте себе, я мог позволить себе не тратить время на бездарных и ленивых учеников, какой бы гонорар мне ни предлагали. Зато если ученик оказывался способным, я занимался с ним столько, сколько нужно, даже если ему нечем было платить… Теперь я решил издать сочинение, в котором будут изложены все новые достижения науки в области познания природы и общества. В нем я дам ответы на все вопросы современности с точки зрения новых воззрений. Цель Энциклопедии – собрать знания, рассеянные по всей земле, представить их в систематизированном виде своим современникам и сохранить для людей, которые придут после нас, дабы труды минувших столетий не оказались напрасны для столетий грядущих; дабы наши более образованные потомки оказались также добродетельнее и счастливее нас и чтобы не умерли мы, не заслужив благодарности человеческого рода, – увлеченно говорил Дидро.

– Не стоит придавать большое значение суду потомков и заботиться о том, что скажут они о нас, – заметил Фальконе.

– Вы хотите сказать, что нужно думать прежде всего о современниках? – недоуменно спросил Дидро. – Но разве, создавая свои скульптуры, вы не думаете о том, как они будут выглядеть в глазах будущих поколений?

– Современники часто бывают неправы, – ответил Фальконе, – то же можно сказать и о потомках. Философу, уводящему людей с путей бессмыслия, приходится терпеть палочные удары. Он работает для потомства, но потомки не всегда будут благодарить его. Не думаю, что наши потомки будут умнее современников. Я не желаю одобрения ни современников, ни потомков, а желаю

только делать хорошо. Моя совесть и истина – вот мое потомство!

Церковь Святого Рока

В 1753 году церковный совет Парижа объявил конкурс на реконструкцию и украшение церкви Святого Рока. Предпочтение было отдано Этьену Морису Фальконе, признанному королевскому скульптору. Предстояло оформить капеллу Распятия и капеллу Святой Девы Марии. Настоятель церкви Святого Рока, кюре Жан Батист Мардюэль прежде всего повел Фальконе в капеллу Святой Девы. «Начинать надо со Святой Девы», – твердо сказал он. Фальконе вопросительно посмотрел на священника. «Я верующий человек, – сказал он, и все же мне хотелось бы услышать из ваших уст, как вы сами понимаете то, что мне предстоит делать как художнику. Любая скульптура должна выражать мысль, понятную каждому без всякого комментаторства».

Аббат вздохнул: «Вряд ли я смогу добавить больше того, что вам уже известно из Святого Писания. В Евангелии от Луки так сказано о Деве Марии. «Во времена иудейского царя Ирода жили священник Захария и его жена по имени Елизавета. Оба они были праведниками, беспорочно следуя во всем заповедям и церковным уставам. Однако у них не было детей, и уже не надеялись их иметь, поскольку оба они были уже в преклонном возрасте. Однажды во время служения Захарии явился Ангел Господень, который предсказал ему, что Елизавета вскоре родит ему сына, которого велел назвать Иоанном, и станет он пророком Всевышнего, чтобы приготовить его пришествие, дать уразуметь народу путь его спасения.

В шестой месяц послан был Ангел от Бога в город Галилеи Иудейской Назарет к Деве Марии, обрученной с праведным человеком по имени Иосиф. И сказал Ей Ангел: «Радуйся, Благодатная! Благословенна Ты между женами: зачнешь во чреве и родишь Сына, которого назовешь Иисусом. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего». Мария спросила: «Как же будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел сказал Ей в ответ: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елизавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц; ибо у Бога не остается бессильным никакое слово». И отошел от Нее Ангел. Мария же, встав, с поспешностью пошла в нагорную страну, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елизавету. Когда Елизавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и воскликнула она громким голосом: «Благословенна Ты между женами, и

благословен плод чрева Твоего!»

Пробыла с ней Мария около трех месяцев и возвратилась в дом свой. Иосиф, будучи праведным и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее, но когда он помыслил это, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого. Когда родит Она Сына, наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял Марию, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца, и он нарек Ему имя: Иисус».

– Значит, это должна быть идея материнства? – спросил Фальконе. – Все великие художники именно так изображали Богородицу.

– Но идея материнства вовсе не так свята, как это принято считать, – раздался голос позади них.

Фальконе оглянулся. Какой-то человек неслышно появился рядом с ними, как будто он возник из церковной стены.

– В самой материнской любви заложено страшное противоречие, – продолжал он. – Беззаветно любить свое дитя можно, лишь будучи несправедливой к чужим детям, и если бы мать была справедлива, не было бы и всепрощающей материнской любви. Плохие люди тоже имеют матерей. Нет ничего святого в том, чтобы любить свое дитя, ведь это все равно, что любить себя самого, каждому это под силу. Поэтому образ материнства – это земной образ. Но Деве Марии поклоняются, как и Ее Сыну, потому что Слово Божие пришло к нам через непорочную Деву.

Человек помолчал, потом, глядя на Фальконе, спросил:

– Значит, вы и есть тот человек, который будет украшать церковь Святого Рока? Поверьте, эта церковь особенная, единственная в своем роде, и если ваша судьба привела вас сюда, то вы – ее избранник. Нет ничего значительнее, чем выразить, воплотить в камне идею Бога – высшего разума, высшего смысла человеческого существования!

– Следовательно, то, что я здесь, и есть Святой Рок? – нашелся Фальконе, попытавшись за шуткой скрыть свое смущение, вызванное неожиданным появлением незнакомца.

– Вы действительно хотите узнать, что такое Святой Рок? – спросил тот и продолжил: – Эта идея не так проста. Ее нужно почувствовать сердцем, принять на веру, ибо она пока не доступна человеческому разуму. Вы светский человек и живете разумом. Я не спрашиваю вас, верите ли вы в Бога. Тот, кто говорит «верую», не искренен. Каждый человек сомневается. Люди сейчас больше надеются на науку. Наука не более

доказательна, чем религия, но люди легковерны и более склонны верить ученому, с апломбом утверждающему то, чего он, в сущности, не знает, чем скромного священнику, который говорит, что он не знает, но верит. Вера выше разума, она дает духовную убежденность, а веру укрепляет молитва. Если вы все же хотите знать, что есть Святой Рок, приходите сюда завтра, чтобы услышать Слово Божие. – И, не сказав больше ни слова, человек исчез в дверях так же незаметно, как и появился.

– Кто это? – спросил Фальконе, зачарованно глядя ему вслед.

– Это Луи, – коротко бросил кюре.

– Кто он? – настойчиво переспросил скульптор.

– Бывший теолог, ученый-богослов из университета Сорбонны, – пояснил Мардюэль и повел скульптора дальше, знакомя его с убранством церкви. Но мысль о странном человеке, внезапно появившемся в капелле Святой Девы, не покидала Фальконе.

На следующее утро, в воскресенье, он появился в церкви Святого Рока. Остановившись у входа, он прислушался.

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, – звучало под сводами церкви. – В нем была жизнь, и жизнь была свет. Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез него начал быть, и мир его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единородного от Отца. Ибо закон дан через Моисея, благодать же и истина произошли через Иисуса Христа. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него. Верующий в Него не судится, а не верующий уже осужден. Суд же состоит в том, что Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

И сказал Иисус народу: «Я Свет миру, пришел, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. Я есмь

хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Всякий, пьющий воду, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными, ибо всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вечно: сын пребывает вечно. Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью в себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец. Он дал мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная.

Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Кто знает Меня, тот знает и Отца Моего; и отныне знаете Его и видели Его. Видевший Меня видел Отца. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, слово же не есть Мое, но пославшего Меня Отца.

Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророки; не нарушить пришел Я, но исполнить.

Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай; кто же убьет, тот подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. Вы слышали, что сказано древним: «Не прелюбодействуй»; а Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разводится с женою своею, пусть даст ей разводную. А я говорю вам: «Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать, и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

Вы слышали, что сказано: «Око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: «Не противься злому». Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас». Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить; и что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «Дай, я выну сучек из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего.

Если согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему. Если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз обратится, и скажет: «Каюсь», прости ему. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших. Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный, и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки. Заповедь новую вам даю: да любите друг друга.

Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – Виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не может делать ничего. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и дано будет вам. Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас». Если не усомнится человек в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: «Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что

получите, и будет вам».

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его просит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, дал бы ему змею? Если же и вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Кто же не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают.

Если мир вас возненавидит, знайте, что Меня он прежде вас возненавидел; ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если Меня гнали, будут гнать и вас. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе своем.

Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего.

Кто не со мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Нельзя служить одновременно Богу и маммоне.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более Меня, не достоин Меня. И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Если кто хочет идти за мною, отвергнись и возьми крест свой и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Потому говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один

локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или «что пить?» или «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о себе; довольно для каждого дня своей заботы. Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек от радости о нем идет и продает все, что имеет, покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее.

Не всякий, говорящий Мне «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие же будут первые последними и последние первыми.

Я уйду к пославшему Меня, – сказал Христос, – и лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам. Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден. Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину.

И молился: Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздав ученикам, сказал: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое». И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: «Пейте из нее все, ибо сие есть кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов»».

Фальконе слушал, и какие-то смутные чувства боролись в нем. Все это было ему давно знакомо и все же казалось чем-то новым и необычным, как будто он услышал то, что давно сознавал, но не мог выразить сам.

После проповеди Луи подошел к Фальконе и провел во внутренний дворик храма.

– Вас по-прежнему волнует тайна Святого Рока? – спросил он.

– Я хочу это понять, – ответил Фальконе. – Что есть Святой Рок? Неотвратимость и предопределенность судьбы или нечто иное? В чем состоит таинственная власть судьбы, этой непостижимой, всемогущей силы, которая часто вопреки воле и стремлению человека приводит его действие к результату, противоположному тому, которого он ожидал? В чем заключается эта непреодолимая сила, которую еще древние греки называли провидением, предопределенностью? Может ли человек изменить свою судьбу или то, что предначертано ему от рождения, неизбежно?

– Вера в Бога и есть Святой Рок, – отвечал Луи. – Узнаете, что есть Святой Рок, узнав в чем спасение, а спасение – в соблюдении христианских заповедей. Отвергающего их настигает возмездие – таков закон жизни, открытый нам. Людьми управляют обстоятельства, но не думайте, что обстоятельства не зависят от самого человека. Все, что с ним случается, не случайный каприз судьбы, а закономерность. Но это вовсе не означает, что все заранее предопределено. В жизни человека господствует случай, который подчиняется высшему закону: случай этот окажется счастливым для того, кто чтит высший закон мироздания, и несчастливым для того, кто им пренебрегает. Судьба человека – в его руках, и она будет счастливой, если он не нарушит Божественных установлений. Нарушение их есть грех. Грех – это действие, противное воле Божьей, беззаконие. Тот, кто его совершает, погибает. В этом состоит Святой Рок, и в вере в него, то есть в вере в заповеди, данные нам Господом нашим Иисусом Христом, – спасение.

– Но заповеди эти были известны и до Иисуса Христа, – возразил Фальконе.

Лицо Луи приобрело некоторую торжественность. Чувствовалось, что сейчас он готовится сказать нечто важное, но колеблется, не зная, как воспримет это его собеседник. Наконец, после непродолжительной паузы, он начал говорить:

– Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа не отменяет Ветхого Завета и Моисеевых заповедей, но он расставляет акценты и приоритеты. Перечисляя их на вопрос фарисея, он на первое место поставил заповедь «не прелюбодействуй».

Об этом грехе более всего сказано в Новом Завете: «Тайна сия великая есть. Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И

кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведенной прелюбодействует». Ему ответили; «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться». Он же сказал им: «Не все вмещает слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами ради Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

Луи замолчал и задумчиво посмотрел вдаль. Вернувшись от своих мыслей, он продолжил свою мысль:

– Святой Рок неочевиден, а потому невозможно прожить жизнь без сомнения и греха. Нужно пережить всю грязь греха, чтобы поверить. И не случайно первой по своем воскресении Иисус Христос явился Марии Магдалине – падшей женщине, которая вела развратную жизнь, но, поверив, возродилась к новой жизни и сделалась образцом глубокого покаяния. Был один человек по имени Фома, который не верил в воскресение Христа и говорил: «Тогда поверю, когда увижу своими глазами и вложу персты в раны». Тогда Христос явился этому неверующему, и тот, удостоверившись в чудесном воскресении, уверовал. «Ты поверил потому, что видел Меня, – сказал ему Христос. – Блажен тот, кто не видел и уверовал». Всякий грех от сомнения, и через сомнения, грех и страдание человек приходит к Богу.

Помните ли вы евангельскую притчу о Петре, любимом ученике Иисуса? – спросил Луи. – Первый из людей, последовавших за Иисусом, был апостол Андрей. Он разыскал своего брата Симона и сказал ему: «Мы нашли Мессию, что значит: «Христос», это Иисус, сын Иосифа из Назарета». Ему ответили: «Из Назарета может ли быть что-то доброе?» Он сказал: «Иди и посмотри». И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: «Ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Петр, что значит «камень», и на этом камне будет воздвигнута церковь, и врата ада не одолеют ее».

Как-то в сильную бурю ученики, сидящие в лодке, увидели Иисуса, идущего к ним по морю. Они встревожились, подумав, что это призрак, и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними: «Ободритесь, это Я, не бойтесь». Петр сказал Ему в ответ: «Господи! если это Ты, повели и мне прийти к Тебе по воде». Он сказал ему: «Иди». И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу; но, видя сильный ветер, начал утопать и закричал: «Господи! Спаси меня». Иисус тотчас простер руку, поддержал его и сказал: «Маловерный! Зачем ты усомнился?» И когда вошли они в лодку, ветер утих.

Луи вздохнул:

– Да, человеку лучше быть праведным, но я не говорю, что каждый может стать праведником, хотя Бог не требует от человека ничего, что было бы выше его сил.

Даже те, кто способны понять истину, не всегда ей следуют в своей жизни, оттого в ней так много зла. Я бы даже сказал, что истина известна всем, но все и сомневаются в ней, и самый ничтожный соблазн заставляет иных забыть о Святом Роке – неотвратимом законе жизни. Есть сомневающиеся, а есть и те, кто сознательно уводит людей с путей истины. Это слуги дьявола. Их можно узнать по страху, который они испытывают, ибо они не полагаются на волю Божью. Страх заставляет их искать господства, потому что только тогда они чувствуют себя в безопасности. Они знают о Святом Роке и следуют ему сами, но обманывают других, так как знают, что именно грех превращает людей в рабов, а они хотят властвовать над людьми. Сокрытие истины Божьей – их тайное оружие в борьбе за власть над миром. Они придумывают ложные учения и веры. Стараясь извратить истину, они проникают в самую Церковь и подражают Богу, смущая умы и сея сомнения. За словами о Боге исчезает суть христианского учения, его истинный смысл. Пока они не овладели Церковью, они выступают против Церкви. Магией искусства и слова они вторгаются в души людей. Их книги содержат ложь. Они научились хорошо сочинять ложь, чтобы привлекать сердца людей и навязывать им свои фальшивые идеи. Но их цель всегда и везде одна – разрушение нравственности. Они смеются над супружеской верностью и утверждают, что свобода человека – в свободе от нравственных заповедей, тогда как в этом – гибель человеческая. Люди же охотно принимают даже ложное мнение, особенно если у них есть скрытое желание принять его, и человек, теряя ориентиры в жизни, погибает.

Они – воинство могущественного ордена, противостоящего Церкви Христовой. Колдовство и чародейство – их тайное оружие. Несколько веков Церковь пытается истребить это нечистое воинство, они невидимы и проникают везде, даже в святая святых – орден иезуитов. Ложь и клевета, клевета и ложь везде и во всем – вот их первое правило. Они доносят на неугодного и находят сотню подобных им свидетелей, чтобы подтвердить это. Они обманывают бдительность самых честных судей и с радостью смотрят, как на кострах сжигают невиновных вместо их суккубов. Нечистое воинство это возрождается снова и снова, оно существовало и будет существовать, потому что оно необходимо. Противостояние создает равновесие. В борьбе добра и зла отделяются зерна от плевел, очищаются души и проверяется добродетель. Дьявол становится орудием добра, терзая лишь

того, кто не устоял в вере Христовой.

Человеку нельзя сделать ничего дурного, если он сам себе не повредит. Сколько бы ни желали ему зла, ничего плохого ему не смогут сделать, если он сам в этом не поможет. Поэтому злой, недобрый человек – не враг, а учитель, которого надо любить, так как он учит нас праведной жизни и указывает истинные пути. Единство это непостижимо: надо любить своих врагов и радоваться тому, что они есть. Они суть незаменимые звенья единой цепи, ведущей нас к благу.

В обществе, как и в природе, действуют неотвратимые законы, которые нельзя отменить. Дух человека – в плену земного тяготения этих незыблемых законов бытия. Как не может человек оторваться от земного притяжения, так он должен смириться и с этой земной предопределенностью. Но именно это смирение даст ему свободу, а свобода дается лишь безгрешному. Тот, кто соблюдает эти законы, обретает свободу, ибо перестать бояться за себя – это и есть свобода. Лишь действуя в соответствии с ними, человек может обрести покой, счастье, здоровье и удачу. Нарушение их приносит болезни, лишения и несчастья, которые есть плата за грех, и само несчастье есть неопровержимое свидетельство греха.

Истинная защита человека – в нем самом. Не бойся ничего, кроме греха. Страх греха – это осознание его последствий. Совершивший грех лишается Божьей благодати и добровольно отдает себя во власть демонов, становится беззащитным перед болезнями и несчастьями, которые не замедлят вскоре обрушиться на него. Он открывает дверь несчастьям и притягивает их к себе.

Злое притягивается к злому, так же, как и доброе – к доброму, и зло распределяется между творящими его так же, как и добро между его созидающими. Что ж, количество благ всегда ограничено, и справедливо, чтобы люди, живущие более достойной жизнью, получали больше хорошего, чем те, которые творят грех.

Причину несчастий человека нужно искать в нем самом, а не в окружающих его обстоятельствах. Обстоятельства всегда будут такими, какие человек заслужил своими поступками. Поэтому бесполезно бороться с обстоятельствами – нужно менять что-то в себе самом, чтобы они изменились или непостижимым образом превратились в благоприятные. Ищи причину в себе, а все остальное – суть необоримые гидры: не успеешь избавиться от одной, как взамен получаешь другое возмездие, еще худшее, чем прежнее, и так будет до тех пор, пока не сбросишь с себя бремя греха. Многие люди умирают, так и не поняв, почему им было

плохо в этой жизни. Они сетуют на несправедливость судьбы, забывая, что сами нарушили ее законы, которые давно открыты людям.

Истина эта лежит на поверхности, но не все хотят ее видеть. Люди постоянно перестраивают свою жизнь, не ведая, что новое окажется ничем не лучше старого, если они не соблюдают главного условия своей жизни. Они изобретают справедливые, по их мнению, общественные устройства и законы, забывая о самом главном. Они придумывают тысячи способов, чтобы уйти от возмездия судьбы, но получают в результате еще худшее наказание, потому что то, что посылается им, – всегда наименьшее. Поэтому надо терпеливо нести свой крест. Избавившись от одного, всегда получишь взамен еще более тяжкий, пока не избавишься от причины его – греха. Не пытайтесь уничтожить зло и убрать со своей дороги людей, вредящих или мешающих вам. Ведь может так случиться, и можете не сомневаться, что случится именно так, что, устранив со своей дороги одно препятствие, вы получите взамен него другое, еще худшее. Судьба добра и рациональна. Это человеку кажется, что она слишком строга к нему, а в действительности она дает ему самое меньшее из зол, которое он заслужил. Мир гармоничен и справедлив. Порок всегда получает воздаяние, а добродетель – свободу и счастье. Если вы мечтаете о таком обществе, в котором будет счастлив и порок, то такое общество несправедливо.

Люди придумывают себе власть и порядок, тогда как они уже существуют в мире. Счастье человека зависит не от государственного устройства, а от того, каким будет сам человек. А каким будет он сам, таковы будут и люди, которые его окружают. Не нужно искать наилучшего устройства человеческого общества – оно уже существует. Мир, созданный Богом, совершенен, и при любом общественном устройстве хорошо будет праведному и плохо – грешному. Неразумно человеку пытаться быть справедливей, чем сам Господь Бог.

Люди придумали свое собственное правосудие от неверия в высшую справедливость. Но все равно каждый получает от жизни ровно столько, сколько заслужил. Никто пока не может объяснить эту закономерность, но она существует, и каждый найдет ее подтверждение в собственном жизненном опыте. Люди ищут «законной» защиты от возмездия, чтобы обезопасить себя, они придумывают тысячи хитроумных законов, но они не спасут грешного. Правосудие – это миф. Люди обманывают себя мнимым правосудием. Мало того, люди зачастую сами становятся жертвами придуманных ими законов. Но беззаконие это будет законно, потому что иногда сама несправедливость нужна для

того, чтобы восстановить справедливость. Да и может ли человек доказать чью-либо вину или невиновность? И кто может взять на себя то, что под силу одному Богу? Люди часто ропщут на судьбу и жалуются на то, что на их долю выпадает трудностей больше чем у других, а полученные от жизни блага бывают одинаковы и даже меньше. Но кто из людей и в каких деньгах возьмется измерить то, что заслужил каждый? Не судите по тому, что видимо вам. Гораздо более скрыто от ваших глаз, и лишь Богу ведома истина. Верьте, что все в мире справедливо, ибо это так и есть. Верьте, ибо не знаете и не можете постичь меру Господней благодати. Доверьтесь судьбе. Не надо стараться все познать – не в этом спасение. Человек уже знает путь, ведущий к спасению, все остальное – тяжкая каменистая тропа, ведущая в никуда.

– Но ведь многие усовершенствования и достижения науки намного облегчили жизнь людей и сделали ее более счастливой, – не согласился Фальконе.

– В жизни побеждает не то, что лучше в понимании людей, но то, что соответствует божественным установлениям. Счастье – не выигрыш в лотерею, не подарок судьбы. Если вы того заслуживаете, то и без всяких усовершенствований будете счастливы, если нет, – то и с ними несчастья не избежите. Все пойдет во вред человеку, любые его усовершенствования, если не совершенен сам человек. А совершенство состоит в осознании закономерностей, установленных Богом и выраженных в евангельских заповедях. Если человек будет следовать им, то ему не нужны будут ни суды, ни врачи, ни знахари. И все, что ему достанется, всегда окажется лучшим, даже если вначале казалось несчастьем. И каждый человек, который встретится на его пути, будет от Бога и принесет удачу. Обстоятельства будут благоприятствовать ему, и нужные мысли сами будут слетаться к нему под воздействием мощного притяжения святости. Но бесполезно грешному искать счастья там, где его нашел безгрешный, – для него окажется несчастьем то, что казалось ему счастьем, которое самым непостижимым образом без всякого расчета найдет праведника. Праведник прикрыт невидимым плащом, защищен незримым щитом, ограждающим его от несчастья. Даже самое жестокое наказание обернется для него благом, в то время, как грешнику и самое лучшее, что ему достанется, пойдет во вред и обернется несчастьем. Что бы ни задумал он, всегда с досадой убедится, что обстоятельства увели его далеко от того, что он предполагал и на что надеялся. Все достоинства человека превращаются в ничто, если он преступил закон Бога.

– Но это несправедливо, – не удержался Фальконе.

– Человек не может одобрять или порицать этот закон за то, что он действует именно так, а не иначе, или потому, что действие его ему непонятно, – возразил Луи. Никто не ищет справедливости в законах природы. Власть этих законов не тяготит человека, потому что они ясны ему, и человек, сознавая их неизбежность, подчиняется им без ропота. Но трудно поверить в то, что не видишь и не ощущаешь, что не дает последствий сразу же, а обнаруживается лишь позднее, как будто вне связи с причиной несчастья. Человек, прикоснувшись к огню, навсегда запомнит боль от ожога. Но есть и не столь очевидные законы. Таков закон Святого Рока. Человек, нарушивший его, не скоро получает возмездие, так же, как и праведник – награду. Божественная справедливость приходит рано или поздно, но Бог всегда медлит. Каждому грешнику дается время, и мелкие удары судьбы предупреждают его о грядущей гибели, заставляя задуматься: а так ли он живет, как должно? И горе человеку, если он не заметит этих предостережений Святого Рока. Если бы люди точно были уверены в том, что за нарушение заповеди им придется заплатить половиной оставшейся жизни, несчастьем, болезнью или смертью их самих или их близких, если бы им дали возможность заранее увидеть последствия своего греха, каждый с ужасом отказался бы от тех сомнительных удовольствий, которые дает грех, как ни один разумный человек, однажды обжегшись, не сунет снова руку в огонь.

– Увы, любовь иногда заставляет совершать безумные поступки, – заметил Фальконе.

Луи грустно покачал головой:

– Люди называют грех любовью, но похоть не есть любовь к человеку, а есть любовь к удовольствию. Она превращается в ненависть, когда объект его обожания отказывает ему в возможности получать это удовольствие. Но разве может называть себя разумным человек, который ради своего удовольствия и удовлетворения своей греховной страсти становится палачом человека, которого он якобы любит? И разве не сумасшедший тот, кто меняет на призрак счастья то, что в тысячу раз ценнее? Тот, кто не способен это осознать, не имеет права на существование.

– Но не все могут следовать закону Святого Рока, – заметил Фальконе.

– А я и не говорю, что смогут все, – ответил Луи. – Но Человеком, достойным своего Творца, может считаться только тот, кто сможет победить в себе разумом чувства, ведущие к гибели. Остальные должны исчезнуть, и в этом состоит высшая справедливость. Таким путем очистится мир, а из земной породы

останутся лучшие, те, которые смогут победить в себе безумие, осознать закон Святого Рока. Те, кто не смогут, отсохнут от ветви, а такие ветви, как сказано в Писании, отсекают и бросают в огонь. Если никто из людей не сможет, – значит, погибнет вся ветвь. Но нет воли Отца нашего, чтобы погиб хотя бы один из нас, поэтому каждый раскаявшийся грешник для него дороже сотни праведников.

– И все же, разве не абсурдно ради какого-то ничтожного действа, в чем заключается грех прелюбодеяния, так сурово наказывать человека? – задал вопрос Фальконе. – Или этим условным приемом всего лишь проверяется верность человека Богу и следование его воле?

– Это действо вовсе не так безобидно, если вокруг него вращается все мироздание, – задумчиво произнес Луи. – Нам неизвестен Божий замысел в отношении людей. Возможно, Богу совсем не безразлично, для чего рождаются новые люди, – для рая или для ада, чтобы быть служителями темных сил, противостоящих Богу, или нести добро и свет. Ведь еще задолго до создания человека произошла некая вселенская катастрофа, которая привела к расколу духовного мира. Против Бога восстал один из самых могущественных из созданных им ангелов, которому была вверена наша планета. С ним ниспало бесчисленное множество подчинённых ему ангелов. Сатана и злые духи, окружающие землю (космос), неустанно влекут людей ко злу, стараясь нанести духовный вред человеку как Божьему творению. Диавол, принявший образ змия, был искусителем и виновником грехопадения первых людей – Адама и Евы, как об этом повествует третья глава книги Бытия.

В основе христианства – вера в Иисуса Христа как Богочеловека, Спасителя, воплощение второго лица триединого Бога. Согласно христианскому вероучению человек был создан Богом по своему образу и подобию для вечного блаженства и соуправления миром. Назначение, с которым Господь сотворил человека, – постоянно совершенствуясь в добре, приближаться к Богу, источнику добра и жизни, и тем достичь вечного блаженства. Для укрепления человека на пути добра первой заповедью, данной Богом человеку, была заповедь послушания в виде поста – невкушения плода с дерева познания добра и зла. Зло не есть какая-либо сущность, которая имела бы действительное самостоятельное бытие, подобно созданным Богом элементам и силам мира; оно есть только уклонение живых существ от того состояния, в которое поставил их Творец, в состояние противоположное. Поэтому не Бог виновник зла нравственного, но оно исходит от самих существ, уклоняющихся

от согласования своей воли с волей Божией. Сущность зла состоит в нарушении воли Божией, заповедей Божиих и того нравственного закона, который написан в совести человека. Это нарушение и называется грехом. Зло вошло в мир вследствие падения, которое произошло сначала в мире бесплотных духов, а затем в роде человеческом, и отразилось на всей живой природе. Начало греха идёт от дьявола (сатаны), который, обладая, как все разумные существа, свободой, данной ему для совершенствования в добре, не устоял в истине и отпал от Бога.

В результате грехопадения божественная природа человека оказалась искажена. Впав в грех, человек утратил дарованные ему совершенства, потерял силу делать добро, даже если бы желал этого. Человек стал смертен и обрёк себя на существование вне Бога. Поэтому первым религиозным верованием человека было язычество – поклонение тёмным, демоническим силам природы, враждебным человеку. С этой точки зрения первая религия была единой для всего человечества. Это подтверждает сходство религиозных обрядов различных первобытных народов, которые в современных условиях приняли форму оккультизма и различных магических практик. Но Бог не оставил своё творение. Через своего сына – Иисуса Христа, в котором воплотилось божество, Бог явился на Землю, чтобы дать человеку путь для его спасения и освободить от власти дьявола. В христианстве самопожертвование Иисуса Христа – искупительная жертва за грехи мира, так что верующий во Христа, возрождённый в Таинстве Крещения, является новым человеком, способным к добру и имеющим возможность приближаться к Богу. Предвидя, что и после Крещения человек по своей немощи будет опять впадать в грех, Господь дал грешнику возможность снова получать прощение через Таинство покаяния и сообщил благодатные силы, необходимые для богоугодной святой жизни, через Таинство Причащения. В этом главном христианском таинстве, вкушая под видом хлеба и вина бескровную жертву, верующий теснейшим образом соединяется с Богом, который входит в него и пребывает в нём, освящая все его мысли и поступки. Правда, язычество было побеждено не сразу и не вполне, оно проникло впоследствии и в христианство, искажая его в целом ряде исторически сложившихся его форм. Возникли ереси и расколы, которые грозили изнутри подорвать спасительную для людей силу христианского учения. В своей основе все они в качестве «осовременивания» и «обновления» предусматривают облегчение моральных и нравственных требований и упрощение церковных обрядов. Для изобличения и осуждения этих ересей-лжеучений и расколов преемники святых

Апостолов, епископы стали съезжаться на Соборы – Поместные и Вселенские, дабы вселенским «соборным разумом» уяснить и вразумить раз и навсегда для христиан обязательное и неизменное учение Церкви.

– Я более рационалистичен, – сказал Фальконе, – хотя тоже считаю, что цель христианства – счастье людей, оно показывает каждому человеку путь к блаженству. Но в наше время уже нельзя довольствоваться сказочными сюжетами. Религия – только форма, в которую вкладывается рациональное содержание. Это не только объяснение мира, но и нравственный кодекс, который предписывает человеку определенный образ жизни. Человечество испытало множество вариантов существования и пришло к христианству – новой культуре, наиболее целесообразному устройству жизни, выношенному в результате тысячелетнего опыта человечества. Поэтому я считаю, что догматы и учение христианской церкви имеют глубочайший смысл. Нам неизвестно происхождение заповедей, хотя Церковь прямо указывает на их божественное происхождение. Я склонен считать, что это правила жизни, найденные и сохраненные безвестными подвижниками – жрецами и монахами. Они предписывают человеку, как поступать, чтобы достичь благодати не только своей, но и общей. Но для того, чтобы соответствовать этим требованиям, вовсе не обязательно быть религиозным. Многие из моих знакомых не верят в Бога, но они живут в согласии с теми нравственными заповедями, о которых вы говорите. Я отношу себя к более современным католикам-деистам, которые относятся к идее Бога более реально, но для меня образ жизни добродетели тоже всегда был и останется главным жизненным правилом. Никакие соблазны не смогут свернуть меня с этого пути. Я не стремлюсь к счастью, вернее, к тому, что большинство людей называет счастьем. Мое счастье в моей работе, в упражнениях духа, а не в ничтожных удовольствиях плоти, которые лишь расточают силы и от которых ничего не остается в жизни, кроме потерь.

– Не будьте так самонадеянны, – остановил его Луи. – Разве не сказано в Писании: когда возвращается изгнанный злой дух туда, откуда вышел, то приводит с собой семь других, злейших его, и бывает для человека того последнее хуже первого. Человек слаб, и без помощи Божьей он не может совладать с искушениями, которые гораздо сильнее его. Не кичись своей добродетелью, так как в любой момент можешь пасть ниже самого последнего грешника. Нет человека, который был бы защищен от сомнения и греха. Пока христианство остается верой, будет существовать и грех. Нам открыта великая истина, но эта истина еще не обработана разумом. Человечество еще не

постигло идею христианства. Пока оно не осознано, оно относится к области чуда. Но если до сих пор еще не найдено объяснение многим явлениям, то это не значит, что оно вообще не может быть найдено. Я верю, что когда-нибудь христианство превратится из веры в убеждение. Дух истины придет на землю, и тогда наступит время, о котором сказано в Новом Завете, – когда после всех страданий воцарится на земле Царство Божие.

Фальконе работал над фигурами в церкви Святого Рока почти десять лет. Но все эти годы он больше не встречал Луи. «Он решил оставить светскую жизнь», – уклончиво отвечал кюре Мардюэль на расспросы скульптора о его таинственном собеседнике. И Фальконе вскоре забыл о нем.

Всего Фальконе сделал для церкви Святого Рока восемь фигур, среди них: умирающий Спаситель, Богородица, Моисей и Давид. Капелла «Распятие» состояла из трех фигур. Статуи располагались в определенном порядке. В центре помещалась группа «Благовещение» – две фигуры в сиянии золотых лучей. Разделяющий их просвет уводил в глубину пространства – к завершающей группе «Распятие» с фигурой Марии Магдалины, рыдающей у подножия Креста.

Но и здесь, как в статуе Людовика XV, Фальконе был связан с ограничивающими его условиями. Единственное, что смог он добавить к первоначальному замыслу, – это высокий цоколь из беспорядочно сложенных природных необработанных камней, служащих основанием для мраморных фигур.

Пигмалион

В конце 50-х годов Фальконе получил от Дидро предложение написать для Энциклопедии статью о скульптуре. Судьба вновь свела его с Дени Дидро и энциклопедистами. Они стали часто видеться. Встречались у Руссо или у барона Гольбаха, реже – у мадам Жоффрен. Госпожа Жоффрен любила Дидро и его друзей, но не хотела себя компрометировать из-за них; кроме того, у нее было не принято говорить ни о философии, ни о политике. Добродушный и простоватый Дидро, робкий и застенчивый в обществе, увлекаясь, говорил с жаром, и госпожа Жоффрен старалась уводить его, когда разговор заходил о политике. Издание Энциклопедии, главным действующим лицом которого являлся Дидро, наделало много шуму в обществе и дало повод говорить о появлении партии философов-энциклопедистов, подкапывающихся под алтарь и находящихся в оппозиции к королевской власти. Академические занятия над словарем, в которые погрузился Дидро, оказались совсем небезопасными.

Дидро стал душой Энциклопедии и как главный ее редактор достиг огромного авторитета. Первым помощником Дидро в работе над Энциклопедией стал Д'Аламбер. Все выдающиеся люди Франции сотрудничали в Энциклопедии: Монтескье и Вольтер, Гольбах и Бюффон, Гельвеций и Руссо, Тюрго и Кенэ. Все поражались, как удалось Дидро при столь большом количестве совершенно различных авторов добиться такого единства мыслей в Энциклопедии. «Он умеет для каждой темы выбрать самого подходящего автора, договориться с ним, подсказать нужные идеи и наилучший способ их выражения. Он имеет свою собственную точку зрения по всем вопросам, но никогда не навязывает ее. Он большой политик: он никогда не ставит автора в противоречие с самим собой и не принуждает его высказывать чужие мысли. И в то же время его работа редактора включает и такую правку, которую можно рассматривать как соавторство. Он много работает за других: одному он дает мысль, другому – разрабатывает сюжет, третьему – выправляет слог, четвертому – попросту вставляет страницы. Перед ним склоняются все – даже старик Вольтер, который не признает никаких авторитетов», – говорили о Дидро. Сам он признавался: «Когда я взялся за Энциклопедию, у меня не было ни литературного имени, ни веса в обществе. И когда мне предложили Энциклопедию, я понял, что это дело, которому я посвящу жизнь». Но Энциклопедия – это адская работа. Кроме того, что Дидро просматривал все рукописи, писал статьи по истории, философии и государственному праву,

он еще и сам вел отдел «Ремесла». Он хотел описать все современные отрасли производства, посещал мануфактуры и мастерские, рассматривал станки и машины, расспрашивал рабочих, заставлял художников делать чертежи и рисунки.

И все же главным в Энциклопедии было не это. В ней было дано такое объяснение мира, физического и духовного, в котором не было места Богу. Бывший прилежный ученик иезуитского колледжа из Лангре стал воинствующим разоблачителем религиозных предрассудков. «Я хочу дать объяснение мира с позиций разума, – говорил Дидро. – Новые научные открытия и достижения человеческого ума несовместимы с религиозными представлениями. Если мы говорим о просвещении, то должны взять себе в руководители разум и опыт и сбросить цепи предрассудка, бороться против всего того, что превышает понимание здравого смысла. Учение, проповедуемое нам в качестве сошедшего с небес, все откровения бога, запечатленные в писании, все сны, все видения патриархов, все явления ангелов, все чудеса, все вообще должно пройти испытание здравым смыслом. Верить можно лишь в то, что одобрено разумом.

Религия тоже подвластна суду разума. Все, предписываемое религией, все христианские заповеди могут быть признаны истинными, если они выдержат проверку знанием. Разум есть высший и непререкаемый судья во всех вопросах, в том числе и в познании истин религии. Если вы действительно признаете разум высшим судьей – откажитесь от веры в троицу, провидение, от всех истин религии, ибо они противоразумны. Если же вы не желаете с этими истинами расстаться, то признайте, что вы отказались от разума, и не изображайте из себя его поборников».

Учитывая обстановку, Дидро защищал свои идеи, прикрываясь христианской фразеологией. Но кричащие противоречия в тексте то тут, то там вылезали наружу. Когда вышли первые два тома, эзопов язык и двусмысленные намеки Энциклопедии вызвали негодование иезуитов. Они поняли, что Энциклопедия борется против веры, а в конечном счете – против господства церкви. В доносах, которые посыпались на первые тома Энциклопедии, требовалось запретить ее издание или передать его в другие руки. Иезуиты добились принятия постановления королевского совета о запрете вышедших томов Энциклопедии, издание которой отныне должен был возглавить церковный совет. Но монахи не осилили Энциклопедию, и через год постановление совета было отменено. Однако с тех пор Дидро стал осторожнее и начал заказывать статьи также и на богословские темы.

Это событие было отмечено друзьями дружеской пирушкой,

на которую был приглашен и Фальконе. Там он вновь встретился с Вольтером, возвратившимся к тому времени из Пруссии, куда он был приглашен самим Фридрихом II. Вольтер не скрывал своего разочарования и раздражения: союз философа с монархом не получился. «На языке королей «друг мой» означает «раб мой», – язвительно жаловался он. – Занятие малопочтенное и неблагодарное – заниматься правкой плохих стихов, даже если это стихи императора». Теперь Вольтер намеревался продолжить наконец свою работу над описанием эпохи Петра I, прерванную прусскими делами. Вольтер уже начал трудиться над возведением памятника, о котором Фальконе еще и не помышлял. Для него образ Петра Великого еще только начал проступать из темноты, но где-то в глубине сознания уже зажегся огонек, который начал освещать суровый и мужественный лик.

Среди гостей был и Бюффон. «Естественная история» Бюффона, который в одной из статей Энциклопедии был назван гением, вызвала ожесточенную критику со стороны церкви. В первых томах Бюффон, отстаивая идею об изменяемости видов под влиянием условий среды, сделал опрометчивые допущения о происхождении осла от лошади. Гнев церковников не заставил себя долго ждать. По поводу ошибок в первых томах «Естественной истории» было опубликовано письмо теологов Сорбонны: «Автором владеет еретическая идея эволюции, тогда как известно, что все животные по паре вышли из рук творца и были тогда такими же, как сейчас. А г-н Бюффон утверждает, что виды произошли от смешения и изменения видов, что осел – выродившаяся лошадь. Он проводит кощунственные опыты: скрещивает быка с ослом, овцу с козлом, собаку с волком; кролик покрывает курицу, и следует ждать от этого какого-то невиданного потомства… Но за двадцать веков со времен Аристотеля не было установлено появления новых видов. Далее – если осел произошел от лошади, то почему между ними нет промежуточных форм? Бесплодие гибридов также противоречит эволюционной идее. Итак, осел есть осел, а никак не выродившаяся лошадь».

Бюффон сделал все, чтобы избежать придирок богословов. В ответ на письмо Сорбонны он опубликовал свое покаянное письмо, чем вызвал недовольство энциклопедистов. Однако Бюффон вовсе не отказался от проповедования своих взглядов, но стал облекать их в менее уязвимую форму. Он изложил идею эволюции, а затем публично отрекся от нее, не предоставив сколько-нибудь убедительных доказательств обратного. Усыпив бдительность иезуитов, чтобы избежать нападок, он продолжал высказывать самые рискованные мысли, представляя их на

размышление читателя, а затем развивал вполне благочестивые рассуждения на эту тему, делая вид, что его позиция совпадает с позицией оппонентов, как, например, в вопросе о происхождении человека от орангутанга.

– Любую мысль можно высказать иносказательно, – делился он опытом в кругу энциклопедистов. – Совсем не обязательно соглашаться с ней самому, достаточно убедить читателя в том, что я неправ.

– Значит, вы действительно допускаете мысль о том, что человек имеет в качестве своего предка орангутанга? – едва сдерживая негодование, спросил его Руссо.

– А почему бы и нет? – невозмутимо ответил Бюффон. – Также и Линней считал, что существует один из видов обезьян, который слился с человеческим видом. Если судить по форме, то некоторые виды обезьян вполне могут быть приняты за разновидность человека.

– Возможно, вы и произошли от обезьяны, но я отказываюсь признать своим предком орангутанга, – вспылил Руссо. – Если вы делаете такое допущение, что человек произошел от обезьяны, то почему бы не предположить и обратное – что обезьяна произошла от человека, и обезьяны – это бывшие люди?

Бюффон, не обращая внимания на реплику Руссо, продолжал:

– Да, с точки зрения церкви человек – совершенно особое существо, созданное в отличие от скотов по образу и подобию Божьему. Человек действительно шедевр природы, он стоит во главе животного мира, но это ничего не значит. Природа вовсе не так целесообразна, как это представляет церковное учение. Частые болезни, ненадежность человеческого организма – может ли быть таким несовершенным божье творение? В главе моей «Естественной истории» о свинье, рассматривая строение ее ноги, я указывал на два пальца, которые совершенно не нужны свинье для хождения…

– А вы абсолютно уверены в этом? – иронически осведомился у него Руссо. – Ведь может так случиться, что через сто лет наука выяснит совершенную необходимость этого органа. Утверждать столь категорично можно, лишь зная абсолютно все и об этой свинье, и о мире, который ее окружает…

Из энциклопедистов, пожалуй, один Руссо одобрял работу Фальконе в церкви Святого Рока. «Рок – это разумные требования, чтобы мы терпеливо сносили несчастья, старались иногда предвидеть будущее и понять самих себя, чтобы знать, добро или зло для нас то, что с нами случается», – рассуждал Руссо. Дидро, напротив, скептически относился к тому, что Фальконе сделал для церкви Святого Рока. «Вы освящаете своим талантом

фанатизм и невежество, – с досадой говорил он Фальконе. – Вера в рок и судьбу наивна и удобна лишь для безвольных людей. Человек сам творец своей судьбы. Личность, избавленная от гнета церковных суеверий и слепой веры в судьбу, становится свободной».

Одновременно с работой в церкви Святого Рока Фальконе трудился над скульптурными миниатюрами в Севрской фарфоровой мануфактуре. Участие Фальконе в Салоне 1757 года принесло ему небывалый успех. Там были выставлены две его миниатюры: «Грозящий Амур» и «Купающаяся нимфа источника», которые были исполнены для парижского особняка маркизы де Помпадур. Благородная простота и изящество скульптур вызвали восторг публики. Дидро, который к тому времени начал писать обзоры Салонов для журнала Мельхиора Гримма «Литературная переписка», отзывался так: «Нимфа – это воплощение юности, чистоты и женственного обаяния». А когда речь шла об Амуре, критики просто захлебывались от восторга.

Амур – маленький бог Древней Эллады, который, повсюду летая, своими любовными стрелами поражает сердца людей. Многие пытались изобразить Амура. Это был и юноша, и мальчик, но лишь у Фальконе это игривый и веселый ребенок, который, лукаво улыбаясь и как бы предостерегая, грозит совершить очередную шалость – пустить стрелу в намеченную жертву. Все в нем – крылья, перышки – кажется живым и трепещущим.

Выставка совпала по времени с появлением в Париже Вольтера, который после приезда из Пруссии обосновался в Швейцарии. Он наконец получил из России официальное предложение для написания «Истории царствования Петра I». Граф Иван Иванович Шувалов, камергер императрицы Елизаветы Петровны, человек, может быть, самый сведущий в России, доставил ему все нужные документы, который готовил для него универсальный русский гений Ломоносов. «Когда посол Веселовский передал мне предложение генерал-адьютанта Шувалова, я ответил ему: вы предлагаете мне то, к чему я стремился 30 лет», – рассказывал Вольтер. Теперь, закончив работу, он собирался поселиться в предместье Парижа Ферне. Перед отъездом, посетив Салон, Вольтер оставил на пьедестале Амура надпись: «Кто бы ты ни был, вот твой господин, он есть, он был и будет им».

– Я согласен, что Амур мой господин, но уж никак не господина Фальконе, – рассмеялся Бюффон, прочитав написанное. – Всем известны его пуританские взгляды, внушенные ему сначала Сократом, а потом монахами из церкви Святого Рока.

Фальконе ничего не ответил. Вольтер, проницательно взглянув на него, сказал:

– Ваш Амур похож на ангела. Кто он – ангел добра или зла? Ангел-хранитель или ангел-искуситель?

– Согласно греческой мифологии Амур – это Эрос, – уклончиво ответил Фальконе. – По словам Сократа, Эрос не великий бог, и он не бог. «Эрос смертен?» – задавали вопрос древние и отвечали: «Нет, он нечто среднее между смертным и бессмертным». Эрос великий демон, а всякий демон – посредник между человеком и Богом.

– Но он вовсе не похож на демона, – улыбнулся Вольтер.

– Да, демон прекрасен, – ответил Фальконе, – но Амур – действительно не мой господин.

– Кто знает? – загадочно произнес Вольтер и написал у подножия Нимфы, стоящей рядом с Амуром, другое двустишие: «О нет, ты не мой господин, ты был, ты есть и будешь моим».

– Вот это действительно соответствует истине, – согласился Бюффон. – Роковая власть женщин никогда еще не была так сильна, как сейчас во Франции, для которой законом являются желания госпожи Помпадур.

– Власть женщин не является сама по себе злом, – вмешался Руссо. – Люди еще не вполне осознали, какие выгоды сулит обществу воспитание этой половины рода человеческого, властвующей над другой. Мужчины всегда будут такими, какими их желают видеть женщины, и если вы хотите от них душевного величия и добродетели, научите женщин понимать, что такое добродетель и душевное величие, иначе женщина так и останется дьяволом в ангельском облике.

– Любовь – главный двигатель жизни, и в своих устремлениях человек всегда неосознанно исходит из стремления понравиться, произвести впечатление на представителя противоположного пола. Именно чувственность управляет человеческой волей, дает импульс жизни, – авторитетно заявил Бюффон.

Фальконе с сомнением посмотрел на него:

– Мне кажется, вы преувеличиваете значение чувственности в жизни человека.

– Разумеется, правоверный католик не может так считать. Но разве главная христианская заповедь не есть любовь, и разве не любовь искупает все грехи мира? – Бюффон лукаво прищурился.

Фальконе не принял шутки.

– Это не та любовь, – серьезно ответил он. – Христианство говорит о любви к ближнему, особенно к врагам, к тем, кого любить совсем не хочется, – именно эта любовь искупает грехи, а вовсе не плотское влечение, которое почему-то называют

любовью. Это чувство заставляет людей иногда совершать постыдные поступки и предательства, идти на преступление. Но это не есть любовь к человеку, а любовь к удовольствию, – добавил он, вспомнив Луи.

– Но разве не сказал Иисус Христос о Марии Магдалине: «Прощаются ей грехи ее, ибо она много любила, а кому мало прощается, тот мало любит»? – не унимался Бюффон. – И что плохого в том, чтобы любить кого хочешь и когда хочешь? Я за свободу эроса, против религиозного пуританства. Люди должны быть вольны в своих нравах, которым чужды религиозные догмы.

– Я тоже верю во всепобеждающую силу любви, – согласился Фальконе, – но я думаю, что чувства не могут быть выше разума и разумный человек не должен в своей страсти преступать установленных границ…

– Кем и когда установленных границ? – прервал его Бюффон. – Вы, конечно, имеете в виду евангельские заповеди, согласно которым церковь считает, что брак нерасторжим, даже если один из супругов уличен в прелюбодеянии? Но это абсурдно. Мой разум отказывается понять, как вы со своим умом можете верить всем этим сказкам, рассчитанным на невежественных и наивных людей. Зачем нужны какие-то заповеди, когда в мире существуют совсем другие законы? Естественно влечение человека к противоположному полу, а не эти придуманные заповеди. Христианские добродетели невыполнимы для человека. Христианство предъявляет к человеку чрезмерные, непосильные требования, которые противоречат законам природы и естественной натуре человека, эти догмы давят и загоняют внутрь здоровое, естественное начало. Но все искусственно навязанное мешает человеку и наносит вред его здоровью. В своей «Естественной истории» я пишу о вреде сексуального воздержания и психозах, связанных с ним.

Фальконе удивленно поднял брови:

– Я читал вашу «Естественную историю», там вы указываете и на обратные случаи – когда целомудрие не вредит здоровью, во всяком случае меньше, чем половая распущенность.

– Должен же я был бросить кость нашим отцам-иезуитам, – самодовольно улыбнулся Бюффон. – О, если бы люди были способны сохранять целомудрие! Естественным состоянием после достижения половой зрелости является брак. Но брак на всю жизнь между мужчиной и женщиной невозможен. Любовь рано или поздно исчезает, и супруги начинают искать счастья на стороне. Мусульманство появилось не случайно. Магомет, его основатель, считал свое учение стадией, следующей за христианством, и допускал нравственность гораздо менее

строгую, чем в христианстве: разрешено было иметь четырех законных жен и сколько угодно любовниц. Он лишь узаконил то, что давно существовало в реальной жизни, а не в воспаленном мозгу наших церковников: фактически каждый мужчина имеет несколько жен, если не одновременно, то на протяжении своей жизни. Несмотря на тысячелетний опыт христианства все мы остались по существу язычниками, потому что это невозможно – запереть человека в клетку христианских заповедей!

– Я с вами совершенно согласен, – вступил в разговор Вольтер. – Завышение моральных норм приводит не к улучшению нравов, а к падению нравственности в обществе. Самые лучшие человеческие устройства и законы – те, которые соответствуют естественной природе человека. Нужно слушаться только голоса природы и убрать все искусственные установления, препятствующие человеческой свободе, которые установлены церковью. Я всегда выступал за право развода как необходимую предпосылку сокращения случаев многоженства и прелюбодеяния.

– По-вашему, самый лучший способ избавится от них – это их узаконить? – съязвил Руссо.

Но Вольтера поддержал Дидро.

– Совершенным человеком является только человек природы. Послушание природе, своей естественной сущности есть главное условие счастья. С точки зрения философа, счастье – это ставшая привычкой согласованность мыслей и поступков с законами природы. Она дает свободу, а свобода – счастье. Все, что мешает этому, противоестественно и должно быть уничтожено. Проповедовать уничтожение страстей – глупость. Но нужно не то чтобы умерять их, а установить между ними справедливое соотношение, согласовать с заботой о здоровье. Страсти без разума – это паруса без кормил, но и разум без страстей – это король без подданных. Склонность к удовольствию не является порочной, ибо удовольствие не противоречит человеческой природе. Удовольствие является конечной целью поведения, к которой стремится человек, но условием удовольствия является добродетель. Я не требую отречения от чувственных наслаждений, это было бы насмешкой над человеческой природой, но я говорю об их умеренности. Я вижу, что религиозная мораль неприменима к человеческой природе, но я не могу не согласиться с тем, что без добродетели нет счастья. Общество нуждается в законах, согласованных с природой человека. Религиозные установления, которые противоречат кодексу природы, нужно отбросить. С точки зрения разума ни одна из истин религии не выдерживает критики. Религия

находится в вопиющем противоречии со здравым смыслом и естественной нравственностью. Пропасть между разумом и верой огромна. Вера должна быть подчинена разуму, а религия – согласована с законами природы.

– Но что нам известно о законах природы? – вопрошал Руссо. – Путь философии – это путь заблуждений. Человеческий разум способен лишь разрушать. Он годится для того, чтобы возбуждать сомнения, ибо, опираясь на разум, можно найти столько же доводов «за», сколько и «против». Опровержение любых истин религии так же очевидно, как и их доказательство. Никто никогда не сможет доказать существование Бога. При рассмотрении вопросов веры наш разум запутывается в неразрешимых противоречиях. Нелепо пытаться понять намерения Бога, предписывать ему правила, которыми руководствуемся мы, люди. Евангелие имеет столь разительные и величественные признаки истины, что изобретатель его больше достоин удивления, чем сам герой. Все философы, даже Правила Платона, ошибаются, и одно только Евангелие в рассуждении морали всегда верно и истинно. Вы требуете разумности христианства, потому что считаете, что оно не имеет божественного происхождения. Но вера не может быть основана на логике: она потому и называется верой, что не согласуется с разумом. Тот, кто хочет верить, должен отказаться от разума, ибо невозможно одновременно владеть и очевидным, и непостижимым. Мы должны подчинить рассудок вере, так как образ действий Бога непостижим для разума. Религия является проявлением чувства, а не разума. Естественный свет, естественная совесть, естественная справедливость-то, что мы называем нравственным чувством, которым человек обладает интуитивно, – даются человеку Богом при рождении. Естественный свет – это внутреннее первоначальное и всеобщее правило суждения и различения истинного и ложного, хорошего и дурного, нравственного и безнравственного. Он запечатлен в душах всех людей, в том числе и язычников. Все человеческие установления должны пройти проверку этим естественным светом нравственности. Тот, кто больше предохранит себя и удалится от первобытного своего состояния, достигнет успехов и даров и будет управлять теми, кто не имеет этих преимуществ. Это и есть истинное происхождение владычества человека над подобными ему. Это владычество не только нельзя считать угнетением и притеснением естественного общества, но необходимо считать его твердейшей опорой. Однако реализации требований прирожденного нравственного инстинкта препятствуют дурные наклонности, внедряемые в сознание

человека обществом. Человек в своей сущности добр и по природе своей не имеет стремления к тому, чтобы наносить вред себе подобным, пока корыстолюбие или страсти не заглушат в нем этого естественного стремления. Но достаточно ли этого стремления, чтобы пересилить выгоды, даваемые дурным поступком? Какие причины вызывают эти выгоды, какое общественное устройство? Интересы эти даны не столько природой, сколько общественными учреждениями.

Вольтер с усмешкой посмотрел на Руссо:

– То, что вы считаете прирожденным нравственным инстинктом, на самом деле есть не что иное, как привычка. Происхождение наших нравственных предрассудков – в религиозных догмах. Врожденных нравственных идей не существует. Люди сами создают идеи добра и зла, справедливого и несправедливого, основываясь на своем опыте. То, что в одном месте является злым, несправедливым, преступным, в другом месте и в других условиях оказывается добрым, справедливым и полезным для общества. Есть народы, у которых позволено удовлетворять всем страстям. А на Камчатке, например, не позволено спасать жизнь ближних, так как считается, что не должно противиться провидению и что такому человеку, которому определено небом утонуть, не надо помогать. Если какое-то племя начинает преуспевать, его богу начинают поклоняться. Поэтому лишь то, что полезно для общества, должно лежать в основе оценки всех человеческих поступков.

– Нравственные предписания суть божественные установления, они берут начало в пользе, но не в той пользе, которая всем очевидна и вытекает из рассуждений, а которая рождается из веры, – упрямо повторил Руссо.

– Господин Руссо верит, я же предпочитаю сомнение, – саркастически заметил Бюффон. – И мой помощник Добантон верит лишь тому, что видел и трогал. Мир создан творцом как самоуправляющийся механизм. Природа – слуга Всевышнего, хранитель его неизменных декретов. Она никогда не уклоняется от законов, ей предписанных. Я мыслю божество за пределами природы, которая предоставлена сама себе, как слуга, исполняющий волю хозяина. Я пришел к такому пониманию природы, которое говорит о том, что развитие происходит всегда незаметными сдвигами. Существующие ныне виды растений и животных произошли естественным путем от других видов, существовавших ранее. Наблюдаемая в живой природе целесообразность создавалась и создается путем естественного отбора полезных для организма изменений. Новая жизнь создается за счет разрушения других, смерть служит жизни,

воспроизведение рождается из разрушения. Животным свойственны качества пламени, и после пламени животные являются самыми большими разрушителями, превращающими в свое вещество всякого рода материю, могущую служить им пищей. Так смерть одних служит для продления жизни других. Поэтому пожирание друг друга – одних существ другими: растений – животными и одних животных – другими, в том числе и человеком, – естественный процесс. В борьбе за существование выживают наиболее приспособленные особи. Те же, которые оказываются неприспособленными к данным условиям среды, снижают свою плодовитость и погибают. На этом принципе должны строиться и политические устройства общества.

– Но естественный отбор происходит не только в результате борьбы, а вследствие взаимопомощи, которая и позволяет отдельным видам выжить в борьбе за существование. Правильно понятый интерес человека должен удерживать его от эгоизма и способствовать альтруизму. Абсолютный нравственный закон христианства: поступай с другим так, как тебе хотелось бы, чтобы поступали с тобой, – вот тот главный закон, которому должно соответствовать совершенное человеческое устройство, а не междоусобная борьба. Общество, построенное на началах вражды, окончательно погубит себя, – возразил Руссо.

– Церковь превратила эту заповедь в свою противоположность, – резко бросил Вольтер, – Преступления инквизиции, истребление неверных, преследование инакомыслящих не имеют ничего общего с ней. Нельзя отождествлять религию с моралью.

– Добрые нравы зависят от законодательства, – рассудительно заметил Дидро. – Если нравы дурны, это свидетельствует о неправильной организации государства. Политические учреждения должны соответствовать нормам нравственности; если они им противоречат, то и нравственность общества падает.

– Существовавшие до сих пор общественные устройства не обеспечивали свободу и права личности, – согласился с ним Вольтер. – Уважать другого, как самого себя, уметь поставить себя на место другого, видеть в каждом человеке личность – это значит, что никто не должен быть унижен, обижен, подвержен пыткам и убит.

– Не думаете ли вы, что достаточно создать хороший закон, и все будут ему следовать? – удивился Руссо. – Мало создать хороший закон, надо еще обеспечить его выполнение, а это связано с насилием. Любой закон – это запрет, ограничение. Все люди связаны друг с другом в обществе, и они свободны

настолько, насколько могут самостоятельно выбирать себе ту или иную форму зависимости. Полная свобода возможна лишь при уничтожении всех связей между людьми. Люди сознательно отказываются от части своих прав ради общих целей.

– Свобода состоит в том, что народ свободно выбирает себе правителей и судей, а не в том, что он их не признает, – уточнил Вольтер. – Это уже не свобода, а необузданное своеволие. Свобода должна быть полной, но в пределах возможности, ограниченной законом. Осознание этой необходимости и есть свобода.

– Истинная свобода невозможна без обеспечения экономической независимости членов общества, – вмешался Дидро. – Общество, в котором все будут владеть собственностью, само собой превратится в свободное и демократическое. Иным оно и не может быть. Можно ожидать, что мы придем к системе естественного законодательства, предусматривающего защиту естественного права собственности.

– Вы жестоко ошибаетесь, – горячо запротестовал Руссо. – Частная собственность никогда не сможет обеспечить свободу, ибо она порождает неравенство – богатство одних и нищету других. Корень всех зол и бедствий человека – в неравенстве, но причина неравенства – собственность. Первый, кто, отгородив участок земли, сказал: «Это мое» – и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких несчастий и ужасов избавил бы род людской тот, кто крикнул бы подобным себе, вырывая колья и засыпая ров: «Берегитесь слушать этого обманщика, вы погибли, если забудете, что продукты принадлежат всем, а земля – никому!» Как только возникла частная собственность на землю, возникло имущественное неравенство и происходящие из него противоположность интересов, все пороки богатства, нищеты, испорченность нравов. Вначале же было естественное состояние, когда люди были свободны и равны. Успехи в хозяйственной деятельности привели к утрате людьми свободы и упадку нравственности. Неравенство, порожденное частной собственностью, заставляет человека забывать о нравственном чувстве и милосердии.

– Но для того, чтобы проявлять милосердие, надо как минимум что-то иметь, – вновь не удержался от сарказма Бюффон.

– Многие считают, что лишь собственность и богатство позволяют совершать благодеяния, – горько усмехнулся Руссо. – Молодому человеку, обдумывающему свою предстоящую жизнь, который спросил меня об этом, я бы ответил, что он в таком

случае поступил как человек, который решил обобрать своего ближнего для того, чтобы потом облагодетельствовать его. Все люди рождаются свободными и равноправными, но частная собственность лишает их естественных прав, порождая несправедливость, нищету и угнетение, возможность одних жить за счет труда других. Собственность, позволяющая эксплуатировать чужой труд, – это кража. В стране действительно свободной граждане все делают своими руками, а не деньгами. Люди должны вернуться к общности имуществ, существовавшей некогда, и к равенству в распределении материальных благ или хотя бы упорядочить пользование частной собственностью, чтобы уменьшить имущественное неравенство, устроить все так, чтобы каждый довольствовался умеренным состоянием. Скопление богатств в руках немногих превращает их в орудие притеснения. Нужно, чтобы блага распределялись хоть и неравномерно, но по крайней мере между всеми, чтобы все в равной степени могли жить в соответствии с вечными истинами добра и справедливости. Необходимо перераспределить земельную собственность и ограничить право наследования. Права детей, основанные на заслугах родителей, противозаконны. Люди безнадежно испортили дело природы, и к этой природе, к ее естественности и простоте предстоит еще вернуться для достижения истины. Можно сделать попытку где-нибудь в отдаленном уголке земного шара, среди людей, еще не затронутых цивилизацией, применить открытые принципы для разумной деятельности. Мы должны создать новое, святое государство, республику, где принцип равенства был бы воплощен в государственном законе и где народ постоянно проверял бы деятельность своих представителей. Лишь такой образ правления способен оградить общество от злоупотреблений и беззакония. В этом обществе все будут сознательно работать на благо общества, создавая материальные блага, и каждый сможет брать продукты сообразно своим потребностям.

Бюффона передернуло:

– Но равенство имуществ несправедливо, – яростно набросился он на Руссо. – Закон природы – право сильных на неравенство. По природе справедливо то, что лучший выше худшего и сильный выше слабого. Природный признак справедливости таков: сильный повелевает слабым и стоит выше него. Гераклитовский естественный закон, естественное право состоят в том, что справедливость – итог всеобщей борьбы, в результате которой одним предназначается рабство, другим – господство. Как можно ратовать за равенство, когда люди неодинаковы? Мы отрицаем искусственно созданное неравенство

– сословные привилегии дворянства и духовенства, но естественное неравенство должно быть сохранено. Природа не терпит равенства. Создать равенство для всех – значит пойти наперекор природе, совершить над ней насилие. Равенство состоит в воздаянии каждому по заслугам. Еще древние говорили, что несправедливый – это не равно относящийся к людям. Справедливость состоит в воздаянии каждому равным, при этом имеется в виду пропорциональность, а не равенство.

– И кто же тогда будет заботиться о будущем, если плоды его труда не перейдут детям? – поддержал Бюффона Дидро. – Без частной собственности невозможно разумное общественное устройство. Иначе кто же станет тогда работать? Ведь одного сознания общественного долга работать на общую пользу недостаточно для активного участия всех в труде. Я считаю, что для справедливого общественного устройства все должны быть частными собственниками, но без чрезмерного неравенства имущественных состояний. Чем больше приблизятся граждане к равенству в потребностях и имуществе, тем более спокойным будет государство. Но полное равенство неосуществимо. Тот порядок, который вы считаете естественным, на самом деле противоестественен. Такое общественное устройство было бы чуждо человеческой природе. Возможно, и есть бескорыстные люди, но их слишком мало, чтобы они смогли накормить всех. Зато выгоду чует каждый. Если уравнять всех в собственности, тогда не будет достаточной заинтересованности в лучшей работе, и общество станет нищим.

– Мой идеал справедливого общества – аскетизм, – отчеканил Руссо. – Вслед за Мабли я говорю, что довольствуюсь требованием улучшения нравов и отнюдь не шокирован нищетой. – В голосе Руссо слышалась ярость. Споры между Руссо и энциклопедистами становились все злее и ожесточеннее. Он как будто искал предлог для разрыва. Вольтер, Бюффон и Дидро вызывали у него наибольшее озлобление.

Желая как-то разрядить обстановку, Фальконе примирительно сказал:

– Все говорят о естественной природе, но что есть естественная природа – вот в чем вопрос. Бюффон считает естественным следование первобытным животным инстинктам, Руссо – их подавление. Но нельзя отрицать влияния религии в деле совершенствования человека.

Дидро упрямо вскинул голову:

– Религия несовместима с нравственностью. Добро следует делать из любви к добру, и только плохому человеку подобает воздерживаться от дурных поступков и следовать добродетели из

страха перед наказанием или божьей карой. По сравнению с добродетельным атеистом он плохой человек, так как совершает добрые дела не бескорыстно, а с расчетом. Общество, состоящее из одних лишь атеистов, было бы гораздо счастливее общества христиан или сторонников какой-либо другой религии. Если бы французские короли были атеистами, они бы не устроили Варфоломеевскую ночь над еретиками. Когда я опубликовал «Философские мысли» – свое первое сочинение, я еще верил в Бога. Через три года я написал «Письмо слепым в назидание зрячим», за которое мне пришлось около месяца просидеть в тюрьме. Это случилось, когда я уже начал Энциклопедию. Я попал в башню Венсенского замка, едва были распределены обязанности между первыми сотрудниками. Но именно мои размышления в уединении тюремного одиночества привели меня к отрицанию религии. Ведь если есть Бог и он справедлив и милосерден, то почему существует зло и почему оно остается безнаказанным? Наличие в жизни зла и греха невозможно сколько-нибудь разумно согласовать со всемогуществом Бога, предопределяющим все без исключения события, и его милосердием. Существует неразрешимое противоречие между представлением о всемогуществе Бога, его милосердием, и злом, царящим в жизни. Одно из двух суждений должно быть истинным. Защита тезиса о всемогуществе Бога приводит к выводу: Бог – творец не только добра, но и зла, не только добрых дел, но и грехов, то есть Бог является источником зла и безнравственности.

Дидро победно взглянул на Фальконе.

– Я думаю, что мы не должны возлагать на Бога ответственность за зло, творимое людьми, которых Творец наделил свободной волей, – уклонился от спора Фальконе.

Дидро не унимался:

– Но вы должны согласиться, что в самой вере в Бога, в рабской покорности его воле есть что-то унижающее достоинство человека.

– Следование закону не унижает достоинства, – возразил Фальконе. – Но вы так ревностно сражаетесь с церковью, как будто только она мешает нашему благополучию.

– Философы никого не убили, священники же убили многих философов, истребив их как еретиков, Кальвин хладнокровно предавал смерти за инакомыслие множество людей и писал, что если впадет в ересь целый город, следует перебить всех его жителей. Мы всего лишь против фанатичной нетерпимости, за право каждого верить в то, что согласно его совести, или не верить вовсе, – вступил в разговор Вольтер. – Я не всем разделяю взгляды моих друзей-энциклопедистов, но меня возмущает

травля, которой они подвергаются. Цензура, борьба с мыслями недопустимы. На слово можно ответить лишь словом, только более аргументированным. Должно быть равенство всех перед истиной, и это равенство может обеспечить лишь полная свобода слова.

– Но слово не так уж безобидно. Легко разрушить фанатизм и глупость, но, господа, что воздвигнете вы на пустом месте? Тот, кого преследует, бьет неправедный, жестокий господин, не думаете ли, что он отомстит жестоко, чтобы избавиться от преследований, которые не вознаградятся жизнью на том свете? Правы ли вы, жалуясь на преследования, которых в действительности нет? Вам не хотят позволить указывать печатно на средство не верить в Бога, вот в итоге в чем заключается все наносимое вам зло, в котором вы упрекаете церковь, – с досадой произнес Фальконе.

Вольтер дружески обнял скульптора:

– Вы, как всегда правы, мой друг. Идею Бога нельзя уничтожить. И не нужно. Если бы Бога не было, его бы следовало выдумать. Но церковь… Нет, надо раздавить гадину! Иезуиты должны быть лишены власти, используемой ими во вред нации, и изгнаны из страны…

Через несколько лет к власти в качестве министра иностранных дел пришел герцог Шуазель, приверженец партии философов. Он возглавил общий поход против иезуитов, поведение которых было объявлено противоречащим законам и нравственности. Было принято постановление об изгнании иезуитов из Франции. Его с воодушевлением поддержали провинциальные парламенты, пресса и общественное мнение. В 1764 году орден иезуитов был упразднен, а его учреждения во Франции закрыты. Преследованиям энциклопедистов был положен конец. Но этого оставалось ждать еще почти семь лет.

Сейчас же Дидро был встревожен и озабочен. Для него вновь наступили тяжелые времена. К ноябрю 1757 года вышел седьмой том Энциклопедии, которая дошла до буквы «G». Число подписчиков удвоилось, но цензура вновь придралась к Энциклопедии. Иезуиты были в ярости. Разразился грандиозный скандал. Издатели пытались спасти положение и спешно переделывали статьи. Но было уже поздно. Государственный совет приостановил раздачу подписчикам семи томов Энциклопедии и постановил выплатить подписчикам деньги за не вышедшие тома. Положение осложнилось тем, что как раз в это время было совершено покушение на Людовика XV.

Энциклопедистов называли партией, вредной для общества и церкви, а Энциклопедию – позором нации. Положение казалось

безвыходным. Д'Аламбер не выдержал и отказался быть редактором. Он считал, что нужно приостановить издание Энциклопедии до более благоприятных времен. Ушли и другие сотрудники. Вольтер советовал Дидро перенести издание за границу.

Помощь энциклопедистам пришла оттуда, откуда они менее всего ее ожидали. События в далекой России отозвались во Франции. 28 июня 1762 года дворцовый переворот возвел на российский престол новую императрицу – Екатерину II, бывшую Ангальт-Цербстскую принцессу. Супруг ее, император Петр III, голштинский герцог, занявший трон в прошлом году после смерти своей тетки Елизаветы Петровны, ушел из жизни при весьма загадочных обстоятельствах. Во Франции никто не верил сообщениям о его естественной смерти в результате приступа некой хронической болезни.

Некий де Рюльер, бывший советник французского посла в Петербурге, вернувшись из России, выпустил записку о перевороте, в которой написал, что император был убит в пьяной свалке Алексеем Орловым – братом любовника Екатерины II Григория Орлова, который со своей гвардией сыграл решающую роль в возведении ее на престол.

Во французской столице вначале с удовольствием подхватили пикантные слухи о похождениях новой русской императрицы и ее фаворитов. После поражения в Семилетней войне, в которой Россия выступала на стороне Пруссии, Версаль вынужден был смириться с потерей многих своих колоний и с разделом Польши, в которой был избран королем ставленник России Станислав Понятовский. Борьба партий в Польше продолжалась и после избрания короля. В результате деятельности польских диссидентов были введены русские войска в Польшу и были арестованы наиболее видные и влиятельные члены сейма. Все это вызывало раздражение французской короны: ведь супругой Людовика XV была дочь бывшего польского короля Лещинского, который лишился власти при Петре I. Но Франция ничего не могла изменить в новой ситуации. Людовик XV после поражения в Семилетней войне вынужден был вытерпеть и это унижение.

Екатерина II, проводя столь жесткую политику по отношению к французскому правительству, начала поддерживать и тех, кто находился к нему в оппозиции, памятуя, видимо, о том, что действия польских диссидентов очень помогли ей в Польше. В первый же месяц после своей коронации Екатерина II через графа Шувалова предложила Д'Аламберу на весьма выгодных условиях приехать в Россию для воспитания своего сына, малолетнего

наследника русского престола великого князя Павла Петровича. Д'Аламбер отказался, но эффект этого смелого поступка был просто ошеломляющим. Второе, что она предприняла, – это подписалась на французскую Энциклопедию. Она вступила в переписку с Вольтером и предложила печатать ее в Петербурге или в Риге. Неслыханное дело! Русская императрица – в числе подписчиков запрещенной во Франции книги! Пощечина Версальскому двору! Французская монархия, мнящая себя просвещенной, преследует философов, а русская императрица протягивает им руку помощи и поддержки!

В это время Дидро намеревался продать свою библиотеку, чтобы обеспечить приданым свою дочь Марию Ангелику – единственную из оставшихся в живых четверых его детей. Узнав об этом, императрица Екатерина II решила купить его библиотеку за 15 тысяч ливров, предоставив владельцу право пользоваться ею пожизненно и даже выплачивая ему содержание как ее хранителю. Естественно, что вскоре весь Париж заговорил о переменах в России и новой просвещенной правительнице, обосновавшейся там.

Она интересовалась искусством и начала приобретать картины для своей дворцовой коллекции «Эрмитаж». Дидро стал в этом ее главным советником и посредником. Нелюбовь к французскому правительству удивительным образом сочеталась в ней с любовью ко всему французскому – литературе, искусству и даже модам. Понимая, что ничто так не украшает коронованных особ, как блеск их придворных художественных галерей, Екатерина II приобретала в огромных количествах художественные произведения в Париже и других европейских столицах, заказывала и покупала картины непосредственно в парижских мастерских. Уже через несколько лет живописные коллекции французской живописи в Петербурге стали несравненно богаче коллекций короля Франции. Вывоз из Франции промышленных образцов стал правилом. Правительство ничего не могло поделать. Энциклопедисты были как бы государством в государстве. Герцог Шуазель, государственный министр Франции, стал неумолимым врагом Екатерины, когда из-под его носа она перехватила несколько крупных коллекций. Галерея барона Тьера – полотна Рафаэля, Ван Дейка, Рембрандта, Пуссена – положила основание Эрмитажу. В перепродаже произведений искусства Екатерине II помогал и Мельхиор Гримм, которого считали, видимо не без оснований, русским резидентом во Франции. По крайней мере он много делал на пользу России. Никто не знал, чем занимается этот человек, кто он – писатель или дипломат. Он был завсегдатаем салонов высшего света и был

известен тем, что выпускал газету «Литературная переписка», подписчиком которой была русская императрица и в которой сотрудничал Дидро.

Как-то Дидро, провожая Фальконе, заговорил:

«Помните тот день, когда мы впервые встретились у мадам Жоффрен? Я тогда уже был женат почти пять лет. Я женился, когда мне было тридцать. Она была дочерью моей квартирной хозяйки. Отец не давал согласия на наш брак, ее мать тоже была не в восторге. Ее можно понять – нищий интеллектуал в заплатанных штанах, не имеющий ни состояния, ни определенных занятий, ни положения в обществе. Мы обвенчались тайно».

Дени замолчал и задумался. Тень легла на его лицо. После продолжительной паузы он вновь заговорил:

«Самое ужасное – это то, что я уже не люблю свою жену. Она прекрасный, добрый и преданный человек, но она не понимает меня. Я давно не близок с ней. Я понимаю – это нехорошо, но я ничего не могу с собой поделать – лучше гильотина. А ведь когда-то я любил ее. Вы удивитесь, если узнаете, на какие хитрости я шел, чтобы завоевать ее расположение. Я притворился тяжелобольным, и она целый месяц ухаживала за мной. Брак – тяжелая ноша, которую несут люди. Я не знаю счастливых браков. Первая влюбленность, как правило, вскоре сменяется постылой каторгой. Зачем этот пожизненный договор? Почему люди должны мучить себя и других ради каких-то поповских выдумок? Почему человек не может быть свободным от этих мучительных обязательств?»

Фальконе покачал головой: «Вы считаете, что человек может стать свободным, расторгнув брак? Но однажды его заключив, он уже делается несвободным навсегда. От этого никуда не деться, нравится нам это или нет. У человека нет другого выбора, как только смириться и строить свое счастье там, где он его однажды выбрал, или нести свой крест».

«Да, ваши взгляды мне известны, – рассеянно ответил Дидро. – Но я, кажется, отвлекся от первоначальной темы нашего разговора. Так вот, когда мы с вами познакомились, я как раз сблизился с одной женщиной. Мы вместе с ней переводили, деньги я отдавал ей. Потом я порвал с ней и с головой ушел в Энциклопедию…»

Дидро снова надолго замолчал, потом, как бы стряхнув с себя какие-то мысли, сказал: «Недавно эта женщина умерла. У меня к вам есть просьба, Этьен. Я хочу, чтобы вы помогли одному несчастному ребенку. Эта девочка лишилась матери, а теперь оставлена отцом, который совершенно не интересуется ее

жизнью. Ей еще нет и шестнадцати. Она неплохо рисует. Могли бы взять ее в помощницы?» Дидро умоляюще взглянул на своего товарища.

Фальконе согласился без колебаний. «Конечно, она будет моей ученицей, и я сделаю все, чтобы она стала хорошим скульптором, первой женщиной-скульптором во Франции», – заверил он Дидро.

Так в жизни Фальконе появилась Мари Анн Колло. Девочка делала поразительные успехи. Вскоре она смогла сделать самостоятельно мраморную голову Дидро. «Она прирожденный портретист», – с восхищением говорили зрители. Фальконе был горд своей ученицей, но бросив взгляд на пунцовую Мари Анн, стоявшую рядом с бюстом Дидро, он вдруг неожиданно для себя заметил нечто общее в их чертах. Тотчас отогнав от себя эту мысль, он постарался забыть о ней.

В это же время Фальконе закончил скульптурную группу «Пигмалион и Галатея». Удивительно, что он начал ее задолго до появления Колло. Художник обладает способностью предугадывать судьбу, свою и чужую. Но, возможно, это была просто случайность. В то время многих волновал древний миф о критском царе Пигмалионе, создавшем статую Галатеи, которая была так прекрасна, что он влюбился в нее. Когда, восхищенный, он поцеловал ее, статуя ожила.

Он тоже, как Пигмалион, создал Колло, и лукавый Амур уже точил свои стрелы…

Когда группа «Пигмалион» была выставлена в Салоне, она вызвала настоящую бурю восторгов. «Если бы эта группа, скрытая в земле в течение нескольких веков, была извлечена оттуда сломанная, с отбитыми руками и ногами, но с именем Фидия, высеченным на ней по-гречески, я молча и с восхищением смотрел бы на нее», – писал Дидро в своем обзоре Салона в журнале «Литературная переписка».

По случаю выставки в Салоне Фальконе и Дидро обедали вместе у Руссо. Четвертым был Бюффон. После обеда Дидро предложил им небольшую прогулку: «Здесь неподалеку живут молодые русские художники. Это первые пансионеры Российской Академии художеств, организованной недавно графом Шуваловым вместе с Ломоносовым. Шувалов пожертвовал на пользу Академии свою личную картинную галерею».

Фальконе слышал об обменах молодыми художниками с Россией. Недавно по приглашению Академии в Россию уехал скульптор Жилле, который стал там вице-президентом Академии художеств.

«Один из русских пансионеров особенно талантлив, –

продолжал Дидро. – Его зовут Антон Лосенко. Ему всего 23 года, но это удивительный, необыкновенно талантливый художник, настоящий русский Рафаэль. Недавно за свой рисунок «Смерть Сократа» он получил медаль нашей Академии. Это весьма редкое явление для французской Академии, которая очень строго судит работы иностранцев. Безусловно, это будущее русской школы живописи».

«Говорят, он незнатного происхождения?» – заинтересованно спросил Руссо. «Да, он сын купца, торговавшего в Чернигове, одном из небольших городов империи, всякой мануфактурой, – подтвердил Дидро. Отец его потом спился, а мать умерла, когда ему было всего четыре года. Поскольку мальчик хорошо пел, его взяли в царский хор в Петербурге, но потом за спадение голоса он был отчислен из певчих. К счастью, он с детства был увлечен также и рисованием и попал в обучение к Ивану Аргунову». «А, это тот самый крепостной художник, который служил у графа Шереметева?» – оживился Руссо. «Аргунов – один из самых серьезных русских портретистов, по крайней мере лучшей школы в России тогда трудно было найти, – сказал Дидро. – Не удивительно, что от Аргунова Лосенко попал в Академию, а теперь продолжает свое обучение во Франции. Здесь он учится у Рету. Я не очень высокого мнения о Рету, хотя он и весьма плодовитый художник. Но он хороший педагог. К счастью, русского художника нельзя отнести к начинающим, то есть к тому опасному состоянию, когда воля учителя может совершенно подавить ученика и привить простое подражательство. Правда, он делает копии. Но подражание великим – это хорошая школа. К тому же дважды в день он обязательно рисует с натуры, а это хорошее очищение от болезни подражательства. Однако Рету уже слишком стар и не может руководить. Я рекомендовал ему Вьена – это художник, которого я могу хвалить без всяких оговорок».

Русские ученики Академии художеств находились под опекой нового русского посла в Париже Дмитрия Голицина, который давно дружил с Дидро и энциклопедистами. По просьбе императрицы Екатерины II Дидро и Мельхиор Гримм подбирали преподавателей для русских пансионеров и поддерживали с ними тесный контакт.

Фальконе не очень внимательно слушал легкую болтовню Дидро. Он отрешенно смотрел в сторону и чему-то счастливо улыбался. Погруженный в свои мысли, он незаметно отстал от друзей. Бюффон, несколько раз оглянувшись на него, наконец остановился и, подождав Фальконе, доверительно взял его под руку. «Я давно наблюдаю за вами, – сказал он шутливым тоном, – и я хочу вам сказать, что ваш Пигмалион выдает вас с головой. Вы

влюблены – не так ли?». Фальконе вспыхнул. Бюффон догадался о его тайне. «Колло еще совсем ребенок, к тому же я старше ее на тридцать лет», – холодно ответил он. Бюффон расхохотался: «Всего-то? Раньше я не пропускал ни одной молоденькой женщины, но теперь экономлю время на своих амурных делах. Эти утехи не стоят того, чтобы похищать их у славы. Я всегда предлагал женщинам темперамент вместо сердца и экю вместо забот, и женился в сорок пять лет на двадцатилетней бесприданнице. Но жениться – значит влезть в неоплатные долги. Вы знаете это не хуже меня. Все великие художники воспевали любовь, а Рафаэль умер на женщине. Глупо отказываться от радостей жизни!»

Скульптор с сомнением взглянул на него:

«Кто знает, может быть, платоническая любовь и есть самая лучшая? Любовь, которая не реализована, приобретает фантастически прекрасные формы. Я мог бы легко склонить ее к близости, но я знаю, что это не соответствует ее истинному желанию, так как Колло воспитана в религиозных убеждениях и считает, что грех приносит несчастье».

«Что за ерунда, – рассмеялся Бюффон. – Эти попы всех запугали. Какие у вас могут быть несчастья? Ваше положение прочно, вам покровительствует первая женщина в государстве, вы признанный художник, у вас большое будущее, вы в расцвете сил. Разве можно лишать себя счастья ради каких-то глупых предрассудков? Посмотрите вокруг. Какие несчастья обрушились на головы грешников? Взгляните на любовницу короля Помпадур – она процветает уже девятнадцать лет. Какие могут быть еще более очевидные свидетельства глупости всех этих религиозных нравоучений? Люди должны быть счастливы – они рождаются для удовольствий!»

Хлопнув Фальконе по плечу, он вновь оглушительно захохотал.

Фальконе ничего не ответил. Червь сомнения давно уже поселился в нем, и Бюффон лишь сказал ему то, в чем он не решался признаться себе сам.

На улице Фроманто, близ Лувра, в доме парикмахера Леспри, где жили русские пансионеры, их встретил сам Антон Лосенко – смуглый темноволосый молодой человек небольшого роста с пытливым, внимательным взглядом серо-зеленых глаз. Всего несколько дней назад он вернулся из России, куда его срочно вызвали для росписи Триумфальной арки к коронации новой императрицы Екатерины II. Лосенко показал ей свои работы, привезенные из Парижа. Государыня приобрела для Эрмитажа одну из его картин – «Чудесный улов рыбы» на евангельский

сюжет.

Картины Антона Лосенко были представлены новой императрице графом Шуваловым как свидетельство успехов молодой русской Академии художеств, которую он возглавлял. И все же Шувалов, этот еще недавно всесильный камергер двора и фаворит бывшей императрицы Елизаветы Петровны, не избежал опалы. Авторитет его пошатнулся после того, как в одном из писем одному своему заграничному корреспонденту он якобы позволил себе с недостаточным почтением отозваться о характере «июньской революции» Екатерины II. Императрице каким-то образом стало об этом известно, и ему пришлось «по болезни» оставить Академию и отправиться в почетную ссылку в Рим. «На столько времени, на сколько потребно будет» – гласила резолюция. Во главе Академии художеств был поставлен некий генерал-поручик Иван Иванович Бецкой.

Фальконе слушал эти новости не очень внимательно. Имя Бецкого ничего ему не говорило. Мог ли он тогда предполагать, что всего через несколько лет этот человек станет самым злобным и мстительным его гонителем и палачом?

С гораздо большим интересом Фальконе разглядывал работы Антона Лосенко. Его внимание привлекло начатое полотно с изображением перевернутого креста.

– Эта картина будет называться «Андрей Первозванный», – охотно стал объяснять ему художник. – Первый из людей, последовавших за Иисусом, был Апостол Андрей. С именем этого святого связано распространение христианства на Руси. В своих странствиях он водрузил крест у Киева и дошел до самого Новгорода. По преданию, апостола Андрея распяли на кресте, брусья которого были поставлены наискось. Апостол Андрей мало упоминается в Священном Писании и остается как бы в тени. Вы, католики, больше чтите апостола Петра, которому, как сказано в Евангелии, Господь вручил ключи от Царства Небесного. Кто знает, может быть, он делал это намеренно, чтобы не привлекать внимания к главному персонажу? Ведь сегодня лишь православие сохранило верность первоначальному христианству первых апостолов. Я долго думал, что в моей картине должно передавать впечатление святости. Я нашел эту деталь – это сияние лба.

Блеск лба самого Лосенко поверг Фальконе в глубокую задумчивость. Как видно, молодой художник и сам был не чужд отшельничества.

После «Андрея Первозванного» гости увидели наконец картину «Смерть Сократа» – ту самую, за которую художник был удостоен медали Французской Академии. Фальконе был рад этой неожиданной встрече со своим кумиром.

– Сократ – тоже мученик веры, – произнес он, глядя на картину.

– Вы хотите сказать – мученик знания? – уточнил Дидро.

– Вера – это тоже знание, только еще не осознанное, – коротко ответил Фальконе.

– По моему мнению, Сократ – не более, чем литературный персонаж, которого придумал Платон, – сказал Бюффон. – Нет ничего написанного Сократом, есть лишь диалоги, сочиненные Платоном.

Ему возразил Антон Лосенко:

– Если бы Сократ писал научные трактаты, это находилось бы в вопиющем противоречии со всей философией его жизни, ни во что не ставящей человеческое знание. Платон мог называть себя учеником Сократа, но сам Сократ никогда никого не учил.

– Во всяком случае он поступил очень мудро, отказавшись избегнуть казни за свои убеждения, – вставил Дидро. – Когда его осудили, он был уже глубокий старик. Отдав свою оставшуюся жизнь, он приобрел бессмертие.

– Духовное бессмертие, – уточнил художник. – Сократ, кончивший свою жизнь естественной смертью, был бы уже другой Сократ. Казнь Сократа подняла его на небывалую высоту, соединила в одно целое его жизнь и его учение. Гений Сократа осветил все человечество. Многие склонны видеть сходство между Сократом и Христом: и тот, и другой умерли насильственной смертью, не оставив ни строчки, и известны нам лишь по воспоминаниям современников. Наша православная религия также усматривает близость христианской философии к античной мудрости. Ведь Сократ в сущности не был язычником. Фактически он был первым монотеистом, поклоняясь единственному божеству внутри себя – голосу совести, нравственному чувству, дарованному нам свыше. В какой-то мере его можно считать первым мучеником этой идеи, на которой зиждется христианство. Он первый понял главенство нравственного закона над всеми другими, выразителями которых были многочисленные божества Древней Греции, и, собственно, за это и был осужден на казнь. Христианство, которое пришло на смену античному язычеству, выражает всеобщий нравственный закон. Разве не то же самое проповедовал Сократ? В России православие считают греческой верой, хотя оно иудейского происхождения. Но древние иудеи отвергли Христа. Тогда апостолы пришли в эллинское рассеяние, где просвещенные эллины вначале подняли их на смех. Но мы знаем, что первое евангелие было написано на греческом языке, и древняя Русь восприняла христианство от греков Византии, ведущей свое начало от древних греков. Таким образом, корни

христианства – в античной философии Сократа.

– В этом случае литературный персонаж не только Сократ, но и Христос, – неожиданно заключил Бюффон.

– Все ваши рассуждения кощунственны, – возмутился Руссо. – Есть разница между сыном Софрониска и сыном Марии. Смерть Сократа, спокойно рассуждающего со своими друзьями, есть самая лучшая, какой можно только пожелать, смерть Иисуса, который умер в мучениях, поруганный и злословимый от всего народа, есть самая ужасная, какой только можно опасаться. Сократ благословил того, кто поднес ему сосуд с отравой, Иисус посреди ужасных мучений молился за своих мучителей. Если жизнь и смерть Сократа показывает в нем мудреца, то жизнь и смерть Иисуса показывают в нем Бога. Первый только говорил о том, что другой осуществил на деле.

Лицо Руссо пылало. Голос его срывался. Он резко повернулся и ушел, громко хлопнув дверью.

Все молчали. Дидро низко опустил голову.

– Это должно было когда-то произойти, – сказал он наконец. – Разрыв был неизбежен. Наши разногласия непримиримы, они гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд, и дело не только в его болезненной религиозности. Он ненавидит человеческое знание, прогресс, цивилизацию, все то, ради чего я отдаю жизнь. Это началось у него давно, пятнадцать лет назад. Я тогда находился в заключении в башне Венсенского замка. Руссо часто навещал меня. Однажды он пришел ко мне в состоянии, граничащем с исступлением. Он был бледен, лицо его было покрыто капельками пота. Молча он протянул мне газету. «Прогресс наук и искусств способствовал ли порче или очищению нравов?» – прочитал я. Это был вопрос, предложенный Дижонской акажемией, которая объявляла конкурс на эту тему. Он спросил у меня, какую позицию ему занять в этом вопросе. «Вы займете ту позицию, на которую не встанет никто», – ответил я ему. «Вы правы», – ответил он. С тех пор он стал другим человеком. Вся его жизнь стала неизбежным следствием этой безумной идеи.

Продолжать разговор никому не хотелось, и понемногу все стали расходиться. Фальконе медлил. Он уходил последним. Рисунок на стене не отпускал его, он жег и притягивал взгляд, который снова и снова обращался к надписи: «Смерть Сократа». Уходя, Фальконе оглянулся: философ, улыбаясь, подносил к губам чашу с ядом.

Заказ века

Прошел год. Фальконе, угрюмый и подавленный, брел по Парижу. Невеселые мысли одолевали его. Неожиданно в расцвете сил умерла госпожа Помпадур, его покровительница. Смерть маркизы стала для скульптора ошеломляющим ударом. Талант, признание – все это оказалось зыбким и неустойчивым. И дело было не только в том, что заказанная Помпадур почти готовая статуя «Зима», на которую он уже затратил много собственных средств, могла оказаться неоплаченной и художник мог остаться без средств к существованию. Пугающая неизвестность ждала его впереди, а то, что осталось в прошлом, казалось мелким и никчемным. «Жизнь прожита, – с тоской думал он, – и что сделано? Красивые безделушки, амуры, нимфы – неужели я жил ради этого? Неужели это все, и больше ничего не будет?»

В глубокой задумчивости он остановился перед зданием, где должна была проводиться распродажа картин из коллекции курфюрста-архиепископа Кёльнского. «Этьен!» – вдруг услышал он. Улыбаясь и протягивая руки, к нему шел какой-то человек. Неужели Луи? Да, это был он.

«Вы как будто чем-то расстроены? – спросил Луи, испытующе глядя на Фальконе. – Когда-то вы говорили мне, что счастье для вас – ваша работа. У вас что-то не ладится с ней?» «Моя работа? – переспросил он. – Моя работа дается мне легко, все делается как бы само собой, но у меня никогда не было времени даже для того, чтобы перевести дух. Не успевал я закончить одну работу, как в голове возникал замысел другой. Я торопился, боясь потерять даже минуту жизни, сохраняя ее для работы. Даже мгновение праздности казалось мне преступлением. Я сам себя торопил, подгонял. Но к чему? Я и сам этого не знаю. Одно мне известно – то, что сделано мною до сих пор, – пустое. Мне всегда казалось, что впереди меня ждет нечто более значительное и серьезное. Неужели мое чувство обманывало меня? Мне уже пятьдесят лет. И все же я по-прежнему чего-то жду. Сначала мне казалось, что это будет Святой Рок, но здесь у меня ничего не получилось, я создал нечто банальное. Теперь смерть маркизы заставила меня оглянуться на прожитое. Стоит ли думать о прошлом, если впереди есть будущее? Но будущего у меня уже нет. Несчастья сыплются на меня, словно из рога изобилия, я ничего не могу поделать, они не в моей власти, и я не вижу выхода…»

Луи горько улыбнулся: «Можете не продолжать. Мне уже все понятно. Грех отлучил вас от Бога. Зачем вы усомнились?» Фальконе вздрогнул и ничего не ответил. Он постарался

перевести разговор на другое: «А как живете вы? Я часто спрашивал о вас у кюре. Признаться, я думал, что вы ушли в монастырь, но вижу, что это не так: и вид, и одежда у вас совсем не монашеские». Луи снова улыбнулся, но уже веселее: «Для того, чтобы стать монахом, вовсе не обязательно уходить в монастырь. Всякий, посвятивший себя какому-то делу, отказавшийся ради этого от сомнительных радостей жизни, по сути, является монахом». «Вы тоже посвятили себя такому делу?» – спросил Фальконе. «О, то, ради чего я стал фактически монахом, стоит этого. Вы помните, как я говорил вам о том, что христианство должно превратиться из веры в убеждение? Пришло время осмысления христианской идеи. Я стою на пороге создания подлинной христианской истины, пригодной для нашего просвещенного века. Эта истина будет опираться не только на веру, но и на разум, – божественная реальность, переведенная на язык разума. Это будет новое Евангелие, завет сегодняшнего дня, второе пришествие христианства. Я не знаю, как его назовут: может быть, просто научным, разумным христианством, ноохристианством, ведь в переводе с греческого «ноо» означает «разум», но я уверен, что это будет мировоззрение будущего».

«Так вы еретик!» – шутя воскликнул Фальконе. Луи не принял шутки и с сожалением посмотрел на него: «Нельзя превращать христианское учение в догму, это наука, которая еще требует своего постижения и которую нужно развивать. Да, христианство по-прежнему остается тайной, но и к этой тайне можно подойти открыто и без предрассудков, в духе свободного исследования, не пренебрегающего никаким из возможных путей анализа. Я поставил перед собой цель доказать закон Святого Рока. Людей трудно убедить в том, что противоречит логике, но каждый, кто обратится к собственному жизненному опыту или опыту своих близких, убедится в том, что закон Святого Рока – реальность. Каждое действие влечет за собой строго определенные последствия. Почему это происходит, еще никто пока не может объяснить научно, но действие этих законов так же неумолимо, как действие, например, законов гравитации. Можно сколько угодно игнорировать эти законы, но от этого они не перестают действовать. Я хочу установить точную зависимость между видом греха и следующим за ним наказанием, и сделать это путем исследования жизни известных людей. Все события их жизни, взятые отдельно и как будто не связанные между собой, могут показаться несущественными, однако в совокупности они создают ту роковую цепь, которая ведет либо к успеху, либо к гибели. Жизнеописания художников, картины которых мы видим здесь, которые тщательно составляли добросовестные авторы,

возможно, правильны, но показывают лишь отдельные факты, не рассматривая их в целом и не осмысливая их».

Луи взял скульптора за руку и подвел к висящей на стене картине: «Это Рембрандт Харменс ван Рейн – великий голландский художник. Картина называется «Возвращение блудного сына». Она написана около ста лет назад. Сюжет картины прост. Он взят из евангельской притчи, в которой рассказывается о юноше из богатой семьи, покинувшем отчий дом. После многих лет беспутной жизни, промотав все свое состояние, оборванный и нищий, он вернулся к отцу, который простил его.

На картине изображен момент их встречи, когда изнуренный, одетый в рубище скиталец, упав на колени, прильнул к отцу, и тот, склонившись к бродяге, пытаясь поддержать, прижимает его к себе. Лицо старика, преображенное любовью, излучает свет. Все говорит о покое и счастье, обретенном после долгих лет мучительного ожидания».

«Это картина о всепрощающей любви, – сказал Фальконе. – Любовь и всепрощение спасут человечество». «Это так, – согласился Луи, – и все же замысел художника гораздо глубже. Возвращение блудного сына означает возвращение человека к Богу. Это лучшая из картин великого мастера. Жизнь Рембрандта ван Рейна интересна и поучительна, впрочем, как и жизнь любого другого человека. Эту картину он писал на исходе своего жизненного пути, а последние годы жизни художника были ужасны. Он потерял все: имущество его пошло с молотка, а сам он умер в нищете. А ведь он был счастлив, имел славу, деньги, богатство, любимую работу. Но он был большой грешник. Дела его шли все хуже и хуже, дети умирали один за другим, не успев даже получить имя. Единственный сын Титус, оставшийся в живых, стоил жизни его любимой жене. Жена художника оставила завещание, по которому он не мог жениться, не потеряв право распоряжаться ее состоянием, до совершеннолетия сына. Но какой мужчина, да еще художник, захочет жить один! Первая кормилица его сына была очень религиозна. Она любила Рембрандта, но не хотела внебрачной связи, так как считала, что этим погубит и его, и себя. Желая его счастья, она была непреклонна. Рембрандт безжалостно с нею расстался, усмотрев в ее желании одну лишь корысть. Вторая кормилица оказалась более покладистой – она во всем покорилась своему господину. Но ее любовь не принесла художнику счастья. Первый ее ребенок родился мертвым, второй – больным, затем умерла и она сама, а через несколько лет Рембрандт стал нищим, еще до наступления совершеннолетия сына лишившись того самого наследства, ради

которого он отверг любящую его, добропорядочную женщину. Затем умер и последний из оставшихся в живых детей – сын Титус. На смену славе и богатству пришли бедность и одиночество. Блудный сын – это он сам – человек, потерпевший крушение и в конце жизненного пути осознавший причину своих несчастий».

«Но какая здесь связь, – спросил Фальконе. – Уж не хотите ли вы убедить меня в том, что формальный обряд супружества каким-то образом связан с несчастьем художника?» «Я и сам не знаю, какая здесь связь, – вздохнул Луи, – но эта связь реально существует. Тайна сия великая есть, и существующие порядки человеческих уставов тоже имеют некую магическую силу. В этой картине – глубочайший смысл. Тот, кто его осознает, может ничего не страшиться – не пройдет и дня, как он получит свою награду! Мало того, осознавший свой грех и раскаявшийся в нем получит более, чем имел до того, ибо раскаявшийся грешник для Бога дороже, чем сотни праведников, которые еще не прошли испытание».

Все остальное происходило как во сне. Фальконе, в каком-то оцепенении стоявший перед «Блудным сыном», вдруг услышал позади себя знакомый голос:

– Я бы порекомендовал вам во что бы то ни стало приобрести для императрицы эту картину. Архиепископ Кёльнский купил ее двадцать два года назад на распродаже собрания Яна де Гизе в Бонне. На эту картину не нашлось достойного покупателя, и она была снята с продажи, так как за нее давали не более трех тысяч ливров, а это гораздо меньше суммы, уплаченной архиепископом.

– Подумать только! – ответил другой голос. – Три тысячи ливров! А ведь при жизни художник получал за свои картины гроши, которых не хватало на то, чтобы расплатиться с кредиторами, и все его картины были проданы с молотка за бесценок. А теперь за эти же картины платят огромные деньги. Если бы несчастный художник при жизни мог получить хотя бы часть того богатства, которым сейчас пользуются другие! Я сейчас занимаюсь жизнеописанием знаменитых художников и поражаюсь, как похожи их биографии. Отчего судьба так несправедлива, почему она незаслуженно отнимает у одного и вознаграждает другого?

Фальконе оглянулся. Конечно, это был Дени Дидро. Друзья обнялись. Человек, который разговаривал с Дидро, тонко улыбался. Фальконе узнал князя Дмитрия Голицына, недавно назначенного русским посланником при Версальском дворе. Молодой, веселый, холостой князь, с юности живший в Париже, был хорошо известен литераторам и художникам – завсегдатаям

салона мадам Жоффрен.

– Вот человек одаренный, обладающий всевозможными качествами, совместимыми и несовместимыми с гениальностью, – восторженно заговорил Дидро, обращаясь к князю и указывая на Фальконе. – У него вдоволь тонкости, вкуса, ума, деликатности, благородства и изящества; он груб и вежлив, приветлив и угрюм, нежен и жесток; он обрабатывает глину и мрамор, читает и размышляет, он деликатен и колок, серьезен и шутлив, он философ, который ничему не верит и хорошо знает, почему. Но он горд и независим, поэтому у него много врагов. Нужно иметь необычайное терпение, чтобы не поссориться с ним. Уже год, как он не дает о себе знать. Что случилось?

Фальконе смешался, обернулся к Луи.

– Это мой друг, – сказал он, представляя его, – он ученый.

– Я приглашаю вас вместе с вашим другом на сегодняшний прием в русское посольство, – церемонно поклонился князь и многозначительно добавил: – Сегодня у нас собирается много ученых и философов.

На приеме у князя Голицына самой колоритной фигурой был, пожалуй, Вениамин Франклин. Громкую популярность во Франции ему принесла деятельность в пользу независимости североамериканских колоний. Франция после своего поражения в Семилетней войне, лишившей ее колониальных территорий в Америке, надеялась теперь на реванш у своей вечной соперницы Англии. Возможно, благодаря этому, а может быть, вследствие традиционной вражды к Англии и популярности самого дела освобождения Вениамин Франклин вошел в большую моду в Париже, где французы подражали даже его простому костюму. Впрочем, его охотно принимали еще и благодаря остроумию, чрезвычайно веселому и колкому, несмотря на обманчивое внешнее добродушие. Поездка Франклина во Францию имела целью подготовить почву для союза Франции с американцами в их борьбе за независимость.

Вениамин Франклин был уже немолод: ему перевалило за шестьдесят. Родился он в Америке, недалеко от Бостона. В детстве родители готовили его к духовной карьере, но из-за недостатка средств отец забрал его на десятом году из школы и приставил к работе на своем мыловаренном заводе. В семнадцать лет Вениамин уехал в Англию, в Лондон, но через несколько лет вернулся в Америку и поселился в Пенсильвании, где основал собственную газету, а затем стал и секретарем колониального пенсильванского парламента. В конце 50-х годов он был назначен представителем Пенсильвании, а потом и других колоний в Лондоне по вопросам финансового управления, был начальником

почтового управления над всеми англо-американскими колониями, но в 1762 году вновь вернулся в Америку, и с этого времени начался самый блестящий период его деятельности, связанный с борьбой за независимость Соединенных Штатов.

Энциклопедистам он был известен уже давно. В 1743 году он изобрел громоотвод из заостренного металлического стержня с целью предохранения зданий и судов от разрушительных ударов молний. Его предложение было встречено в Англии с недоверием. Против острого конца громоотвода выступило духовенство, считая опасным водружать на домах меч, обращенный острием к небу. Естествоиспытатель Вильсон, оспаривая необходимость острого конца громоотвода, заявил, что во избежание вредных последствий стержень должен заканчиваться шариком. Споры вокруг громоотвода достигли такого накала, что президент Лондонского королевского общества, присудившего Франклину золотую медаль за его изобретение, был немедленно отстранен от должности и изгнан из Королевского общества.

Вольтер в своем поместье Ферне одним из первых повторил опыт Франклина, а Бюффон перевел его сочинение на французский язык. Князь Голицын был восхищен мужеством Вольтера: ведь не так давно в Петербурге академик Рихман во время опытов был убит электрической искрой. Однако вскоре во Франции, где идеи Франклина вначале имели успех, тоже стали относиться к ним с опаской, особенно после происшедшего в Массачусетсе землетрясения, которое приписывали распространению громоотвода Франклина. Когда один домовладелец во Франции вздумал установить у себя подобное устройство, встревоженные жители города подали на него в суд, исход которого оказался все же благоприятным для ответчика благодаря молодому энергичному адвокату, которого звали Максимилиан Робеспьер.

Бюффон иронизировал по поводу нападок на громоотвод: «Вот вам пример того, как политические пристрастия влияют даже на оценку научных результатов. Когда Вениамин Франклин предложил свой громоотвод, все образованное английское общество разделилось на две враждующие партии, и сторонники американского изобретения стали считаться в Англии политически неблагонадежными».

Англия пыталась ввести в Америке гербовый налог для покрытия расходов на войну с Францией. В колониях поднялась буря протестов. Вениамин Франклин возглавил оппозицию и выступая по этому поводу в палате общин, заявил, что американцев заставить платить гербовый налог можно только силой оружия. Когда его спросили, какие изменения нужно

сделать в акте о гербовом налоге, чтобы американцы его исполняли, он ответил: «Только одно: написать, что закон входит в силу не с 1 ноября 1765, а с 1 ноября 2765 года. Дело всего в одной цифре – и американцы успокоятся». Гербовый акт был отменен, но брожение в американских колониях не прекращалось. Америка выходила из повиновения.

Окруженный гостями, Франклин, улыбаясь, раздавал направо и налево шутки, отвечая на вопросы, с которыми наперебой обращались к нему. «Восстания нет, – говорил он, но его создадут. Опрометчиво думать, что народные жалобы – выдумки горстки демагогов и стоит только словить их и перевешать, как всё будет спокойно. Что ж, поймайте некоторых из них и повесьте. Кровь мучеников делает чудеса, и вы добьетесь того, чего хотите, – из большого государства сделаете маленькое. Есть только один выход: нужно уравнять английских подданных по ту сторону океана с англичанами Великобритании, тогда народ Великобритании и народ колоний лучше бы со шлись друг с другом и перестали бы составлять два общества с различными интересами. Они составили бы одно, с общим интересом, что способствовало бы сплочению и устранило бы опасность будущего разъединения метрополии и колоний».

– Меня заботит судьба английских колоний в Америке. По правде сказать, при современной системе Англия не получает от господства над колониями ничего, кроме убытка. Открытие Америки принесло Европе одни бедствия. Для продажи в колониях в обмен на золото стали производить огромное количество лишних товаров. Однако золото колоний не обогатило Европу – наоборот, оно обесценилось. Это еще раз свидетельствует о неразумности политики меркантилизма правительства Англии, – сказал какой-то человек с сильным английским акцентом.

Фальконе уже обратил внимание на этого мужчину лет 43–45, с рассеянным видом погруженного в глубокую задумчивость. Иногда он шептал что-то, как бы разговаривая сам с собой.

– Это Адам Смит, – пояснил Дидро, обращаясь к Фальконе и Луи. – Не удивляйтесь, что этот человек так рассеян и задумчив. Он не сумасшедший. Он просто увлечен своими собственными мыслями, он занят мировыми проблемами. У него феноменальная память, и он холост, то есть у него есть все предпосылки для того, чтобы сделать великие открытия. Это воспитатель молодого герцога Бёкля, с которым он путешествует по Франции. До этого он был профессором Глазговского университета в Шотландии, где возглавлял кафедру логики и нравственной философии. В Глазговском университете у него учились русские студенты.

Собственно, ради него князь Дмитрий Голицын и собрал всех парижских знаменитостей в русском посольстве. Адам Смит опубликовал в Лондоне большой труд, который называется «Теория нравственных чувств». Теперь он обдумывает свое новое сочинение. Этот труд должен опрокинуть господствующие сейчас системы, принимавшиеся в течение целых веков за неопровержимую истину. Задача огромная, почти непосильная для одного человека. Поэтому он согласился стать наставником юного герцога, чтобы получить независимость и иметь возможность работать как свободный ученый, а также, в немалой степени, для того, чтобы приехать во Францию и познакомиться поближе со школой наших физиократов во главе с Кенэ. Но Адам Смит не во всем согласен с Кенэ и решил раскрыть ошибки физиократов в задуманной им книге. У Адама Смита есть свой рецепт богатства народов, он открыл тайну происхождения богатства. В его теории – ключ к пониманию всей физиологии общества. Ему тоже близка идея естественного закона. Он представляет человеческое общество как единую систему, в которой существуют естественные законы, которые действуют подобно законам природы и не зависят от воли людей или правительств. Это идея естественной гармонии, равновесия, которое устанавливается в обществе стихийно, без вмешательства государства, и является идеальным режимом функционирования этой системы. Законы общественного развития он выводит из законов биологической сущности человека. Идеи Смита основываются на естественном человеке, таком, каков он есть, со всеми его достоинствами и недостатками. Человек у него не должен ни совершенствоваться, ни перевоспитываться, ведь добродетельны не все, а такой порок, как себялюбие, свойственен всем. Адам Смит считает, что человек в своих материальных делах руководствуется выгодой и что личная выгода есть самый надежный компас для достижения личного и общественного достатка. Естественным путем, без всякого вмешательства государства невидимая рука естественной свободы и конкуренции сама приводит к процветанию нации.

Адам Смит тем временем продолжал:

– Англии в какой-то мере даже выгодно переложить ответственность за колонии на них самих. Но колонии, освободившись, вовсе не обязательно станут жить лучше, чем до этого. Существует тысячи способов эксплуатировать их, не прибегая к прямой зависимости. Но я думаю, что если Америка станет страной, где будет безраздельно господствовать полная хозяйственная свобода, то она избежит этой участи. Возможно, именно в этой стране будет поставлен тот эксперимент, который

докажет, что лишь труд и его главное условие – свобода предпринимательства – есть главное и единственное условие богатства и благополучия всех народов. И разве столь быстрое развитие американских колоний не есть результат того, что там сразу стали применять самые прогрессивные отношения, которые в значительной мере стеснены здесь, в Европе?

– Я думаю, что не только свобода тому причиной, – возразил ему пожилой сутуловатый человек с благообразным лицом. – В Северной Америке – масса нетронутых природных богатств, использование которых стоит гораздо меньше труда, чем в Европе, уже давно познавшей плоды цивилизации. Обилие хороших земель и золото, много золота, взамен которого поток богатств потек из Старого Света, послужили причиной процветания новых колоний в Америке. Не труд, а земля – главный источник богатства народов. Земля доставляет в сыром виде все продукты, необходимые для человека, и дальнейшая обработка этих продуктов не создает никакого нового богатства. Фабричные рабочие изменяют лишь форму продуктов, извлеченных из земли. Труд рабочего по обработке, как и труд торговца, который лишь распределяет то, что создано трудом других, не создает богатства.

«Это и есть Кенэ», – шепнул Дидро.

Фальконе слыхал о Кенэ. Всю жизнь тот прослужил придворным врачом при дворе Людовика XV. Двенадцать лет назад, когда ему исполнилось шестьдесят, он вдруг решил заняться экономикой. К исследованию он подошел как врач. Он рассматривал национальное хозяйство Франции как особый организм, здоровье которого зависит от правильного обмена веществ. Кенэ составил свою знаменитую «Экономическую таблицу», в которой установил пропорции между деньгами и количеством продуктов, а также дал схему пропорционального распределения годового национального продукта между различными классами, из которых производительным он считал лишь земледельцев. Промышленников и торговцев он относил к бесплодному классу. «Увеличение количества непроизводительного населения опасно, – предостерегал Кенэ, – так же, как и увеличение населения вообще. Как бы ни была богата страна, увеличение населения очень быстро низведет положение населения до самого низкого уровня». Исходя из открытых им законов равновесия, он брался предсказать деградацию или прогресс хозяйственного организма.

Кенэ преподнес свою «Экономическую таблицу» Людовику XV, надеясь, что тот поручит ему составление плана коренных реформ французского государства. Он излагал

фаворитке короля госпоже Помпадур основы своей теории, рассчитывая на ее поддержку, но король равнодушно отнесся к открытию Кенэ, усмотрев в его стремлении лишь желание стать министром. Но, несмотря на это, школа физиократов стала пользоваться большим авторитетом. Кенэ появился в доме Голицына вместе с двумя своими последователями, не менее известными, чем он сам: де Ла-Ривьером – бывшим губернатором Мартиники, недавно приехавшим с этого острова в Париж, и Тюрго – интендантом французской провинции Лимузень.

«Тюрго – это будущее Франции, – отозвался о последнем Дидро. – Он автор множества работ, он пишет о кредите и деньгах, налогах и горном деле, религиозной терпимости и происхождении языка, истории и философии. Он написал несколько статей для нашей Энциклопедии. Тюрго создал целую теорию финансового права, и в то же время он не покладая рук работает в качестве интенданта, выполняя самым тщательнейшим образом все бесконечные разнообразные обязанности, связанные с этим званием в главном земледельческом департаменте Франции».

– Адам Смит считает, что главное заблуждение физиократов состоит в том, что они считают ремесленников, фабрикантов и купцов за людей совершенно бесплодных и непроизводительных и проповедует стеснительные меры против мануфактурной промышленности и иностранной торговли. Но он считает, что несмотря на все свои несовершенства, система эта из всего, что писалось в политической экономии, более всего подходит к истине и в этом она заслуживает самого серьезного внимания со стороны человека, желающего ближе познакомиться с основами такой важной науки, – заметил Дидро, разъясняя Фальконе взгляды сторон.

Адам Смит тем временем продолжал излагать основы своей теории:

– Я вижу движущую силу в эгоизме, в эгоистической сущности человека, когда при помощи алчности достигается гармония интересов общества и отдельной личности. Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует. Люди, предоставленные своим естественным влечениям, устроят наилучшим образом свою жизнь. Если мы исследуем общие законы, по которым распределяются в этом мире добро и зло, то найдем, что несмотря на кажущийся беспорядок в этом распределении, каждая добродетель находит свое вознаграждение самое

приличное для ее поощрения. То же и в сфере материальных интересов. В сущности, богатые потребляют не больше чем бедные, несмотря на свою алчность и эгоизм, несмотря на то, что они имеют в виду только личные интересы, несмотря на то, что они стремятся удовлетворять только своим пустым и ненасытным желаниям, употребляя для этого тысячи рук, тем не менее они разделяют с последним чернорабочим плоды работ, производимых по их приказаниям. По-видимому, какая-то незримая рука принуждает их принимать участие в таком распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми; таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатые служат общественным интересам. Разобрав и отвергнув системы, построенные на поощрениях и на стеснениях, я пришел к выводу, что остается одна только простая и легкая система естественной свободы. Задача государства состоит лишь в том, чтобы создавать условия для проявления естественных законов, исходя из которых можно обеспечить действительное умножение общественного богатства. Государство должно предоставить человеку полную свободу его эгоизму и не вмешиваться в пути и способы его осуществления.

– Мне кажется, вы незаслуженно принижаете значение разумной верховной власти, – возразил Адаму Смиту Тюрго, который до сих пор молча слушал оратора и не вступал в разговор. – В свое время при Людовике XIV во Франции энергия государственного министра Кольбера дала толчок развитию страны и привела к крупным успехам французской промышленности. Кольбер добивался развития во Франции всех видов производств, необходимых для ее нужд, создал множество казенных мануфактур, выписывал для них лучших мастеров из Голландии, Германии и Англии, и был убежден, что без этих «костылей» предприниматели не научатся сами ходить. Однако после смерти Кольбера промышленность стала приходить в упадок, финансовое положение государства с каждым годом стало ухудшаться. Сейчас экономическое и финансовое положение страны плачевно, государственная казна пуста. Это результат неверной экономической политики государства, проистекающей из незнания естественных законов развития. Но в прошлом году наконец герцог Шуазель провел необходимые реформы и удовлетворил главное требование естественного состояния хозяйства, требуемого физиократами: объявил полную свободу хлебного торга!

Тюрго торжествующе оглядел присутствующих. Все знали,

что именно Тюрго немало способствовал принятию королевского эдикта, разрешающего свободную торговлю хлебом во Франции.

– Русская Императрица Екатерина II после своего восшествия на престол тоже отменила государственную хлебную монополию и ввела свободу хлебного торга, – заметил Дмитрий Голицын, внимательно слушавший Тюрго.

Ученый князь Дмитрий Голицын увлекался теориями физиократов, которые казались ему приемлемыми и для России.

Как только заговорили о России, в центре внимания сразу оказался Дидро. Энциклопедия дошла до буквы «R», и в очередном ее томе была опубликована статья де Жокура о России.

Дидро стал охотно рассказывать:

– Экономическое положение России не блестяще, и во многом в этом повинна крепостная система земледелия…

Князь Голицын посчитал нужным вмешаться и мягко перебил Дидро:

– Позвольте мне дать некоторые пояснения. Крепостное право в России сложилось в XIV веке, когда после смерти царя Ивана Васильевича сын его, Федор Иванович, прикрепил крестьян к той земле, которую они обрабатывали. Крепостное право заключается в том, что крестьянин обязан выполнять повинность в пользу господина: обрабатывать свою и барскую землю, отбывая барщину и оброк в деньгах или продуктами. По старинным указам Ивана Грозного, дворянское сословие, как и крепостные крестьяне, тоже являлись собственностью государя, и само дворянство, как высшее правящее сословие в России, возникло на почве государевой службы. Тогда еще существовало различие между обязательной службой дворян и вольной службой бояр. Однако с тех пор, как отъезд в чужеземное государство стал считаться изменой, окончательно потерялась разница между боярами и дворянами. Когда численность придворного штата возросла и жить при дворе стало тесно, появилась поместная система: дворяне были размещены на государевой земле, которая передавалась им в пользование под условие службы. Дворянская служба была военной и обязательной. Но для того, чтобы отбывать ее, нужно было иметь средства. Поместная система решала и эти проблемы. И для помещиков, и для крестьян земля вплоть до второй половины прошлого века не являлась частной собственностью, а выделялась из казенных земель за службу и в любой момент могла быть отобрана в казну. Все дворяне с земель должны были служить службу, и даром землями никто не владел. Теперь государство уже не является верховным собственником земли, но земля распределена крайне неравномерно. Есть крепостные крестьяне, которые владеют землей. При барщине

земля делится на господскую и крестьянскую. Есть и государственные крепостные крестьяне, которые служат царю. При Петре I ранее не закрепощенное земледельческое население – черносошные крестьяне Северного Поморья, сибирские пашенные крестьяне, крестьяне нерусских народностей Поволжья, Приуралья, Правобережной Украины, Крыма, Закавказья, Польши, Белоруссии, украинские казаки и крестьяне бывших церковных владений, которые были лично свободными, владели казенной землей и вносили в государственную казну денежный оброк, – было роздано помещикам, его приписывали к заводам, и оно становилось тоже крепостным. Причиной тому было массовое лихоимство в государственных имениях и притеснения крестьян со стороны губернаторов и чиновников. Помещики стали посредниками между ними.

– Какова бы ни была предыстория, крепостное право – разновидность античного рабства, хотя и более прогрессивное, – осуждающе заметил Адам Смит. – Крепостная система мешает развитию сельского хозяйства, так как крепостные крестьяне не имеют права владеть собственностью. Подати крестьян мешают накапливать средства в руках крестьян, что равносильно полному запрету вложить их в землю. Строительство и содержание замков лишает дворянина капиталов, необходимых для улучшения агрикультуры. Помещик привык расходовать деньги без пользы. Лишь торговля и промышленность ведут к установлению порядка. Крепостная система тормозит развитие земледелия. Отнимите у труда его внутренние импульсы, и вы превратите его в каторгу. Крестьянин не заинтересован работать хорошо, ведь сколько бы он ни работал, ему все равно оставляют лишь минимум средств существования. Должна быть хотя бы твердо установленная квота податей, твердый налог, чтобы крестьянину было выгодно производить сверх него. Но любая крепостная система – барщинная или оброчная – хуже вольнонаемного труда. Для обеспечения прогресса крепостное право в России необходимо уничтожить. Но лишить поместное дворянство земли – значит лишить его власти. Ни один разумный монарх не решится на такой шаг. Другое дело – освобождение крестьян от крепостной зависимости и превращение их в наемных работников. Сами помещики должны понять, что содержание крепостных для них в убыток. Гораздо выгоднее сдавать землю в аренду свободным крестьянам. По крайней мере тогда они получат возможность использовать самых трудоспособных и избавиться от содержания ленивых и неспособных. Ведь для многих рабство – лишь удобный способ существования. Нужно дать им свободу…

– …Чтобы снять с себя ответственность за них, – не

удержался от иронического замечания Луи, который до сих пор молча слушал диалог гостей. – Следовательно, свобода будет дана вовсе не работнику, а его господину. Воистину все изобретения в области создания политических обществ рассчитаны лишь на то, чтобы еще больше закабалить труженика, создавая все новые удобства для того, на кого он работает. Старые системы умирают лишь тогда, когда сами угнетатели сочтут их невыгодными для себя. Вся ваша наука направлена только на то, чтобы заставить труженика работать больше, а заплатить ему поменьше, загнать в клетку, поставить в такие условия, чтобы он не имел никакой отдушины. Почему же такую систему вы называете свободной и чем она лучше прямого принуждения? Ведь восхваляемая вами конкуренция – это тоже насилие. И голод, который гонит работника продавать себя хозяину, разве не гораздо хуже плетки?

Адам Смит упрямо склонил голову.

– Я говорю о всеобщем благе. Лишь свободные и самостоятельные индивиды, преследующие свои своекорыстные интересы, самим естественным порядком, невидимой рукой направляют развитие ко всеобщему благу. Такая система обеспечивает наилучшее распределение ресурсов, гармонию интересов, свободу личности и в наибольшей степени соответствует совмещению интересов человека и общества. Человек, руководимый эгоистическими побуждениями и преследующий лишь свой интерес, на деле помогает всем прочим и увеличивает тем самым богатство нации, и пока еще никто не нашел двигателя общественного прогресса лучшего, чем корысть.

– Однако вы не совсем последовательны, – вступил в разговор пожилой священник, до сих пор молча сидевший в углу. – Мне помнится, год назад, когда мы с вами познакомились во время вашего путешествия по Франции, вы много говорили о чувстве симпатии, движущем человеческими поступками. Именно ему было посвящено ваше первое сочинение, в котором вы излагали теорию нравственных чувств. Система, о которой вы сейчас говорите, – это нечто совсем противоположное, она развивает эгоизм и убивает человеколюбие. Она культивирует зло и возводит на пьедестал самые низменные чувства и инстинкты. Личная алчность, эгоизм, стяжательство, погоня за наживой – ее движущие силы. Вы хотите построить человеческое общество на его пороках. Но это путь ложный и противоестественный он противен христианству, ставящему своей целью совершенствование человека.

Это был аббат Морелле, известный своими трудами о некоем коммунистическом обществе, в котором все граждане должны

быть уравнены в правах и имуществе.

– Почему бы не обратиться к лучшему в человеке, – продолжал аббат Морелле. – Конечно, человеку присущ и эгоизм, однако и альтруизм ему тоже присущ и воспитуем. Даже у животных есть общественные чувства. У человека несомненно есть потребность в общении и уважении со стороны ближних. Общество может разбудить и эксплуатировать низменные инстинкты и страсти, но строить человеческое общество на страхе или алчности – это значит строить на песке. Что может быть опаснее для общества, чем система конкурентной борьбы, где каждый стремится уничтожить и разорить конкурента, в которой могут выстоять лишь самые безжалостные и нечестные, и другими они быть не смогут, так как должны будут принять жестокие условия конкуренции. Наилучшее человеческое устройство – то, которое строится на человеколюбии, присущем каждому человеку. В центре его должен стоять человек-христианин. Все, что мешает проявиться чувству христианского человеколюбия, должно быть устранено. Именно такими были первые христианский общины, которые вовсе не стремились к богатству. Ибо менее всего польза общества заключается в богатстве. Обладая большим количеством вещей, люди духовно нищают, ибо тратят свою бесценную жизнь не на совершенствование своей души, а на приобретение все большего количества ничтожных и подверженных тлению вещей. Разве ради этого пришел Иисус в мир? Вы считаете, что зависть и эгоизм есть та сила, которая, желая зла, творит добро и умножает благосостояние общества? Но на самом деле она уменьшает это благосостояние, так как увеличивает пропасть между богатством и бедностью, ведет к революциям и междоусобным войнам. Закон, который вы называете естественным, породит лишь неравенство и несправедливое распределение благ. Легко соблазнить людей возможностью разбогатеть за счет других, но ведь разбогатеют-то в конечном счете лишь единицы!

Рано или поздно в обществе появятся сильнейшие, которые подчинят себе других, и само государство подпадет под власть сильнейших и начнет действовать в их интересах. С увеличением своих капиталов они получат силу, позволяющую им присваивать чужой труд, навязывать другим невыгодный обмен. В своем стремлении обогатиться они быстро доведут слабейших до крайней нищеты. Но можно ли считать богатой страну, в которой процветает кучка богатеев, зато есть нищие и обездоленные? Но и сами собственники скоро поймут, что для них гораздо выгоднее передать свою собственность обществу, чем подвергаться постоянному риску разорения и быть объектом опасной

враждебности со стороны тех, кто на них работает. Труженики же, лишенные собственности, будут с гораздо большим энтузиазмом трудиться на государство, чем на хозяина. Человек так устроен, что скорее согласится стать наемным работником у общества, чем у отдельной личности. Это и есть естественный путь. Стремление к богатству безнравственно. Добродетельный человек не может чувствовать себя хорошо, когда видит рядом тех, кто беднее его. Лишь коммунистический принцип общности имуществ и общественного распределения труда соответствует естественному закону, который состоит в равенстве всех людей перед Богом. Никакое законодательство не улучшит жизнь общества и не искоренит людские пороки, если не будет уничтожена собственность. В основе наилучшего общественного устройства должны лежать отмена собственности, общее владение всеми благами и обязательный для всех труд. Должны быть введены обязанность каждого человека трудиться сообразно своим силам, способностям и возрасту, и право каждого получать от общества содержание за свой труд. Каждый ребенок должен получать образование за счет государства, а старики и инвалиды – содержаться за счет общества. Познание людьми естественных законов – кодекса своей природы – и просвещение будут способствовать осуществлению этого устройства. Чувство собственности не является врожденным, и каждого человека можно воспитать так, что он не будет к ней стремиться, а будет трудиться на благо общества.

– Но общество, о котором вы говорите, – это утопия! – воскликнул Дидро. – Право собственности – это сознание того, что то, что сделано человеком, принадлежит ему и никто не имеет права принудить его силой отдавать другим продукты своего труда. Вы полагаете, что путем воспитания и просвещения можно превратить волков в овец? Вы идеалист, если считаете, что человек может сам, по собственному побуждению, трудиться на благо ближних. Человека может заставить работать или эгоизм, или насилие. Кто же захочет работать в таком обществе и, самое главное, кто станет стеречь общественное достояние?

– Значит, вы считаете, что у человека совсем нет совести? – спросил Морелле.

– Не знаю, – проговорил Дидро, – возможно, люди делятся на тех, у кого она есть, и тех, у кого ее нет, но каждый будет стремиться получить от общества больше, чем дает ему сам. Такое общество рано или поздно прекратит свое существование: оно или погибнет от собственного воровства, или те государства, которые построят свое благосостояние на личном интересе и конкуренции, превзойдут и в конце концов поглотят его,

поскольку уравнительность будет препятствовать развитию страны. Что пользы в равномерном распределении благ, если перестанет увеличиваться общее богатство?

Адам Смит заговорил после некоторого раздумья:

– Величайший гений человечества Ньютон представлял мир как механическую систему, которая стремится к равновесию. Он считал, что суть машины мира – силы тяготения и центробежная. Природа вытекает из двух больших законов – притяжения и отторжения. Система мира, предложенная Ньютоном, универсальна. Еще в юности, когда я зачитывался трактатом своего учителя Давида Юма «О человеческой природе», у меня возник грандиозный замысел о создании совершенной социальной системы. Природа заронила в нашу душу не только эгоизм, но и чувство симпатии, способное побеждать сильнейшие стремления себялюбия: более могучая сила, более мощные побудительные мотивы действуют в подобных случаях, заставляя жертвовать своими личными интересами ради интересов других людей.

Этой силой является разум, наша совесть, наш собственный зритель в нашей душе, человек внутри нас, великий судья и ценитель нашего поведения. Я не знаю, почему одни чувства вызывают у людей одобрение, а другие – порицание, почему действия одного рода вызывают чувство благодарности, а другие – чувство мести, какая сила или какая способность души заставляет нас отдавать предпочтение тому или иному поведению, называть одно правильным, другое – порочным, рассматривать одно как предмет одобрения, уважения и награждения, а другое – как предмет порицания, неодобрения и наказания. Система, полагающая добродетель в повиновении божественной воле, может быть отнесена к числу систем, полагающих ее в благоразумии, правда неосознанном, так как эти законы не очевидны и могут быть доказаны только опытом, а не логикой. Но так как причину существования этих законов по существу человек постичь не может, он вынужден многое принимать как данность. Примером может служить закон тяготения Ньютона: причина тяготения неизвестна, но эти общие эффекты для нас – законы природы, которые мы признаем понятиями истинными. Добродетель есть истинное благоразумие, умеренность, состоящая в воздержании от удовольствий, в подавлении и уменьшении нашей естественной склонности к ним, вытекает из ее полезности, ибо она доставляет нам возможность оказаться от удовольствия настоящей минуты ради того, чтобы испытать более сильное в будущем или чтобы избежать большего страдания, которое может быть избегнуто при

воздержании. Приложение этой основной мысли к различным чувствам и страстям составляет главное содержание теории нравственных чувств. Таким образом, моя первая книга «Теория нравственных чувств» была посвящена исключительно началам бескорыстия. В ней я стал на точку зрения бескорыстия, исключающего всякие другие мотивы деятельности, и показал, каким образом человек, руководствуясь бескорыстием, устраивает и свою жизнь, и жизнь других людей к общему благополучию. Но другую свою книгу я хочу посвятить началам личной выгоды. В своей новой книге я хочу встать на точку зрения корысти, исключая всякие бескорыстные мотивы, и показать, каким образом человек, руководствуясь исключительно личной пользой, содействует общему благополучию. Но в действительности люди не руководствуются ни исключительно бескорыстием, ни исключительно корыстными мотивами. Человек слишком сложное явление, чтобы его можно было втиснуть в определенные рамки. Главная задача состоит в том, чтобы связать два противоположных стремления в единое целое, объединить эти два начала каким-то общим принципом, но как решить эту задачу, мне пока не ясно.

Адаму Смиту так и не суждено было осуществить поставленную цель. Через десять лет, после возвращения в Англию в 1776 году вышла его знаменитая книга «О богатстве народов». Она имела неслыханный успех и стала руководством для всех выдающихся государственных деятелей того времени. Еще при жизни Адама Смита она выдержала пять английских и несколько заграничных изданий и переводов. Всех поражало, что человек, столь далекий от практической деятельности, всю жизнь погруженный в отвлеченные занятия, мог создать такое конкретное руководство для предпринимателей и политиков и предсказать так точно все последующее развитие. Однако многие считали, что Смит лишь понятным языком пересказал то, что до него было сказано другими, создал теорию, лишь объяснившую ход событий, но вовсе не предлагавшую нечто более совершенное. Были и такие, которые намекали, что за его спиной стоял Давид Юм, который и был истинным автором сочинения. Так это было или иначе, но после смерти Юма Адам Смит не написал больше ничего значительного, так и не реализовав свой грандиозный замысел – дать миру совершенную социальную систему. Он незаметно закончил свои дни скромным таможенным чиновником, место которого исхлопотал ему герцог Бёкль, и в 1790 году в возрасте 67 лет тихо умер, так и оставшись до конца жизни холостяком. Перед смертью он попросил уничтожить все свои архивы.

Но в середине 60-х годов Адам Смит еще был полон самых смелых мечтаний и верил в неограниченные возможности разума.

Желая примирить спорщиков, князь Голицын попытался обратить все в шутку:

– Пожалуй, аббату Морелле нужно было бы принять православную веру. Из всех течений христианского вероучения православие, пожалуй, более других склонно возводить бедность на пьедестал.

Присутствующие оживились. Совсем недавно в Салоне была выставлена картина Жана Батиста Лепренса «Русские крестины», изображавшая обряд православного крещения, Лепренс несколько лет прожил в России в конце царствования Елизаветы Петровны. Вернувшись в Париж, он стал выставлять в Салоне свои русские сцены. Несколько сезонов в Париже даже держалась «русская мода» по рисункам Лепренса, пропагандировавшего во Франции новый вид экзотики.

– О, если бы я был молод и свободен, то тоже не устоял бы перед искушением своими глазами посмотреть эту страну! – мечтательно воскликнул Дидро.

– У императрицы Екатерины II большой план преобразований, – сказал Дмитрий Голицын. – Она большая поклонница Монтескье и Вольтера. Труды Вольтера сейчас весьма популярны в России. Можно сказать, что благодаря Екатерине II началась эпоха русского вольтерьянства. Слыть вольтерьянцами хотят едва ли не все грамотные дворяне как в столице, так и в глухой провинции.

– Я слыхал, что книга Вольтера «История Российской империи в царствование Петра Великого» имеет большой успех в России, – заметил Дидро. – Я полностью разделяю восторг Вольтера в отношении Петра I как великого преобразователя России и считаю его во многих отношениях образцовым и подлинно великим государственным деятелем.

– Да, это так, – подтвердил князь. – Личность и историческая роль Петра Великого волнуют многих, но вы заблуждаетесь, если считаете, что все в России в восторге от его деяний. Господин Вольтер в своем сочинении позволил моим соотечественникам со стороны оценить многотрудный подвиг Петра на пользу России. Воистину нет пророка в своем отечестве. После смерти императрицы Елизаветы многие русские дворяне стали критически оценивать деятельность Петра Великого. Они считают, что вовсе не обязательно было императору самому работать топором на верфи и посылать учиться этому за границей детей крепостных, и вообще не было никакой необходимости создавать с такими усилиями военный флот – можно было бы и

не воевать со шведами или выиграть войну меньшей кровью. Да и заслуги-то самого Петра, считают, не было в военных победах – ведь воевал больше народ, чем царь. Многие с таким знанием разбирают военные операции, проведенные Петром, что, без сомнения, если бы они были на его месте, то, безусловно, выиграли бы все сражения гораздо лучше и быстрее, – саркастически улыбаясь, завершил князь и добавил:

– Во всяком случае императрица решила раз и навсегда прекратить всякие разговоры, подбадривающие тех, кто порочит имя Петра Великого. Она решила увековечить его деяния и поручила подыскать во Франции скульптора, достойного создать памятник во славу Петра I. Она приняла такое решение вопреки мнению тех придворных, которые хотели прежде воздвигнуть памятник самой императрице.

Фальконе уже ничего не слышал. Слабый лучик, освещавший в его памяти образ Петра Великого, вдруг вспыхнул ярким светом. Озарение пришло мгновенно. На белой скатерти стола быстрыми, решительными движениями руки он набросал скачущего галопом коня, поднятого на дыбы могучей рукой всадника на самом краю горного утеса, вздымающегося, подобно высокому гребню волны.

Дидро заглянул за плечо друга, и в глазах его зажегся тот особый огонек, который появлялся, когда ему удавалось поймать какую-то необыкновенную мысль. Он подвел к рисунку князя Голицына.

– Вы уже нашли то, что искали, – торжественно сказал он. – Поразительно, что судьба сама привела к вам сегодня этого человека. Я никогда не предполагал, что Фальконе может совместить и образ деликатного Пигмалиона, и поразительный облик Петра, прелестную идиллию и отрывок великой эпической поэмы. До сегодняшнего дня я считал Фальконе художником миниатюрных изящных фигур, но теперь я вижу, что только он сможет стать творцом памятника, заказанного русской императрицей!

– Я давно мечтал о монументе, в котором мог бы воплотить большую идею, – взволнованно сказал Фальконе. – Всадник на вздыбленном коне, взлетевший на вершину горы, – это образ гения, преобразователя страны, обладающего могучей волей, преодолевшего самые ужасные трудности, косность, невежество и дикость. Это символ эпохи государственных преобразований и блестящих побед России, восходящей по кручам истории.

Расходились далеко за полночь. Луи провожал Фальконе почти до самого дома.

– Я готов хоть завтра ехать в Россию, но со мной должна поехать и моя помощница Мари Анн Колло, – неожиданно сказал

скульптор.

– Это опасно! – Луи остановился, с тревогой глядя на Фальконе. – Впрочем, от соблазнов все равно не уйти. Чем воздержаннее муж, тем изощреннее соблазны. Пусть Колло едет с вами, но никогда не забывайте о Святом Роке! – напутствовал его на прощанье Луи.

Условие, которое поставил Фальконе князю Голицыну, вначале несколько озадачило того, но когда Колло исполнила его собственный бюст, заказанный им в качестве испытания, все его сомнения рассеялись: Колло, без сомнения, была необыкновенно талантливым скульптором-портретистом. Но сама Колло долго раздумывала и не решалась принять предложение о поездке в Россию. В конце концов, князь Голицын убедил ее, и она согласилась последовать за своим учителем в далекую неведомую страну.

Договор с Фальконе был заключен на восемь лет работы в России на очень выгодных условиях. По контракту скульптору назначался ежегодный гонорар в двадцать пять тысяч франков. В том случае, если работа будет выполнена раньше, все равно должны быть выплачены сполна 200 тысяч франков. Если бы по болезни или другой непредвиденной случайности работа затянулась более восьмилетнего срока, оплата предусматривалась в зависимости от решения императрицы, при сохранении права жить на казенной квартире.

Вскоре контракт был утвержден императрицей Екатериной II, и Фальконе с Колло стали собираться в путь.

12 сентября 1766 года шхуна «L'Aventurier», направляющаяся прямым рейсом в Россию, готовилась к отплытию. На пристани стоял Фальконе, ожидая, пока последние грузы не будут внесены на корабль: вместе со скульптурами, которые вез с собой Фальконе в подарок Санкт-Петербургской Академии художеств, князь Голицын отправлял приобретенные им во Франции живописные полотна для коллекции императрицы. Среди них была картина Грёза «Паралитик».

Рядом с Фальконе стоял Луи. Провожая картину глазами, он сказал:

– Я рад, что у вас все складывается хорошо. Кто знает, чего вы избежали на этот раз. Никто не знает, что ждет вас впереди. Но помните, что все зависит только от вас. Помните и никогда не забывайте о Святом Роке!

Роман с императрицей

15 октября 1766 года корабль прибыл в Россию. В Риге гостей встретил капитан Ласкари – доверенное лицо и адъютант генерал-поручика Бецкого, которому при Екатерине II была вверена Академия художеств. 60-летний Иван Иванович Бецкой был незаконным сыном фельдмаршала Трубецкого, плененного во время Северной войны со Швецией, и был рожден одной шведской дамой из высшего света, с которой тот сошелся во время плена. После окончания Северной войны Трубецкой вернулся в Россию, а его внебрачный сын под фамилией Бецкой – так в России сокращали первый слог фамилии внебрачных детей, – проведя молодость в путешествиях и дипломатической службе, дослужился до генеральского чина. Сводной сестрой Бецкого была принцесса Анастасия Гессен-Гомбургская, урожденная Трубецкая – во втором браке жена придворного из голштинского дома, ландграфа Гессен-Гомбургского. Благодаря голштинскому родству, Бецкой почитался за близкого человека у матери Екатерины II, урожденной Голштинской, еще до приезда будущей императрицы в Россию был в почете и у императора Петра III, при котором он был назначен главным директором Канцелярии строений.

Адъютант Бецкого капитан Ласкари оказался греком по происхождению, бежавшим из Греции, находившейся под турецким владычеством. В России он появился, как и сотни тысяч его соотечественников, спасавшихся на протяжении столетий от османского ига.

«Эллины начали селиться в России очень давно, греческие колонии существовали здесь со времен походов Александра Македонского, – рассказывал Ласкари дорогой, стараясь развлечь утомленных путников. Пожалуй, истинных эллинов теперь больше в России и во Франции, чем в самой Греции. Да-да, не удивляйтесь, – подтвердил он, заметив удивление Фальконе, – французы – прямые потомки эллинов, и они более эллины, чем нынешние жители Греции, большинство которых растворилось в завоевателях. Вот ваше лицо, – Ласкари пристально взглянул на Фальконе, – это лицо Сократа, хотя вы, вероятно, не считаете себя эллином. А теперь взгляните на лицо любого славянина и сравните его с чертами выходца из Греции, и вы увидите, что корни славянской расы уходят в эллинизм. Мне неизвестно, каким образом это произошло, но я уверен, что когда-нибудь ученые докажут это. Поэтому не считайте себя здесь чужестранцем».

Встреча с Ласкари была хорошим предзнаменованием. В дальнейшем этот человек много помогал Фальконе в его работе над памятником, став его верным другом и помощником.

В Петербурге приезд французов прошел незаметно. Императрицы в это время не было в столице, она находилась в Москве. Генерал Бецкой сопровождал ее, но сделал все необходимые распоряжения и прислал на первоначальные расходы 10 тысяч рублей. Фальконе встретился с этим вельможей позднее, когда тот вернулся в Петербург. Весь его вид, важный и надменный, чем-то неуловимо напомнил ему льва в «Милоне Кротонском». Скульптор даже улыбнулся про себя, отметив это комическое сходство. Прием, оказанный Бецким, был очень любезным, и Фальконе в знак дружбы и признательности подарил ему одну из привезенных скульптур. Ничто не предвещало предстоящей схватки.

Все складывалось как нельзя лучше. Фальконе поселили в доме одного обрусевшего французского купца. Сразу же началось строительство мастерской. По письменному ходатайству императрицы Академия художеств в Санкт-Петербурге на своем чрезвычайном собрании приняла Фальконе и Дидро своими почетными членами, а 18-летняя Мария Колло была удостоена за свои работы звания академика. Колло получала много заказов. Конечно, она мечтала о портрете самой императрицы, но на первых порах Бецкой заказал ей бюст своей побочной дочери Анастасии Соколовой. Григорий Орлов заказал Колло свой барельеф.

Фальконе вначале трудился над малой моделью памятника. Спустя полгода он вплотную приступил к основной модели в натуральную величину. Фигура коня волновала его больше всего. Он решил делать ее по живой модели. Фальконе тщательно подбирал натуру для изваяния коня. Из всех лошадей он выбрал русскую породу, выведенную в конюшнях графа Алексея Орлова. Из пяти братьев Орловых Алексей больше всех увлекался лошадьми. Лошади были его страстью. Конный завод графа Орлова был одним из самых крупных в Европе. Он свел Фальконе с военным кавалеристом генералом Мелиссино, брат которого после Ивана Шувалова стал куратором Московского университета. Предки братьев Мелиссино были выходцами из Венеции и приехали в Россию при Петре I. Множество раз генерал Мелиссино демонстрировал скачку верхом на орловском рысаке, беря на полном скаку земляную насыпь.

Вскоре после приезда Фальконе доставили письмо. «Его высокородию господину Фальконету», – было написано на конверте. «Ха, – усмехнулся Фальконе, – это как раз по мне,

родившемуся на чердаке!» Распечатав конверт, он пробежал глазами первые строчки письма. «Угадайте, кто Вам пишет… – писала неизвестная корреспондентка. – Если догадаетесь и будете отвечать, то не стесняйтесь никакими формальностями, не удлиняйте строк эпитетами, – Вы их видели в письмах господина Д'Аламбера. Меня очень занимает Ваша работа. Одним глазом я смотрю за делами, другим я отсюда всматриваюсь в того умного зверя, который занимает середину Вашей мастерской, и ужасно боюсь, чтобы Вы не дали ему слишком много мозгу…» Первое письмо императрицы было коротким. Фальконе тут же уселся за ответ. «Дидро уверял, что мой конь мне не удастся. Моя лошадь не более как животное, но из всех, ей подобных, ей надлежит быть самой умной», – писал он.

С тех пор у Фальконе с Екатериной II завязалась оживленная переписка, которая не могла не стать предметом ревности ее приближенных. Конь Петра Великого стал первым яблоком раздора между Фальконе и генералом Бецким. Бецкой был уязвлен тем, что Фальконе решает все вопросы с императрицей сам, а не через него, всесильного министра. Так или иначе, но Бецкой стал вмешиваться в работу скульптора и требовать, чтобы тот изменил в модели фигуру лошади. В качестве образца он представил лошадь в скульптурном изображении римского императора Марка Аврелия, отлитом во втором веке нашей эры и установленном в прошлом веке по проекту Микельанджело на площади Капитолия в Риме. Под именем барона Билиштейна Бецкой представил в сенат свой собственный проект памятника Петру I, видимо, рассчитывая, что Фальконе будет простым исполнителем его идей, повторяющих известные монументы, в том числе статую Людовика XV работы Бушардона.

Фальконе решительно отверг притязания Бецкого и его советы следовать в композиции тому типу коня, который изображен в монументе Марка Аврелия и в конной статуе работы Бушардона: «Кони, на которых восседают римские цезари и кондотьеры, не обладают тем значением, которым наделен конь Петра. Они пассивно покорны оседлавшему их человеку. Их назначение в композиции монумента – поднять фигуру героя, придать ему царственное или рыцарское величие. У Петра совсем другой конь. Петр неотделим от коня, раздельное существование их невозможно. Мой конь обладает такой же статью и волевой силой, что и сидящий на нем могучий всадник». Замена обычного седла шкурой и отсутствие стремян должны были по идее Фальконе усиливать эту слитность коня и всадника. Медвежья шкура, служащая седлом, символизировала нацию, которую он цивилизовал.

Бецкой продолжал настаивать на своем. Это окончательно вывело Фальконе из терпения. «Вы как будто думаете, милостивый государь, – писал он Бецкому, – что скульптор лишен способности мыслить и что руки его могут действовать только с помощью чужой головы, а не собственной. Так узнайте, что художник является творцом своего произведения. Давайте ему советы, он их выслушивает потому, что в самой умной голове всегда достаточно места, чтобы поместить заблуждение». Изучив слепок с конной статуи Марка Аврелия, Фальконе нашел, что она сделана с нарушением правил оптики. Он заявил, что в этой статуе нет ни грации, ни хороших пропорций, ни правильного движения, ни красоты форм. Фальконе отмечал, что голова лошади холодна, жестка и невыразительна, а положение ног совершенно неправильно. «Идущий конь никогда не поднимает переднюю ногу до горизонтального положения, как это сделано в римском памятнике, – объяснял он. – В подобной позе конь не сможет сделать ни одного шага, так как движения всех его ног не соответствуют друг другу. По размерам и движениям ног лошадь эта бежала бы задними ногами, не двигаясь с места передними».

Приговор, вынесенный Фальконе статуе Марка Аврелия, вызвал страшное раздражение Бецкого, усмотревшего в этом нахальство и самонадеянность посредственного скульптора, критикующего гениальные творения древности. При этом он ссылался на противоположный отзыв о статуе Марка Аврелия, высказанный Винкельманом в его «Истории искусств». Фальконе пришлось обращаться за поддержкой к императрице: «Бецкой рекомендует мне взять за образец статую Марка Аврелия. Задача заключается в том, чтобы подражать этой статуе или хулить ее, и, следовательно, дурное ее исполнение не должно нас останавливать. Но статуя Марка Аврелия приличествует Марку Аврелию, и чья-либо другая статуя должна приличествовать другому. Различные портреты должны между собой иметь столь же мало сходства, как и различные физиономии, ими изображаемые, то же должно иметь место между статуями героев. К тому же древние не в такой мере над нами превосходны, чтобы и нам не оставалось еще кое-что сделать…»

«Послушайте, бросьте вы статую Марка Аврелия и плохие рассуждения людей, не смыслящих никакого толку, идите своей дорогой, вы сделаете во сто раз лучше, слушаясь своего упрямства, чем обращая слишком много внимания на неуместные рассуждения», – отвечала Екатерина. Императрица встала на сторону Фальконе, но отношения с Бецким, к которому с опаской относилась сама императрица, были окончательно испорчены. Бецкой был старый и опытный придворный интриган, ссориться с

которым было опасно.

Подобострастный и невозмутимый, как Сфинкс, беспрекословно исполняющий все распоряжения императрицы, он в то же время имел над ней какую-то непонятную власть. Некоторые утверждали, что он был близко знаком с ее матерью еще во время пребывания за границей и императрица Екатерина II вполне может быть его внебрачной дочерью. Во всяком случае у матери Екатерины были весьма доверительные отношения с Бецким, когда она какое-то время вместе с дочерью жила при дворе Елизаветы. Затем за участие в каких-то интригах та отослала ее на родину. Ходили слухи, что Бецкой усыновил Алексея Бобринского, который якобы был внебрачным сыном Екатерины II и Григория Орлова.

Никто не знал какое участие Бецкой принимал в подготовке июньского переворота 1762 года, возведшего Екатерину на престол. Пока исход дела был неясен, он отделывался от заговорщиков лишь пожеланиями успеха, но зато первым явился к новой императрице за наградой, уверяя, что именно он являлся главной пружиной заговора. Екатерина была прекрасно осведомлена о его ничтожной роли в заговоре, и, шутя, как бы в подтверждение того, что именно ему она обязана троном, поручила ему заказать корону для ее коронации.

Однако отделаться от Бецкого было не так-то просто. Он требовал себе все новых и новых должностей, не удовольствовавшись тем, что императрица вверила ему в попечение институт благородных девиц при Смольном монастыре и Московский воспитательный дом для незаконнорожденных детей, видимо, полагая, что здесь, помня свое происхождение, он сможет принести менее всего вреда. Чтобы генерал Бецкой не обиделся, пришлось удалить на покой графа Шувалова, основателя Академии художеств, и президентом ее сделать генерала Бецкого.

Екатерина, зная, как мало от него проку в серьезных делах, и в то же время опасаясь его подлости, старалась давать ему поручения почетные, но не очень ответственные. Злопамятный и мстительный, Бецкой имел большое влияние при дворе, но никогда не использовал его для того, чтобы кому-то помочь, а всегда только чтобы навредить.

Алексей Орлов предостерегал Фальконе: «Семейство Трубецких вообще очень знатное и имеет большие связи, а кроме того, Бецкой – тайный масон, и даже какой-то начальник в их масонской секте». Фальконе усомнился: «Можно ли сохранить в тайне то, что известно такому большому количеству людей с самых давних времен? Я читал о масонах у Плиния. Впрочем, о

них сообщал еще Геродот. Считается, что в масонских ложах воспитывается высшая каста людей, способных обладать властью, для подготовки господства над непосвященными профанами; в ложах их учат уметь использовать чужие слабости и страсти, чтобы повести профанов туда, куда им требуется». «Разумеется, ни для кого это не секрет – у нас в Петербурге все лакеи болтают о том, что делается в их масонских ложах, но ведь все масоны – враги христианской веры и слуги нечистого», – недовольно проворчал Орлов. Братья Орловы терпеть не могли Бецкого и вообще очень подозрительно относились к тем, кого подозревали в масонстве.

Отношения Фальконе с Бецким особенно накалились после того, как скульптор решил участвовать в создании проекта памятника императрице. Дворянство Московской губернии еще в 1766 году задумало воздвигнуть памятник Екатерине II. Вновь появился барон Билиштейн, который составил по этому предмету шесть проектов с подробным описанием тех местностей, которые он предлагает для монумента, и устройства вокруг Екатерининской площади. Фальконе, не зная, что под именем барона Билиштейна скрывается сам Бецкой, тоже решил предложить свой проект. Фальконе сделал два эскиза: первый – изображавший Екатерину II, поддерживающую потерявшую равновесие и пошатнувшуюся Россию, и второй – представлявший императрицу, указывающую своим скипетром на новый свод законов. Скульптору больше нравился второй эскиз, о котором он написал Екатерине: «Я сделал эскиз памятника императрицы, дающей законы своей империи, чтобы дать своим подданным средство быть счастливее. Я не покажу его никому, пока Вы его не посмотрите».

Императрица обошла этот вопрос молчанием. Сооружение собственного монумента в то время не входило в ее планы. Тогда Фальконе написал Бецкому, что желал бы работать над памятником Екатерине II без всякого вознаграждения. Бецкой ответил на это что-то невразумительное и ядовитое, вроде того, что Фальконе это очень ловко придумал. Получив письмо Бецкого, скульптор в сердцах разбил модель. Колло поздно заметила осколки и обиженное лицо учителя. «Плохая примета», – огорченно сказала она.

Колло оказалась права. Интеллектуальный роман Фальконе с императрицей был обречен с самого начала.

С бароном Билиштейном Фальконе пришлось столкнуться еще раз при выборе места установки памятника Петру I, на которое был объявлен конкурс. Бецкому, по-видимому, по-прежнему не давали покоя лавры созидателя памятника, потому

что он тоже решил анонимно принять участие в конкурсе. Фальконе, все еще не подозревая, кто скрывается под именем Билиштейна, едко высмеял в своем письме к императрице предложенный им проект.

Фальконе сам выбрал точку расположения памятника, которая была затем подтверждена в проекте некоего Фельтена, также предложившего место на Английской набережной, на площади, открытой всем своим пространством на Неву и обладающей благодаря этому громадным полем зрения: и с противоположного берега, и с Петропавловской крепости, и с отдаленной перспективы Васильевского острова. Считалось, что именно с этого места началось строительство Санкт-Петербурга.

После одобрения первоначального эскиза Фальконе вплотную приступил к большой модели памятника. Он готовился к этому с чрезвычайной ответственностью. «Скульптор в противовес живописцу редко имеет возможность изменить или исправить свою работу позднейшими корректурами, – говорил он. – Точность в деталях для него поэтому необходима. Если он хорошо скомпоновал и выполнил свое произведение с одной стороны, то он сделал только одну часть своей работы, потому что его произведение имеет столько сторон, сколько точек зрения в окружающем его пространстве».

Скульптору вначале помогал Гордеев, один из самых способных учеников скульптурного класса Жилле в Академии художеств, но летом он уехал продолжать учебу во Франции. Фальконе рекомендовал его своему учителю Ле-Муаню.

Императрица постоянно интересовалась всеми деталями памятника Петру Великому. «Почему Вы ничего не говорите о его руке, которую он простирает над своим государством? – спрашивала она. – Граф Григорий Орлов находит, что эта рука представляет одну из самых трудных и щекотливых частей работы и что только Вы могли бы найти этой руке надлежащее выражение». «Говорят, что статуя еще в большом неглиже», – шутила она в другом письме, намекая на одеяние Петра Великого.

Одежда Петра была одним из важным атрибутов памятника, и она доставила немало хлопот Фальконе. До сих пор фигуры всех монархов изображались не иначе как в облачении римского цезаря. В этом одеянии скульптор Бернини изобразил также Людовика XIV, не смутившись сочетанием пышного парика «короля-солнце» с кирасой и тогой. Фальконе нашел совершенно иное решение. «Не в римский панцирь, не в греческую одежду, не в русский кафтан одел я своего героя. На нем одеяние всех времен и народов – словом, одеяние героическое. Это сочетание античной одежды и костюма русского простонародья, который

носят русские бурлаки», – писал он в своем письме к императрице.

В основе памятника, по мысли Фальконе, должна лежать высокая идея России и ее исторического призвания, победного восхождения на историческую вершину. Взлетевший на скалу и поднявшийся на дыбы конь и его всадник должны были показать возвышенный образ героического человека и народа-героя, его юной мощи и славы. Конь взлетел на скалу, он высоко поднял всадника над окружающим пространством. Это не дикое животное, а разумное существо, подвластное воле всадника. Всадник как бы на мгновение замер на вершине скалы и вместе с тем все еще находится в состоянии стремительного взлета. Он показан в преодолении препятствий, в победе над трудностями, уготованными ему природой и людьми. Увенчанная лаврами голова всадника озарена высоким светом высокой мысли. То, что восседающий на коне повелитель лишь препоясан мечом и не несет никакого другого вооружения, подчеркивает его гражданские доблести.

Свои взгляды на личность Петра Великого и воплощение темы абсолютизма Фальконе излагал императрице. «Я не сразу пришел к идее Петра Великого, – признавался он. – Самым сильным впечатлением в моей жизни было впечатление от Милона Версальского, и я воплотил его в мраморе, несмотря на то, что меня упрекали в подражательстве. Я долго работал в скульптурной мастерской королевской фарфоровой мануфактуры, где по рисункам Буше – придворного живописца короля – делал разные миниатюрные изображения. Эту мануфактуру опекала мадам Помпадур. Благодаря Вольтеру я был воодушевлен личностью Петра Великого, но лишь случай дал мне настоящую возможность. В памятнике я хочу представить не только исторический смысл его деятельности, но и характер героя, показать таким, каким его представлял Вольтер, – преобразователем и созидателем. Я верю в преобразующую силу разумного и деятельного руководителя и понимаю государственную власть как просвещенную и бдительную силу. Тема моего монумента – Россия и ее Преобразователь. Речь идет не о победителе Карла XII, а о России и ее Преобразователе. Это – Созидатель, Преобразователь, Законодатель. Это образ просвещенного монарха, дарующего своим подданным блага мудрых законов и полезных учреждений. Образ Петра – это образ монарха, мудрого политика и самодержавного деспота, человека, совершающего великие преобразования в стране и направляющего ее к прогрессу. Называя Петра Великого созидателем, преобразователем и законодателем, я основываюсь

на всеобщем мнении. Но я вовсе не думаю, что до него Россия была совсем варварской страной. Более чем за столетие до Петра I его путь был подготовлен Иваном Васильевичем Грозным. Чтобы возвеличить какого-либо монарха, не следует принижать нацию, этого вовсе не заслуживающую».

Фальконе подчеркивал неразрывную связь деятельности монарха-героя с историческими судьбами народа и страны. «Это национальный герой, воплощающий в своей личности Россию и ее прогресс». Величие всадника и выразительность его фигуры подчеркиваются властным, спокойным, умиротворяющим жестом протянутой правой руки, утверждающей его державную волю. Умиротворение людей и стихий, торжество победителей – все это должно быть выражено простым движением руки, но пластика этого движения играет важнейшую роль в образном содержании монумента.

Фальконе разъяснял императрице значение аллегорий. «Дидро предложил мне памятник в окружении аллегорий-добродетелей, которыми наделен герой. Я высказался Дидро против аллегорических фигур, олицетворяющих, но никак не выражающих те или иные общие идеи и понятия. Я люблю мысли простые, которые выражают часто более сложные, замысловатые идеи. Скульптура должна быть настолько ясной, чтобы как можно меньше затруднять комментаторов. Следовало бы уменьшить, а если можно, то совсем уничтожить эти человеческие фигуры, путающие дело, это убогое обилие, всегда изобличающее рутину и редко гений. Нужна ли аллегория? Выразите свой предмет эмблемами, имеющими общепринятый смысл, почерпните их в самом предмете, но не прибегайте к эмблемам, изображающим людей. Памятник не терпит многословных пояснений, подробных текстов, обилия эпитетов, которые способны лишь отвлечь от главного и призваны восполнить то, что было недосказано художником. Аллегория не должна быть банальна, герой должен сам в достаточной степени выражать мысль, с тем, чтобы не было нужды в разъяснениях всяких канцеляристов. Чем менее художник применяет средств, чтобы произвести впечатление, тем более он достоин его вызвать и тем охотнее поддается зритель впечатлению, которое стремились на него произвести. Именно благодаря простоте этих средств были созданы совершенные творения Греции, как бы для того, чтобы вечно служить образцами для художников. Я ограничусь только статуей героя, которого не рассматриваю ни как полководца, ни как победителя. Надо показать людям более прекрасный образ законодателя, благодетеля своей страны; он простирает свою десницу над объезжаемой им страной, он поднимается на верх скалы,

служащей пьедесталом, – это эмблема побежденных трудностей», – писал он императрице, спрашивая у нее совета и уверяя, что ее внимание и строгость заставляют его уже более двадцати раз начинать снова то, чем многие были довольны.

Екатерина отвечала на письма незамедлительно: «Извините, что письмо Ваше провалялось у меня несколько дней, отвлекли дела, а потом со мною сделался припадок лихорадки, во время которого я решила отвечать немедленно из страха отправиться на тот свет… Г-н Фальконет, я столько со дня на день откладывала отвечать Вам, столько нынешней весной переменила жилищ, что только сегодня утром отрыла в своих бумагах последнее письмо Ваше… Я думаю, что Вы исполните Ваш труд как можно лучше, но как Вы можете полагаться на мои мнения? Я не умею рисовать. Это, может быть, будет первая хорошая статуя, которую я увижу в своей жизни. Как же Вы можете довольствоваться таким ничтожным мнением? Всякий ученик больше моего имеет понятия в Вашем искусстве, к которому я испытываю неистовую страсть, страшно разорительную. На это уходит масса денег. Это такой же порок, как пьянство… Г-н Фальконет, Вы мой советчик в искусстве. Не говорите мне больше, что я строга, а главное, не останавливайтесь на моих замечаниях, так как я могу говорить неверно, продолжайте работать так, как Вы считаете нужным. Прощайте, г-н Фальконет, будьте здоровы и верьте, что я с нетерпением жду увидеть Вас и Вашу работу в Санкт-Петербурге».

С начала февраля 1767 года императрица выехала из Санкт-Петербурга в Москву, где через полгода должна была начать работу Комиссия по новому Уложению, призванная создать новый свод законов империи. К открытию работ комиссии Екатерина II подготовила специальный Наказ ее депутатам, в основу которого положила идеи Монтескье, Вольтера и других французских просветителей.

Из Москвы императрица отправилась еще дальше: перед началом работы Комиссии она хотела получше познакомиться с российской глубинкой, предприняв длительное путешествие по Волге с остановками во всех крупных прибрежных городах. В Казани и Симбирске она принимала депутации татар, желавших высказать ей свои пожелания. Во время поездки по Волге императрица организовала перевод романа Мармонтеля «Велизарий», посвященного воспитанию просвещенного монарха. Этот роман ей настоятельно рекомендовал Вольтер. Успеху романа в России косвенно способствовал также парижский архиепископ, который приостановил распространение во Франции этой книги, проповедующей веротерпимость. Запрет официальных французских властей всегда служил для Екатерины

самой лучшей рекомендацией. Она сама перевела одну из глав, которая была сокращена церковной цензурой Сорбонны, остальные перевели сопровождавшие ее братья Орловы и граф Чернышов.

Летом императрица вернулась в Москву, где 30 июля 1767 года открылась Комиссия по сочинению проекта нового Уложения законов Российской империи. В Москве собрались депутаты, избранные в Комиссию, представленные всеми сословиями, кроме крестьянского. Комиссия получила в виде напутствия Наказ, написанный императрицей. Деятельное участие в работе Комиссии приняли старший из братьев Орловых, Иван Григорьевич, и ближайший сподвижник императрицы Григорий Орлов, которого считали ее фаворитом. Работа Комиссии всколыхнуло все русское дворянство. Ходили упорные слухи о скорой отмене крепостного права в России и земельной реформе. Высшее сословие боялось лишиться своих земельных владений, да и крепостных крестьян тоже, – ведь богатство дворян во многом оценивалось количеством крепостных душ, которыми они владели. Поэтому дворянские депутаты были недовольны слишком вольными речами, которые произносились в Комиссии. «Да как же это можно – освободить крестьян? – удивлялись депутаты-дворяне. – Кто же тогда станет работать?» На это некто Алейников, депутат от казачества, во всеуслышание заявил: «Мы видим перед собой Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет и прекрасно кормит себя!»

Для участия в работе Комиссии и завершения работы над Наказом из Мартиники приехал француз де Ла-Ривьер. Екатерина пригласила его по совету князя Голицына, горячего сторонника учения физиократов. Незадолго до этого де Ла-Ривьер написал трактат «О естественном и существенном строе политических обществ», который не пропускала цензура во Франции. Лишь благодаря Дидро удалось опубликовать этот труд. Дидро превозносил его до небес как философа, имеющего к тому же большой опыт практической работы. Дидро считал, что он может стать хорошим советником императрицы по экономическим вопросам и предлагал приложить к России его теории. Дидро писал, что де Ла-Ривьер превзошел даже Монтескье. «Тот лишь распознал болезни, тогда как де Ла-Ривьер учит, как их лечить. Он обладает истинной тайной, вечной и непреложной тайной успешности, благоденствия и счастья народов. Его теория более близка и понятна, чем моя собственная, так как она основана на признании полезности сохранения неограниченной монархии», – писал Дидро императрице.

Возможно, этими дифирамбами Дидро всего лишь хотел

сгладить неблагоприятное впечатление от своего отказа на приглашение императрицы приехать в Россию, которое она неоднократно передавала и от себя лично, и через Фальконе. «Что касается Дидро, – доверительно писала она Фальконе, – то скажу Вам, что я желала бы видеть его здесь и для того, чтобы отвратить от него преследования в будущем, которых я за него опасаюсь, и потому, что охотно желаешь видеться с людьми достойными; о том, какое ему дать назначение, не могу решить, так как, во-первых, не желала бы стеснять его в выборе, а во-вторых, хотела бы познакомиться с ним ближе, прежде чем предложить ему что-либо; во всяком случае несомненно то, что если бы он приехал, то я хотела бы, чтобы он остался при мне для моего наставления».

Несмотря на настойчивые приглашения императрицы, Дидро в то время так и не решился покинуть Париж, и вместо него в Россию отправился де Ла-Ривьер, который ранее присылал анонимные мемуары на конкурс, объявленный Санкт-Петербургским Вольным экономическим обществом. Ла-Ривьер пробыл в России всего полгода. В марте 1768 года он уехал обиженный, обвиненный в надменности и некомпетентности. О его частной жизни в Петербурге распространялись самые невероятные сплетни. Негодование всей петербургской знати вызвало его заявление о необходимости дать свободу крепостным крестьянам и, опасаясь, чтобы он не внушил столь опасные мысли императрице, постарались представить перед ней в самом невыгодном свете и его самого, и его рецепты оздоровления экономики, которые, как утверждали злые языки, он списал у Бурламаки – другого экономиста.

Говорили, что де Ла-Ривьер был возмущен приемом, который был ему оказан в России. Вместо дворца, который был ему обещан, он был вынужден довольствоваться гостиницей. Он якобы позволял себе высказывания типа «человек, подобный мне» или «надо быть идиотом, чтобы не понять моей мысли». Своим вздорным поведением тщеславный экономист вызвал такое неудовольствие графа Панина, заведовавшего внутренней и внешней политикой государства, что тот написал донос на де Ла-Ривьера императрице, в котором сообщал ей просто возмутительные факты.

Масла в огонь подлила одна гамбургская газета, которая написала, что месье де Ла-Ривьер был вызван в Россию, где председательствовал при сочинении нового Уложения, что он нашел в Москве 800 депутатов, долженствовавших помогать ему в этом большом предприятии, что он забраковал закон, которым императрица обещала не наказывать смертью ни одного из членов этого народного сената, и этим нажил себе много врагов.

Екатерина была возмущена: «Возможно ли, чтобы сочинитель главнейшего порядка так мало соблюдал его в своем поведении? По-моему, Ривьер преувеличивает значение своих услуг, жалуясь на обращение с ним. Его пригласили как законоведа, а не законодателя. Он чересчур заважничал, но может статься, что он вовсе сделается мне ненужным». Императрица послала Фальконе письмо графа Панина, в котором содержались указания на необдуманные поступки самонадеянного реформатора. Она хотела узнать его мнение о де Ла-Ривьере. Фальконе отвечал уклончиво: «Если, с одной стороны, Дидро представляется мне правым, то с другой – господин Ривьер, видимо, преувеличивает значение своих услуг. На мой взгляд, душа его пряма, а судить его благосклонно расположены не все. Возможно, что значение его задачи придает ему такой тон. То, что о нем пишут из Парижа, а также заглавие книги, которой я, впрочем, не читал, еще заставляют предполагать, что он человек первостепенного достоинства. Он говорил мне, что если ее Величеству угодно будет дать ему работу, то он в два года сильно подвинет дело, в котором еще ничего не сделано. Заимствована ли его книга от Бурламаки или нет, – не все ли равно, если последний писавший проник истинные начала и верное применение их последствий? Мне говорят, что вопрос о торговле он разработал как человек, видящий одним взглядом весь земной шар, и притом видящий его хорошо, но когда политический деятель станет рассуждать о ваянии, тогда заговорю и я, буду даже разбирать его труды, а покамест помолчу и буду весьма прав».

Де Ла-Ривьер получил наконец у императрицы долгожданную аудиенцию, которой так добивался. Но видимо, он не сумел убедить императрицу в правильности своих теорий, потому что сразу после этого она распорядилась выдать ему из казны 100 тысяч рублей обещанного вознаграждения, и он так спешно покинул Петербург, что дал повод своим недругам злорадствовать о том, что его просто выдворили из России.

Императрица по этому поводу раздраженно писала Фальконе: «Я убедилась, как сочинитель существенного порядка мелет вздор. Я начинаю думать, что этот человек не верит в Бога. Он устраивает свой естественный порядок, как безбожники устраивают сотворение мира, и потом бросает вас. Этот реформатор, который хочет производить свои опыты над народом, который он считает нецивилизованным, видимо, полагает, что мы ходим на четвереньках, и очень любезно дал себе труд приехать с Мартиники, чтобы учить нас ходить на задних лапках. Но уверяю Вас, что во всем этом не было других происков, как дурное поведение одного лица, которому при ином

поведении ничего бы не приключилось. Ривьера я поручила Панину, потому что он может обращаться с умами шероховатыми и умеет, когда надобно, посбить спеси.

И Дидро, и князь Голицын, и Вы, и Панин, и я, и сам автор существенного порядка, мы все ошиблись, мы все белены объелись, мы верим письмам, россказням, но мы были глупы, мы должны были знать, что есть и такие, которые стараются надуть. Чтоб не быть ни в чем обвиненной, я велела заплатить ему гонорар, с тем чтобы он как можно быстрее уехал из России».

Скандал с де Ла-Ривьером надолго отбил охоту у Екатерины приглашать всяких реформаторов-экономистов, которые, впрочем, не оставляли ее своим вниманием, прибегая к посредничеству Фальконе. Однажды Фальконе передал императрице просьбу некоего Годефруа де Мелье, рекомендованного ему Д'Аламбером, который желал представить императрице простое средство иметь в течение четырех месяцев 30 миллионов без малейшего отягощения для государства. «Он не просит решительно ничего, – писал Фальконе императрице. – Может быть, что случайно человек этот окажется в своем уме: не зная пределов возможного, я был бы очень рад содействовать успеху дела – ответьте, как ему представить этот проект – лично или в запечатанном конверте?» Екатерина не без юмора ответила ему: «Господин Фальконет, я имею обыкновение отвечать делателям золота и денежных проектов: господа, воспользуйтесь своими выдумками сами, чтобы вам не просить милостыни. Говорят, что следует выслушивать всякий проект, как бы сумасброден он ни был… Я не люблю пользоваться новыми источниками для добывания денег без необходимости. Если после этого я попрошу проект Вашего соотечественника, Вы не поверите ни одному моему слову».

Тем не менее Екатерина помогала многим из тех, о ком просил ее Фальконе, а его просили об этом не один раз. «Вы прислали мне письма Ваших соотечественников, которые оказались в затруднительном положении и просят Вас оказать содействие. Неделя эта не пройдет без их назначения, – писала ему императрица. – Но почему Вы даете мне читать свои письма? Я склонна подозревать, что Вы делаете это для того, чтобы я не думала, что они касаются государственных дел. Не воображаете ли Вы, что я придерживаюсь начал Венецианской республики? Я не люблю инквизиции ни духовной, ни политической».

К содействию Фальконе обратился вскоре и князь Дмитрий Голицын, который осенью 1767 года был отозван из Парижа. Предлогом для отзыва русского посла послужил давний спор между Россией и Францией, возникший еще при Петре III.

Русский император отказывался называть Людовика XV королем, а тот его – императором. В действительности Франция подозревала о существовании секретного договора между Россией и Пруссией, заключенного в 1764 году императором Петром III. Могло ли французское правительство относиться к этому спокойно? Во всяком случае отношения между Россией и Францией осложнились настолько, что дело дошло до отзыва посла. Посол Дмитрий Голицын, который в результате оказался не у дел, написал Фальконе письмо, в котором просил его в переписке с императрицей похлопотать за него. Фальконе переслал его письмо Екатерине, сопроводив его просьбой помочь князю. Просьба Фальконе возымела действие: через некоторое время князь Голицын был назначен послом в Голландию и уехал в Гаагу.

Но в письме Голицына императрица заинтересовалась фразой, в которой князь выражал сожаление по поводу того, что Колло не платят за ее работу. Фальконе оправдывался в ответном письме к Екатерине: «Я написал князю Голицыну, что Колло ничего положительного, кроме милостей императрицы, не имеет, что из числа двух сделанных ею в городе портретов ей уплатили только за один, заказанный Григорием Орловым. Князь Голицын, уговоривший мою ученицу покинуть родину, изумлен и огорчен тем, что ошибся во внушенных им надеждах».

Екатерина II была обескуражена и обещала по своем приезде в Петербург похлопотать о том, чтобы упрочить положение Колло. Она сдержала свое обещание, но Бецкой, которого заставили расплатиться за портрет Анастасии Соколовой, сделанный Колло по его заказу, был взбешен. С его подачи по городу поползли нелепые слухи о том, что Фальконе привез с собой из Парижа молоденькую любовницу, которую выдает за свою ученицу, а сам выполняет вместо нее все сделанные ей заказы, чтобы поддержать придуманную им легенду.

Вряд ли императрица верила этим слухам, но она всегда старалась во всем удостовериться сама, и только ей одной известным способом: в очередном своем письме она попросила Фальконе, чтобы Колло сделала для нее портрет своего учителя. Фальконе отшутился: «Говоря, что я не отвечаю за свою голову, я подразумеваю ту, что госпожа Колло должна исполнить из мрамора. Как знать, что с ней станется?»

Вернувшись в Петербург, Екатерина посетила мастерскую и лично познакомилась с Колло. Девушка очень понравилась ей. Фальконе воспользовался случаем и предложил Екатерине заказать ей свой портрет, чтобы передать его в подарок Вольтеру. «Что ж, пусть госпожа Колло возьмет камень и сделает мою

физиономию», – согласилась Екатерина. С тех пор она стала для молодой художницы основной и постоянной заказчицей. Колло выполнила по ее заказам целую галерею портретов, в том числе молодого Вольтера, Генриха IV и его министра Сюлли для Камероновой галереи в Царском Селе.

В самом Царском Селе императрица несколько раз позировала Колло, называя ее не иначе, как «дорогой Марианной». Она по-матерински опекала девушку. Во время продолжительных сеансов, когда Колло трудилась над портретом императрицы, та поверяла ей то, что скрывала от многих других людей из своего окружения. Скромная, деликатная француженка вызывала у нее гораздо больше доверия…

«Мне приписывают мастерство жестокой интриганки, которая искусно разжигала конфликты и сталкивала между собой различные партии и отдельных людей на пути к власти, к которой я пришла будто бы с помощью закулисного интриганства, – рассказывала Екатерина. – Наивные люди! Счастье вовсе не так слепо, как они думают. Я много страдала, но страдание сделало меня сильной. Лишь слабые люди надеются на ничтожные интриги. Я всегда уступала только здравому рассудку и кротости и никогда – силе.

Моя мать, Иоганна Елизавета Голштинская, вышла замуж за Христиана Августа Ангальт-Цербстского, когда ей было 15 лет, но они любили друг друга и жили в согласии. Я была лютеранкой, когда русская императрица Елизавета Петровна пригласила меня в Петербург. После обручения с великим князем я приняла православие. Я сделала это сознательно, так как убедилась, что самая древняя из христианских церквей – греческая, и она ближе всех подходит к первоначальному апостольскому учению. Против моего приезда был Бестужев-Рюмин, он держал сторону Англии. Противоположная партия держала сторону Франции, Швеции и Пруссии. С ними были все голштинцы. Я была меж двух огней. Это были люди опасные и сплетники, которых надо избегать, они всех ссорили между собой, они надоели мне своими разговорами о политике и интригами. Я часто содрогаюсь, вспоминая, как меня привели в дом Апраксиных, дочь которых заболела оспой. До сих пор не пойму, зачем меня тогда подвергали такой опасности. Ведь я не болела оспой. Но судьба расположила все иначе. Ребенок умер, а я избежала этой опасности самым счастливым образом. Теперь вы понимаете, почему, когда появилась возможность сделать себе прививку от оспы, я решилась на это, невзирая на многих противников этого мероприятия.

Я старалась со всеми обращаться как нельзя лучше и

приобрести дружбу или по крайней мере смягчить неприязнь тех людей, которых я могла подозревать в неблагоприятном к себе расположении. Я не хотела держаться никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми и с удовольствием замечала, что с каждым днем росло расположение ко мне. Всеми силами я старалась снискать любовь окружающих меня людей.

Я всегда старалась избежать во всем и везде того, что могло оскорбить. Очень часто мелочи такого рода, которыми мы пренебрегаем, вредят в итоге больше, чем существенные вещи, так как гораздо более умов, склонных к мелочам, чем рассудительных людей, которые их презирают. Я была терпима ко многим. Я научилась пересиливать себя и быть доброй даже к тем, кто был мне неприятен. Я научилась этому тогда, когда бдительно сторожили каждый мой взгляд и движение. Елизавета была подозрительна и недоверчива. Сначала она пригласила принца-идиота в качестве наследника, чтобы он не мешал ей царствовать, а потом постоянно ссорила нас, чтобы мы, чего доброго, не сговорились друг с другом или с кем-то еще. Ни я, ни великий князь не смели выйти из дома хотя бы для прогулки, не испросив на то позволения у императрицы.

Елизавета, особенно к старости, любила везде, где бы она ни находилась, устраивать Тайную канцелярию. В каждой церкви она имела по два или по три места для себя и во время богослужения переходила с одного места на другое. Она смертельно боялась заговоров, постоянно меняла внутреннее расположение всего дворца, переносила кровать с одного места на другое. Она приставила шпионов к великому князю и ко мне и контролировала каждый наш шаг. Неудивительно, что, став императором, Петр III сразу же ликвидировал Тайную канцелярию, ведавшую государственной безопасностью, на которую имел зуб еще с тех времен за то, что те убирали от него всех верных людей. Он передал все ее дела старикам из Сената, и сам подрубил сук, на котором сидел.

Меня окружали люди недалекие и ограниченные. Я была одинока среди всех этих людей, но скрывала слезы, так как считала низостью вызывать ими сострадание других. Я себя слишком уважала, чтобы считать достойной такой участи. Прибавьте к этому еще врожденное предчувствие моей будущности, которое придавало мне бодрость выдерживать все мои страдания и сносить ежедневно неприятности со многих сторон. Ничего я так не избегала в жизни, как быть кому-то в тягость.

Я прожила с Петром 16 лет. Великий князь не искал моего общения. Но более чем когда-либо я старалась снискать расположение больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем и успела. После свадьбы меня охватила страшная тоска. Ничто не предвещало мне счастья. Одно честолюбие поддерживало меня и ни на минуту не оставляющее чувство, что рано или поздно я сделаюсь самодержавной русской императрицей. Я поняла, что, не истребив в себе нежных чувств к этому человеку, я непременно буду несчастлива и измучусь ревностью без всякого толку. Но для того чтоб не ревновать, есть только одно средство – не любить. Я вспоминаю, как на моих глазах, не стесняясь, великий князь ухаживал за одной прехорошенькой гречанкой – фрейлиной Елизаветы. Ее потом выдали замуж за генерала Мелиссино. Великий князь уверял меня, что это всего лишь большая дружба. Я хотела бы верить этому…

Я чувствовала себя в совершенном одиночестве. И лишь чтение спасало меня. Книги служили единственным лекарством от скуки. Я усвоила себе привычку, чтобы избегнуть скуки, всегда иметь в кармане книгу, и, как только появлялась благоприятная минута, я принималась за чтение. Поэтому я так близко приняла к сердцу, когда узнала, что Дидро вынужден продать свою библиотеку. Жестоко лишать ученого его книг. Я часто трепетала, чтобы у меня не отняли моих, когда бдительно следили за моим чтением и поведением. Вначале я читала одни романы, но после Вольтера стала разборчивей. В пятнадцать лет я уже изучала философию и была углублена в себя.

Петр III был на год с небольшим старше меня, а по сути он всегда был ребенком, но ребенком неразумным и упрямым, смело идущим к своей гибели. Мать его, дочь Петра I, скончалась от чахотки через два месяца после его рождения. Отец, голштинский герцог, был племянником шведского короля Карла XII. Императрица Елизавета, вступив на престол, решила объявить его своим наследником и послала за племянником в Голштинию, отказав посольству шведов, которые хотели сделать его наследником шведского престола.

Петр III ненавидел русских и говорил, что ему приятнее было бы уехать в Швецию, чем остаться в России. Судьба по ошибке вознесла его на престол. Петр пил с десятилетнего возраста и не хотел ничему учиться. Он сам не понимал, что творил. Недостаток воспитания и склонность ко всему пошлому и грязному способствовали тому, что все свое время он проводил в кутежах и разврате. Его приближенные, тоже люди недалекие,

руководили им. Опасаясь моего влияния, они учили его, как следует обращаться с женой, рассказывали, что их жены не смеют перед ними пикнуть, что мужчине стыдно быть под каблуком у своей жены. Обо всех этих внушениях я узнавала от самого великого князя.

Он хотел царствовать, но не старался ничем сделать себя достойным того. Самым злейшим его врагом был он сам. Не обладая гением Петра Великого, он старался походить на него в грубости выражений, которые, хотя и произносились шутя, в хорошем обществе воспринимались, как брань. В особенности это не нравилось людям мелочным, привыкшим к словам придираться больше, чем к смыслу. Никогда не забуду одного князя, который на смертном одре вспомнил, как царь однажды назвал его сукиным сыном. Петр III мало любил своих приближенных и не ценил народ, над которым ему суждено было царствовать.

Когда он вступил на престол, в манифесте ничего не было сказано ни обо мне, ни о наследнике. Я знаю, что ему внушали, будто Павел и Анна не от него, что отец Павла – граф Салтыков, а Анны – Станислав Понятовский. Любовница Петра, Елизавета Воронцова, получила орден Святой Екатерины, который жаловался только принцессам королевской крови. Все шло к тому, чтобы удалить меня.

Петр III процарствовал семь месяцев в окружении шутов и женщин известного поведения, не просыхая от бургундского. Когда Петр III заключил мир с королем Пруссии в Семилетней войне, он закатил великолепный пир, на который была приглашена вся знать Петербурга и многие иностранные министры. Во время обеда он позволил себе неприличную и оскорбительную выходку, громогласно в присутствии всех гостей назвав меня, его жену, дурой, так как я отказалась поднять вместе с ним тост за прусского короля. Все знают, как были оскорблены русские этим позорным миром, который Петр III после смерти Елизаветы заключил с Пруссией. Добровольно отдать Пруссии то, что было завоевано, сделать побежденных пруссаков победителями, – нет, Петр III слишком далеко зашел в своем пренебрежении ко всему русскому.

Петр III разорял офицеров, которые усердно служили против прусского короля. В перевороте против Петра III смешалось все: и недовольство родовитых дворян пренебрежительным к себе отношением, и опасения относительно его совершенно непредсказуемых и авантюрных действий. У всех на уме было только одно – поскорее избавиться от безумца. Заговор готовили, но это и не был заговор, это было всеобщее движение, все ждали

отплытия императора в Данию, что должно было стать сигналом к восстанию. Но все произошло гораздо раньше, почти стихийно и без всякой подготовки, но эта случайность обеспечила такой успех, которого нельзя было бы ожидать от самых строгих и обдуманных действий. Известие об аресте капитана Пасека, которому было известно о заговоре, ускорило счастливую развязку. Все были рады, когда Петр III отрекся от престола. Церкви были распахнуты настежь, священники благословляли приход.

После отречения Петр III сам избрал себе резиденцию в замке Ропша, неподалеку от Петербурга, который принадлежал ему, когда он был великим князем. Там он продолжал предаваться кутежам и разврату. К нему был приставлен Алексей Орлов, который в одной из пьяных драк и прикончил его, защищая, как он говорил, свою жизнь. Зная Петра, я не могла ему не поверить. Но эта смерть продолжает мучить меня, хотя я ее не хотела. Это случилось не по моей вине и не по моему желанию. Но что значат желания императрицы? После моей коронации граф Бестужев взялся представить просьбу относительно того, чтобы я избрала себе супруга. Узнав о том, канцлер Воронцов немедленно приехал ко мне и стал просить, чтобы я отвергла это предложение, потому что он не желает мне такого мужа, а себе повелителя, как Григорий Орлов. Могущество императрицы заканчивается там, где начинаются желания ее подданных.

После смерти Петра III я чем могла покровительствовала Елизавете Воронцовой, посылала ей деньги и вообще старалась помочь чем возможно, но я знаю, что в людском мнении я остаюсь убийцей собственного мужа. Мне известно, что молва приписывает мне ужасные пороки и такое количество любовников, на которых не хватило бы и тысячи таких, как я. Я никогда не защищалась и не оправдывалась от всех этих чудовищных вымыслов, – это глупо. Опровергать слухи и ложь – самое безнадежное дело. Будь ты честна и добродетельна, все равно не избежишь ни зависти, ни клеветы окружающих, которые с жадностью ловят любой грязный намек. Совсем не обязательно отвечать на всякую хулу, достаточно того, что я всегда была чиста перед собой и перед Всевышним, и я знаю, что Бог не оставит меня».

Летом 1768 года до Екатерины II дошли известия о том, что некий де Рюльер написал книгу об июньском перевороте 1762 года в России, в которой много места уделил его главной героине. Де Рюльер в момент переворота был атташе французского посольства в Петербурге и знал многих участников этих событий, поэтому к его мемуарам в Париже отнеслись

благосклонно. Де Рюльер читал их у герцога Шуазеля, министра иностранных дел Франции, и в некоторых высоких парижских салонах, где его слушателями были король Людовик XV и принц Генрих Прусский. Императрица Екатерина II была крайне раздосадована этим. «Секретарь посольства врет, – говорила она, ведь ему надо что-то писать тем, кто платит ему за это деньги, и он скорее соврет, чем сознается в своем невежестве. У нас пока никто не знает, о чем эта книга, но ясно, что автор анекдотов пересказывает всякие небылицы о восстании 1762 года. Я заранее бьюсь об заклад, что книга Рюльера пуста, особенно потому, что Дидро пишет, что в ней слышатся бой-баба и первостепенный ум. Дело было не в том: предстояло либо погибнуть вместе с полоумным, или спастись с толпою, желавшей от него избавиться. Но ведь всему написанному верят. Следует постараться перекупить у Рюльера эту рукопись, чтобы уничтожить».

Екатерина II приложила немало усилий, чтобы раздобыть рукопись. По ее поручению княгиня Екатерина Дашкова вскоре отправилась в Париж, чтобы с помощью Дидро и Хотинского – временного поверенного в делах Франции, назначенного вместо князя Голицына, – осуществить эту ответственную операцию.

Несомненно, этой книгой французское правительство мстило русской императрице за ее политику. Но и Екатерина II тоже не оставалась в долгу, при всяком удобном случае подчеркивая глупость и невежество Версальского двора.

В то время много разговоров ходило об оспопрививании, о том, что прививкой коровьей оспы можно предупредить заболевание человека, так как она создает невосприимчивость организма к этой болезни. В древности прививки против оспы применялись в Индии, Китае и других странах Востока. В 1721 году Монтегью завез этот способ прививок из Турции в Англию. Во Франции Сорбонна отвергла пользу оспопрививания, ссылаясь на то, что прививка увеличивает опасность эпидемии и может привести к смерти. Заключения Сорбонны оказалось достаточно для того, чтобы осенью 1768 года Екатерина II позволила сделать себе и наследнику прививку против оспы, а затем открыла целую кампанию по оспопрививанию в России, призвав последовать своему примеру и Людовика XV.

Смелый поступок русской императрицы вызвал шквал восторга у французской оппозиции. Член Французской академии наук Ла-Кондалин, ярый сторонник оспопрививания, состоявший в переписке со своими коллегами из России, обратился вначале к Бецкому, а затем к Фальконе для того, чтобы получить разрешение русской императрицы посвятить ей поэму о прививке оспы.

По поводу отказа Сорбонны в оспопрививании во Франции Фальконе разъяснял в своем письме к императрице: «Многие люди погибли от оспы, но, согласно богословским началам, все это произошло согласно провидению. Отсюда следует, что предосторожность эта – не что иное, как происки сатаны. Возможно, священный факультет Сорбонны лучше знаком с видами провидения, чем великая императрица. Но как бы то ни было, смею умолять Ваше Величество принять выражение чистейшего сердечного моего восхищения. Возможно, что по Вашему примеру многие привьют себе здравый смысл, начиная с меня или, пожалуй, с Сорбонны – за основанным Робертом Сорбонном учреждением не признаю непогрешимости, часто они провозглашают вздор».

Выражая свое восхищение поступком императрицы, Фальконе в глубине души оставался на стороне Сорбонны: «Спастись нельзя, если обречен, – повторял он, – но от оспы она наверняка не умрет».

И все же его удивляло, что при столь свободном образе жизни русской императрицы, о любовных похождениях которой в Петербурге и Париже ходило столько легенд, ей удавалось так преуспевать. Он часто вспоминал церковь Святого Рока, предостережение Луи, и сомнения вновь начинали одолевать его.

Между тем царствование императрицы Екатерины II было не таким уж безоблачным. К концу 1768 года отношения России и Турции значительно осложнились из-за Польши, где образовавшаяся в 1768 году конфедерация требовала вывода русских войск с территории Польши. Сил у конфедератов было недостаточно, и они обратились за поддержкой к Турции. Для подкупа влиятельных в Константинополе лиц были собраны большие драгоценности. Ходатайство поляков перед султаном поддержало французское правительство, которое старалось всячески подогреть этот конфликт, чтобы поссорить Турцию с Россией. Долгое время это не удавалось, пока французский посол не уговорил конфедератов уступить Турции Волынь и Подолию в обмен на заступничество Порты.

Турецкое правительство стало искать повод к разрыву с Россией, обвиняя ее во вмешательстве в дела Польши и избрании на польский престол Станислава Понятовского, не имеющего предков королевской крови. Дело не ограничилось словами: 6 октября 1768 года великий визирь велел заключить русского посла Обрезкова в Семибашенный замок. Это было равносильно объявлению войны. Попытки русского правительства решить конфликт мирным путем не увенчались успехом, и в России стали готовиться к военным действиям.

Комиссия по Уложению была распущена.

Гром-камень

Фальконе все явственнее ощущал на себе враждебное отношение к нему Бецкого, который при любой возможности мешал ему и старался причинить неприятность. Поскольку именно этому человеку было поручено оказывать содействие Фальконе в его работе, скульптору приходилось по каждому мелочному вопросу обращаться к императрице. Пока с ней сохранялись дружеские отношения, это не очень обременяло художника, но императрицу уже начинала тяготить необходимость постоянно быть арбитром в этих спорах. Она хорошо знала цену Бецкому, но меньше всего желала из-за Фальконе портить отношения с одним из самых влиятельных своих придворных.

Колло к тому времени уже закончила бюст императрицы в глине и скучала в ожидании мрамора, который Бецкой намеренно задерживал. Фальконе посчитал нужным вмешаться: «Бюст императрицы готов, и как только ваятельница будет иметь мрамор, она приступит к работе, а пока в ожидании она изучает другие модели, заказанные Вашим Величеством». Императрица была изумлена «Как Вы сказали? – спрашивала она в ответном письме. – Как же это у госпожи Колло не хватает мрамора? Разве его нет в моих кладовых или в Академии?»

Бецкой получил небольшой нагоняй, но это лишь сильнее обозлило его. Он прислал Колло негодный мрамор. Терпение Фальконе лопнуло окончательно. «Тот мрамор, что почитали хорошим, оказался негодным», – вновь жалуется он императрице. И так происходило бесконечно.

Бецкой уже почти не скрывал своей ненависти к скульптору. Он с бессмысленной назойливостью вмешивался во все дела Фальконе, используя любой предлог, чтобы вызвать ссору. В контракте с Фальконе был записан формальный пункт об обучении ученика, и Бецкой стал настойчиво рекомендовать, чтобы скульптор взялся еще и за педагогическую работу, запугивая тем, что его отказ может вызвать неудовольствие императрицы. Помимо желания просто досадить Фальконе Бецкой хотел иметь в его мастерской свои глаза и уши, так как стремился везде иметь соглядатаев. В свое время Фальконе вынужден был сменить квартиру, на которой жил, из-за того, что ее хозяин по поручению Бецкого слишком уж усердно шпионил за каждым его шагом. Теперь Бецкой требовал, чтобы скульптор взял себе ученика. Фальконе решительно отказался. «Я никогда не был учителем и никогда никого не учил», – решительно заявил он

Бецкому. «А как же ваша Колло?» – язвительно спросил тот. «Она не ученица, – раздраженно ответил Фальконе, – она такой же мастер, как и я, и работает наравне со мной». Бецкой снисходительно засмеялся. Фальконе побагровел от негодования. Ему уже стали известны слухи, безусловно распространяемые Бецким, о том, будто он сам выполняет заказы своей ученицы, чтобы иметь повод держать ее подле себя.

Бецкой так надоел Фальконе своими требованиями взять ученика, что ему вновь пришлось обратиться к императрице. «Господин Бецкой настоятельно требует, чтобы я взял себе ученика Академии, – жаловался он. – Я высказываю ему причины, по которым не хочу этого. Не внимая им, он продолжает выставлять свои доводы и, чтоб доконать меня, прибавляет – Вы прогневаете императрицу. Я давно перестал быть школьным учителем. Я привык к той свободе, которая мне теперь особенно необходима. Ничего не знающий юноша замучит меня, будь он кроток, как красная девица. Когда герой и его конь распалят мою голову, юноша собьется с толку, я его прогоню, все это кончится, без сомнения, дурно; благоразумнее не начинать».

Императрица его поддержала. «Самое важное для меня и для нашего дела, чтоб вас оставили в покое, и, следовательно, у вас не будет ученика. Если мне о том говорили, то я уже забыла об этом», – отвечала она Фальконе.

Именно в это время Фальконе решает поместить под копытами лошади змею, как олицетворение зла, с которым боролся Петр, хотя до этого он был против всяких аллегорий в памятнике Петру I. Но теперь он стал думать иначе: у Петра были враги не только внешние, но и внутренние. Кроме того, назначением змеи было стать опорой памятника.

Бецкой был категорически против змеи, и Фальконе вновь обращается к императрице: «Некоторые люди считают, что змею надо убрать, но без этой опоры статуя будет весьма ненадежна. Эти люди не делали моих расчетов. Они не понимают, что если послушаться их совета, то памятник будет недолговечным. Если я не подумал о том вначале, то потому только, что не приступал еще к работе. Но змея нужна не только для опоры. Она имеет значение тем большее, что усиливает смысл произведения. Она символизирует зависть. Петру Великому перечили зависть и коварство, это несомненно, он мужественно поборол их, это тоже несомненно. Такова участь всякого великого человека. Змея, попираемая ногами коня, изображает ненависть и злобу, противодействующую предприятиям великих людей. Всадник раздавил тех, кто мешал свободному движению коня. Таким образом, змея имеет смысл, который скрывает необходимость к

ней прибегнуть. Господин Бецкой не согласен с аллегорией змеи, о которой я просил его. Пренебрежение этой простой, ясной эмблемой равнозначно непониманию самого предмета. Если Вы дадите мне знак своего одобрения, то, пренебрегая жужжанием у ушей своих, я пойду прямо, не оборачиваясь. В моем ремесле, так же как и в некоторых других, следует прежде действовать, а потом просить совета, иначе подвергаешься заслуженному обвинению в том, что думаешь чужим умом».

Бецкой был возмущен и всячески старался убедить императрицу в обратном. Выслушав его, императрица все же приняла сторону Фальконе. В ответном письме она пишет ему: «Насчет змеи я не навязываю свое мнение. Я лишь хотела выяснить возможные против змеи возражения, но теперь я ей не противлюсь».

Однако Екатерину уже тяготила эта роль постоянного судьи между двумя ожесточенными противниками. Фальконе постоянно жалуется ей на Бецкого, который мешает ему работать. «Г-н Бецкой делает мне честь искренне меня ненавидеть и дает мне в том заверения весьма часто, – пишет он. – Как плодотворны поля бессмыслия и гнусности! Лживые сердца, кривые умы – суть необоримые гидры, не успеешь открыть и отринуть какую-нибудь пошлость или злую выходку, как на вас сыплется их целый рой: ничто так неутомимо. Так как подобных людей на свете множество, то не мудрено, если тот, кто осмеливается быть счастливым в своем уголке без их позволения, должен ожидать от них преследований».

«Г-н Фальконет, презирайте болтунов и сплетников, будь между ними и почтенные люди, – вот что я повторяю и что уже неоднократно вам говорила, – отвечает Екатерина. – Ваши недоброжелатели не стали бы вам завидовать, если бы вы внушали им жалость. Вы имеете признаки их уважения. Побеждайте все препятствия и не тужите ни о чем, на этом свете препятствия созданы для того, чтобы достойные люди их уничтожали и тем умножали свою репутацию. Вот назначение препятствий. Говорят, что к старости делаешься брюзгой, да предохранит нас с вами от этого небо. На днях я ясно высказала г-ну Бецкому свое намерение, чтобы вам не надоедали. Я послала Вам книгу, по прочтении отправьте ее г-ну Бецкому».

Но невинные уловки императрицы, направленные на то, чтобы примирить два самолюбия, успеха не имели. Война разгоралась все сильнее.

После змеи другим камнем преткновения в отношениях Бецкого и Фальконе стала гранитная скала. Постамент в памятнике Петру – это часть изваяния, неотделимая от образа

самого героя, – считал Фальконе. Образ скалы как символа побежденных трудностей представлялся Фальконе в форме дикой каменной кручи, которую одолевает герой. Это должна быть подлинная скала, глыба гранита, «вырванная у природы». Бецкой считал поиски такого камня-монолита безнадежными, но Фальконе при содействии Академии художеств и с помощью Ласкари удалось добиться того, что заказ на такой камень стал известен местным жителям. Нашедшему такой камень Академия обещала денежное вознаграждение. Фальконе верил в чудо, и чудо свершилось – в сентябре 1768 года недалеко от Петербурга, близ селения Лахта, в шести верстах от берега Финского залива был обнаружен огромный камень, как раз такой, какой требовался по условиям Академии, известный в окрестности под названием Каменная гора или Гром-камень. По преданию, Петр I, выбирая место для строительства города, взбирался на эту крутую гору и обозревал с нее окрестности. Камень был отмечен в одном месте ударом молнии, отчего и получил название Гром-камень.

Фальконе, приехав и осмотрев скалу, не мог поверить этой редкой удаче. Но перевозка Гром-камня обычным способом оказалась безрезультатной. Глыба весила 100 тысяч пудов. Канаты обрывались, срывались лебедки. Испробовали тысячу способов, пока Ласкари не пришла в голову мысль перемещать камень на шарах, установленных в специальных желобах, подведенных под скалу. Благодаря активности и энергии Ласкари была быстро организована перевозка камня. Бецкой, вначале сильно раздраженный и раздосадованный усердием своего адъютанта, которому он перепоручил свои заботы о скульпторе, вскоре заинтересовался работами. Перевозка камня таких размеров была до сих пор невиданным в Европе делом и обещала много славы тому, кто к ней причастен. Зрелище действительно было грандиозное. При огромном стечении народа по сигналу барабанщиков, которые отбивали дробь на вершине скалы, несколько сот крепостных приводили в движение канаты, притягивающие скалу. Императрица и великий князь с многочисленной свитой тоже приезжали смотреть на эту работу. Одновременно 40 каменотесов по распоряжению Фальконе обсекали скалу, придавая ей задуманную скульптором форму, а также для того, чтобы избавиться от лишнего веса при перевозке. Но эти работы были сразу же приостановлены Бецким, который считал, что чем больше будет камень, тем больше шума его перевозка наделает в Европе. Фальконе, не отвечавший ни за исправность перевозки, порученной Ласкари, ни за излишние при этом издержки, не мог, да и не имел права настаивать на своем

мнении. Когда камень был доставлен на место, Бецкой продолжал настаивать на сохранении громадных размеров камня неприкосновенными, и Фальконе с большим трудом удалось настоять на том, чтобы подножие имело форму, пропорциональную самому памятнику.

Потребовалось шесть недель, чтобы переместить камень к берегу Финского залива. Перевозка Гром-камня по воде была не менее сложной задачей, чем перемещение по суше. Был построен специальный корабль с двойным днищем, на котором камень наконец был доставлен на площадь в Петербурге. Всего на перевозку камня, по свидетельству Ласкари, опубликовавшему позднее свои мемуары в Париже, было истрачено 70 тысяч рублей.

Как и ожидалось, известие о перевозке Гром-камня разнеслось по всей Европе. В память о столь грандиозном событии императрица велела выбить памятную медаль с надписью «Дерзновению подобно».

Одновременно откуда-то поползли слухи о том, что Ласкари не сам изобрел способ перевозки Гром-камня, а позаимствовал его у какого-то неизвестного мастера. Нетрудно было догадаться, откуда появились эти слухи. Бецкой пытался приписать себе все заслуги по перевозке, и постарался удалить Ласкари, назначив его обер-полицмейстером в Кадетский корпус, где тот должен был надзирать за соблюдением устава отпрысками из знатных семейств. Должность самая неблагодарная: занимающий ее рискует либо быть обвиненным в невыполнении своих обязанностей, либо нажить себе влиятельных врагов.

Фальконе попытался вступиться перед императрицей за Ласкари. «Скажем просто, – с негодованием писал он Екатерине, – этот человек, сотворивший поразительное в своем роде дело, не был за то вознагражден, что он был тщательно спрятан за другим, что этот другой употребил всю свою ловкость, чтобы выдать его за простого работника. Г-н Ласкари один изобрел средства и сочинил машину для перенесения скалы, которая должна служить подножием статуи, он вел все дело без малейшего с чьей-либо стороны участия. При всяком другом начальнике Ласкари нашел бы награду, соразмерную предприятию столь исключительному, столь трудно исполнимому, столь счастливо исполненному. Г-н Бецкой скажет: я ему доставил место в Кадетском корпусе. Это вроде того, как если сказать: живописец написал чудесную картину, у него отнимают честь этого произведения, ему отказывают в платеже, заказывают вторую картину как возмездие за первую, и этим распоряжением считают совесть свою успокоенной. Затруднительное положение у г-на Бецкого: если он

ему даст награду, соразмерную заслугам, то маска свалится; если он этого не сделает, маска все-таки свалится. Ему надо спровадить его куда-то, но он не знает, как это сделать. Дай мне Бог в последний раз говорить о г-не Бецком».

Императрица тогда прислушалась к мнению Фальконе, и Ласкари был повышен в чине, но остался в должности полицмейстера. И все же впоследствии Ласкари был вынужден подать в отставку. В Петербурге о нем распространяли чудовищные небылицы, говорили, будто он трижды был женат и отправлял своих жен на тот свет, чтобы присвоить их состояние. Самые невероятные слухи ходили о его ужасных пороках и характере. «Дыма без огня не бывает», – рассуждали многие, и Бецкой с удовольствием сообщал об этом императрице.

Фальконе вновь попытался вступиться за Ласкари, желая оставить его в качестве распорядителя работ по отливке статуи. «Ласкари – это человек один из самых умных, деятельных и способных, состоявших при г-не Бецком, – писал он императрице. – Он мне много помогал, не получив и одного рубля в вознаграждение. В конце концов он доведен до отчаяния, его ненавидят и постоянно преследуют за делаемое им добро. Поэтому он прекратил службу свою в Кадетском корпусе и решил уйти в отставку. Если Ваше Величество пожелает, чтобы он продолжал помогать мне, особенно при отливке, где его деятельность была бы еще полезнее, если он получит приличное чину и обязанностям жалованье, то он останется и будет служить Вашему Величеству с тем искренним усердием, которое я всегда признавал в нем. В намерениях моих нет ничего, основанного на расчетах личных: быстрый ход и скорейшее окончание работы составляют единственную мою цель. Я не был в особенной дружбе с г-ном Ласкари, наши отношения главным образом основаны на моей работе, но это не мешает мне видеть в нем честного человека, потому что отрадно видеть, когда нет ничего тому противоречащего. Он за всем следил, все знал, во всем помогал, начиная с первого шага, и конечно, преемнику его придется начать с выучки, через которую он давно прошел. Удостойте, государыня, сохранить милость этому человеку, который, смею сказать, имеет все необходимое, чтобы оценить ее».

Но на этот раз императрица была неумолима: «Что касается Ласкари, то он просит отставки и хочет уехать на воды, так что я не знаю, как это совместимо с желанием оставаться при Вашей работе», – сухо отвечала она.

Ласкари уехал за границу, а взамен него для содействия Фальконе в сооружении памятника был назначен Юрий Фельтен. Фальконе не питал к нему особых симпатий и не был высокого

мнения о его способностях, но вынужден был смириться. Фальконе с тяжестью на сердце прощался с Ласкари. Но что он мог поделать! Нужно было работать дальше.

До весны 1770 года модель переводили в гипс. Наконец в мае большая модель была открыта для обозрения публики. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила, что 19 мая с одиннадцати до двух и после обеда с шести до восьми часов впредь две недели показывается модель монумента Петру Великому. Жители Петербурга толпами посещали мастерскую, но сдержанная реакция северян привела вначале в растерянность темпераментного Фальконе. Посетители молча смотрели и уходили. Оставалось только гадать о впечатлениях публики. Вначале это казалось скульптору выражением неодобрения. В недоумении он пишет императрице: «Наконец-то полотно снято. Я нахожусь в полной власти публики: моя мастерская набита битком. Немного странно то, по крайней мере на мои глаза, что никто из местных жителей, стекающихся у меня, не говорит мне ни слова, как будто бы меня и на свете не было, хотя мне известно, что в итоге они довольны. Если до меня и доходят прямые известия о моей работе, то единственно через проживающих здесь иностранцев».

Но главное испытание было впереди. Чуть позднее Фальконе так обрисовал это в своем письме Екатерине: «Некто Яковлев произнес разгромную речь перед собравшимися в мастерской зрителями. Нет гадостей, которые он бы не наговорил про статую; что ни на одной из них нет такого странного головного убора; он забыл, без сомнения, что подобное убранство почти одинаковое у всех как древних, так и новых статуй. Он находил ужасными усы, которые император носил всю жизнь. Но все это одни цветки. Он пришел в бешенство, заговорив о русском платье, которое в действительности не русское. Он повторял, что ужасно напялить на Петра ту одежду, об уничтожении которой он так хлопотал. И при этом он утверждал, что так считает не он один, что его единомышленники – 500 дворян, которые возмущены образом, сотворенным Фальконе. Он говорил, что работу скульптора поносят во всех домах и только покровительство императрицы сдерживает их от открытых выступлений».

Нетрудно представить, какое действие произвела эта речь на впечатлительного скульптора. Он был в ужасном состоянии. Екатерина успокоила его: «Этот Яковлев – человек презренный. Недавно он надул двух евреев, а к довершению – он и не дворянин вовсе, хотя утверждает, что 5 сот дворян разделяют его образ мыслей».

1 июня в полдень мастерскую Фальконе посетил архиепископ

Санкт-Петербургский, епископ Тверской, архимандрит Платон. Восхитившись моделью, он поздравил автора, а потом, спохватившись, сказал, что дает ему свое благословение на то, чтобы отливка удалась так же хорошо, как и модель. Это было окончательным признанием того, что памятник пришелся по душе жителям Петербурга. Антон Лосенко, который недавно вернулся из Парижа, сделал рисунок модели.

Лето 1770 года ознаменовалось значительными победами России в войне с турками. Русские агенты активно работали среди балканских христиан, и уже к концу 1768 года с Балканского полуострова стали доходить вести об их готовности поднять восстание против Турции. Начавшись в Черногории, восстание христиан охватило Албанию, Боснию, Герцоговину и Македонию. В Чесменской бухте русские корабли под командованием графа Орлова сожгли весь флот Оттоманской империи. По этому случаю в кафедральном соборе Петербурга состоялся благодарственный молебен, и в середине проповеди архимандрит Платон, сойдя со своего места, подошел к гробнице Петра Великого и, обняв статую основателя, сказал: «Ты даровал нам сию победу, ты, построивший среди нас первый корабль!»

Поздравляя Екатерину с победой, Вольтер писал: «Если Ваше Величество не может взять Константинополя в нынешнем году, что мне весьма досадно, то заберите хотя бы всю Грецию, и пусть у вас окажется прямое сообщение от Коринфа до Москвы». Екатерина продолжала поддерживать переписку с «фернейским отшельником», который называл ее то «Полярной звездой», то «Северной Семирамидой».

В это время Дидро в одном из своих писем предложил ей две надписи для памятника, изваянного Фальконе: «Петру Первому посвятила памятник Екатерина Вторая» и «Воскресшая доблесть привела с колоссальными усилиями эту скалу и бросила ее под ноги героя». Фальконе предложил более простой текст: «Петру Великому воздвигла Екатерина Вторая». Императрица сократила его еще больше: «Петру Первому – Екатерина Вторая». Всего одно слово исчезло из предложения Фальконе, но смысл надписи стал иным: Фальконе поставил Петра выше Екатерины, Екатерина поставила себя вровень с ним.

Но Екатерину II ждали новые испытания. В 1771 году в Москве началась эпидемия чумы и моровой язвы. Начался бунт, который перерос в грозное восстание под предводительством Пугачева. Дерзкий самозванец называл себя именем ее покойного супруга. Призрак Петра III даже из могилы грозил ей.

Как раз в это время некий антрепренер затеял строительство театра рядом с мастерской Фальконе. Разрешение на

строительство дал генерал Бецкой, заведовавший также и Конторой строений. Он удачно выбрал время, чтобы досадить скульптору, полагая, что Екатерине сейчас не до него. Стены и пол сотрясались, грозя разрушить мастерскую вместе с находившейся там моделью. Скульптор был вынужден вновь обратиться к Екатерине с жалобой на Бецкого, распорядившегося о строительных работах рядом с его мастерской. «Г-н Бецкой, чтобы довершить свое дело, задумал свести меня с ума и тем принудить меня просить отставки, – пишет Фальконе. – Как он хорошо знает людей. Он мог бы повести постройку так, чтобы не мешать нисколько ничему, касающемуся статуи; но не такова цель его, вот она. Фальконе, который мне надоел, Фальконе, который не унижается передо мною просьбами, потому что хотя я даю не много и редко употребляю свое влияние на пользу честных и достойных людей, тем не менее я хочу, чтобы не переставали меня просить; словом, Фальконе струсит, захочет уехать, я скажу, что так как его модель готова, то можно обойтись и без него, я поручу продолжать работу кому-нибудь другому, я напечатаю и заставлю печатать, что в труде Фальконе я сделал перемены, усовершенствования, отниму и у этого, как у стольких других, славу, которой так добиваюсь и которую он мне уступит; таким образом, работа окончена будет мною, потому что я хочу, чтобы казалось, что все делаю я… Если бы Ваше Величество сказали мне, что я с ума сошел со своими бреднями, то я осмелился бы отвечать, что если бы я в течение пяти лет не узнал этого человека и его образ действий в отношении других, то меня следовало бы посадить в сумасшедший дом. Рабочие и строители краснеют за тот необыкновенный, сумасбродный порядок, в коем их заставляют работать в этой постройке, они ничего не могут понять; я все объяснил бы им, сказав, что он делается в мою честь…»

Императрица снова помогает Фальконе, но письма ее становятся все более короткими и сухими. «Заключите перемирие с вашими врагами, как я с султаном», – просит она Фальконе. Но мог ли Фальконе заключить мир с человеком, подлость которого не знала границ? Тогда это был бы не Фальконе. Он мог простить, если бы дело касалось его одного. Но мог ли он простить Бецкому своих друзей, оклеветанных и уничтоженных этим страшным человеком?

Душа болела у него за Антона Лосенко, злобно преследуемого Бецким, в распоряжение которого несчастный художник поступил после своего приезда из-за границы. Бецкой загружал его множеством ничтожных поручений, не давая никакой возможности работать над картинами. Фальконе не мог

не вступиться за художника, и он решил опять написать императрице: «Уже давно я страдаю, не зная, к кому обратиться; я, впрочем, говорил, но безрезультатно. Речь идет о Лосенко, искусном, честном и несчастном. Всего лишь год, как он вернулся в Петербург, но и этого достаточно, чтобы испытать все тяготы под руководством Бецкого. Вы думаете, что он пишет Ваши картины. О, совсем нет! Он не пишет свои картины, хотя прошел превосходную выучку в Париже. Оглушенный, преследуемый, огорченный, обремененный тьмою академических пустяков, он не в состоянии коснуться кисти – его погубят несомненно. Он талантливейший среди своих соотечественников живописец, к этому остаются нечувствительны, им жертвуют. Если с художниками не станут обращаться лучше, то или будут одни посредственные художники, или они будут уходить».

Фальконе не мог не знать, что Бецкой возненавидит его еще больше за то, что он вмешивается в это дело, но он не мог спокойно наблюдать агонию прекрасного живописца. Императрица ответила, что справится у Бецкого о заказанных Антону Лосенко картинах. «После этого я перейду к внушению, скажу, что он мне нужен для моей галереи, и тогда придется мне его уступить», – грозилась Екатерина. Обещание осталось пустой фразой. Своим заступничеством Фальконе лишь осложнил положение Лосенко.

Зимой 1772 года директор Академии художеств Кокоринов тяжело заболел, а затем при непонятных обстоятельствах покончил с собой. Внутренние дела в Академии, оставшейся без руководства, сильно осложнились. Процветало воровство, финансовых ревизий не было несколько лет, учет был запущен и невероятно запутан. Академия обратилась к своему президенту Бецкому, чтобы он поручил исполнение директорской должности Жилле, которому по уставу как адъюнкт-ректору полагалось назначение на эту должность. Но неожиданно для всех Бецкой, сославшись на то, что Жилле не знает языка, решил назначить директором профессора по классу живописи Антона Лосенко.

Лосенко и не помышлял об административной карьере и вообще плохо представлял себе свои новые обязанности. Но выбора у него не было. Когда Лосенко наконец попытался вникнуть в запущенные дела Академии, он пришел в ужас от творимых там злоупотреблений в денежных делах. Понимая, что его самого могут осудить за растрату казенных денег, он пишет Бецкому бумагу за бумагой, но тот или молчит, или отвечает что-то невразумительное.

Новый директор Академии не протянул и года. Обязанности и заботы директора непрерывно возрастали. Лосенко был в

полном отчаянии. Он собирался совсем уехать из Петербурга, затем запил с горя, и сердце не выдержало – он умер осенью 1773 года от сердечного приступа, едва отметив свое 36-летие.

Фальконе часто бывал в его казенной холостяцкой квартире, забитой этюдами, эскизами и рисунками, где стояли лишь простая железная кровать, секретер, стол и несколько стульев. Почетное место занимала небольшая икона с изображением улыбающейся Богоматери с воздетыми руками.

– Это Богоматерь Знамение, – пояснил Лосенко. – Среди русских икон домонгольской эпохи Богоматерь Знамение – одна из самых древних, а всего от того времени сохранилось очень мало подобных икон. Такие иконы были широко известны в Византии, ведь искусство иконописи возникло на Руси с принятием христианства, и вместе с ним пришло из Византии. Но русские мастера недолго были учениками греков. Первым русским иконописцем, творившим в конце XI века, был Алипий Иконописец – монах Киево-Печерского монастыря. Ни одна из его икон не дошла до наших дней. Иногда мне кажется, что эта моя икона – единственная из чудом сохранившихся работ этого мастера, ведь на ней у Богоматери – истинно славянский лик. Икона эта случайно досталась моему деду в то время, когда старообрядцев-раскольников изгоняли из Киево-Печерской лавры.

Фальконе заинтересовался рассказом Лосенко. Взаимоотношения старообрядцев и Петра I давно интересовали его.

– Я слыхал, что во времена борьбы со старообрядцами их предводитель, протопоп Аввакум, был сожжен заживо, а его сподвижницу, боярыню Морозову, пытали и сослали в Сибирь. Множество старообрядцев были также казнены или отправлены в глушь. Преследования староверов часто связывают с именем Петра I, которого многие обвиняют в том, что он насильственно подавлял в своем народе национальные черты. Но это всегда казалось мне нелогичным, не так ли? – спросил Фальконе.

– Все было гораздо сложнее, – стал объяснять Лосенко. – Церковный кризис, вызванный новшествами Никона, и вековое раздвоение русской церкви начались еще до Петра, и даже до его отца – царя Алексея Михайловича. Тогда сильно сказывалось западное влияние, особенно после присоединения Малороссии, где сохранялись польские обычаи и католическая вера. Царь Алексей Михайлович был человек мягкосердечный, усердный богомолец и постник, им руководили как хотели. Никон имел неограниченное влияние на царя и вообще мечтал поставить священство и патриарха выше царской власти. Он в сущности и проводил все церковные реформы, которые сейчас приписывают

Петру I. Но ведь Петр был еще ребенком, когда церковный собор 1666 года предал старообрядцев анафеме и принял решение об их наказании. Аввакум был сожжен в 1682 году, незадолго до узурпации власти Софьей, сводной сестрой Петра I и его предшественницей. Никон отстранил Аввакума от исправления книг, так как тот не знал греческого языка. После этого Аввакум и Даниил подали царю Алексею Михайловичу записку в защиту двуперстия и стали доказывать, что внесение исправлений по греческим образцам оскверняет истинную веру еретическими нововведениями, что новейшая греческая церковь уже отошла от древнего благочестия, а ее книги печатаются в типографиях католиков. Время было смутное, и народ поддерживал последователей старой веры. Начались преследования староверов и уничтожение древних икон с изображением двуперстия. Петр I фактически стал царем в 1689 году и, придя к власти, он ослабил преследования староверов. Петр I всегда проявлял веротерпимость. «По мне, будь крещен или обрезан – едино, лишь будь добрый человек и знай дело», – часто повторял он. Петр утвердил самодержавие, то есть сильную центральную власть. Благодаря его неукротимой энергии Россия стала империей и вошла в ряд сильнейших европейских государств, но это было достигнуто ценой страшного напряжения всех сил в государстве. Для него не было ничего заветного в том, что оставалось позади, он смотрел только вперед. Простота и бескорыстная любовь к отечеству сделали его подлинно великим царем. Ради отечества он своими руками строил корабли, служил простым матросом и плотником на чужеземных верфях; Петр считал, что царь – первый работник и первый слуга государства, и в этом объяснение того, почему в народе его так почитают. Царь был суров, но справедлив. Он возвысил над потомственной знатью простых людей, открыл им дорогу, и это в немалой степени способствовало стремительному возвышению России…

Лосенко на минуту задумался и со вздохом добавил:

– Говорят, что под конец жизни Петр пал духом и разочаровался. Призвав на помощь топор и виселицу, он беспощадно карал казнокрадов, полагая, что те, кто не хочет служить ему за совесть, будут служить за страх, но ничто не действовало.

– Многие склонны считать, что существуют определенные периоды в жизни государства, когда требуется сильная самодержавная власть, подобная той, которую утвердил Петр, но потом приходит другое время, – сказал Фальконе.

– Я так не думаю, – покачал головой его собеседник. – Разумеется, Петр I мог бы поделиться властью с теми, с кем он

так сурово расправлялся. Может быть, ему стало бы тогда и полегче. Но это был бы уже не Петр Великий. Петр I никогда не мирился со злом, и жестокость, с которой он искоренял его, являлась благом, истинным христианским милосердием. Не случайно в русских иконах так часто встречается сюжет «Чудо Георгия о змие» – облик бесстрашного воина, побеждающего силы зла, воплощенные в образе змия.

Фальконе с воодушевлением поддержал его:

– Этот сюжет хорошо известен и в Европе. Именно поэтому я поместил змею, как символ подлости и коварства, под копытами своего всадника. Я хотел подчеркнуть этим, что он не тиран, он лишь убил дракона, спас страну, уничтожив зло, которое мешало свободному развитию России.

Лосенко вновь задумался, рассеянно глядя в окно, наконец, будто стряхнув с себя что-то, сказал:

– Змий стал воплощением зла и коварства еще с тех пор, как дьявол в его образе соблазнил первую женщину, а та – Адама, и они вместе познали запретный плод – яблоко познания добра и зла, после чего лишились рая. Как вы думаете, в чем заключалось это знание? В возможности творить себе подобных и в этом превзойти самого Бога?

Фальконе не нашелся, что ответить.

«Скажите, что сильнее, дух или плоть?» – спросил как-то художник у Фальконе.

«Я думаю, что дух», – ответил тот. «Ошибаетесь», – сказал Лосенко и отвернулся. Что-то неуловимо изменилось в его лице в последнее время. Но что? Мучительно вглядываясь в лицо художника, Фальконе искал ответ. «Лоб, – наконец догадался он, – куда пропало сияние лба?» Фальконе перевел взгляд на портрет молодой женщины в нарядном платье. Это была госпожа Хлюстина, дочь известного поэта Майкова. Женский портрет занял место иконы Богоматери, о которой художник когда-то рассказывал Фальконе. Лосенко, перехватив его взгляд, глухо сказал: «Я подарил икону». И вдруг, с отчаянием глядя на Фальконе, быстро проговорил: «Я скоро подохну, я это знаю, я чувствую это». Он резким движением отдернул полог, и перед Фальконе открылось большое незаконченное полотно. «Это будет моя последняя работа, – сказал он. – Прощание Гектора с Андромахой. Троянский царевич Гектор перед битвой прощается с женой и сыном, предчувствуя свою гибель перед лицом неотвратимого рока».

Лосенко поднял бокал, наполненный вином: «Вот магическое зелье, которое раньше готовили чародеи. От него змий заползает в душу, и она попадает в плен. Становится возможным сделать то,

что никогда бы не сделал трезвым».

Лосенко хрипло рассмеялся: «Последнее время мне часто вспоминается детство. Когда я потерял голос, то очень огорчался из-за этого. Но это несчастье помогло мне найти свое истинное призвание, я стал художником. Я художник, – повторил он и горестно воскликнул: – Но разве я художник? Я директор Академии художеств, и я ничего не могу! В детстве меня отдали в обучение к Ивану Аргунову. Он был крепостным графа Шереметева, который владел тремястами тысячами душ. Граф был очень капризен, он помыкал художником, как хотел и, чтобы покуражиться, посылал его работать на псарню. Я не крепостной, я свободный, но я имею свободы не больше, чем мой несчастный учитель!» И Лосенко зарыдал, как ребенок, уронив голову на колени.

В последний путь Антона Лосенко провожал весь Петербург. «Ломоносовым русской живописи» назвал его на похоронах его друг актер Дмитриевский.

Эта нелепая смерть потрясла Фальконе. Ненависть его к Бецкому росла, но он был совершенно бессилен. Императрица совсем охладела к нему, она уже почти перестала отвечать на его письма. В этой войне она решила выбрать молчание.

Фальконе выводили из себя грязные слухи, которые распространялись о нем и Колло в Петербурге. Они были связаны с соавторством Колло в создании монумента Петра Великому, а именно в изображении головы героя. Голова Петра долго не удавалась самому Фальконе – недоставало портретного сходства: ведь Фальконе не был портретистом. Множество портретов Петра I и даже его посмертная маска, предоставленная в его распоряжение, не удовлетворяли его – чего-то главного недоставало во всех портретах императора. К тому же, занятый решением тысячи других вопросов, он не мог сосредоточиться. Вынужденный постоянно отвлекаться, подгоняемый временем, он уже начал волноваться и совсем пал духом. Видя отчаяние своего учителя, Мари Анн самоотверженно бросилась ему на помощь. Ей помог случай: в доме на Мойке, который после смерти хозяина поступил в казенную собственность, Григорием Орловым было найдено несколько картин, в том числе обнаружен портрет Петра I. Авторство картины установить не удалось, но несомненно, что она принадлежала кисти талантливого и зрелого мастера. Петр был здесь совсем не таким, как его принято было изображать на картинах других художников: простая одежда, никаких знаков царской власти. Нет ни сверкающих рыцарских лат, ни царской мантии, ни других признаков, указывающих на его императорское величие. И все же с холста смотрел император.

Он угадывался по величию натуры, которая выказывала себя в каждом штрихе. Луч света выхватывал из темноты лицо человека пытливого ума, большой воли и сильных чувств. Заполучив портрет, всего лишь за одну ночь, в одном порыве Колло нашла то единственное решение, которое и легло в основу памятника. Фальконе совсем немного изменил уже готовую модель.

Скульптору и в голову не приходило приписать себе труд своей ученицы, и он везде с гордостью говорил о том, что именно ей принадлежит заслуга создания головы героя. Но вопреки его ожиданиям, похвалы эти имели обратный результат. С подачи Бецкого, скептически воспринявшего эту новость, в Петербурге распространились слухи о том, будто скульптор старается таким образом отблагодарить за известные услуги, которые ему оказывала одна особа, вовсе к скульптурному делу не способная, но которую он представляет всем как скульптора, чтобы иметь повод держать подле себя. Подобные слухи имели хождение и раньше, но теперь они, кажется, имели под собой почву. В то утро, когда Фальконе увидел сделанную Колло модель, радость его была столь велика, что он, сжав Колло в своих объятиях, стал покрывать ее лицо поцелуями. И в ту минуту, когда губы их встретились, Фальконе забыл обо всем и вновь переступил незримый порог, за которым для него началась другая жизнь…

Гнусные сплетни о Фальконе и Колло достигли Парижа. Все это не могло не стать известным Дидро. Он послал несколько тревожных писем Фальконе, пытаясь выяснить истину. Фальконе не отвечал на эти письма. Дидро не понимал ужасного положения, в котором оказался Фальконе. «Все спрашивают меня, женаты ли Вы, я говорю, что нет, я знаю единственную женщину, на которой Вы могли бы жениться…» – пишет он Фальконе, не понимая, что это уже стало невозможным. Жениться на Мари Анн теперь, после появления всех этих слухов, значило подтвердить их. И Фальконе молчал. А тем временем Дидро неожиданно для всех собрался в Россию.

Екатерина II много раз приглашала его приехать, но он неизменно отказывался, ссылаясь на нездоровье и дела. В 1773 году ему исполнилось 60, так что его уже и приглашать перестали. Теперь он решил приехать сам. Впрочем, недавно он выдал замуж свою единственную дочь Марию Ангелику. Энциклопедия была уже почти закончена, вышли 17 томов текста, а оставшиеся 11 томов гравюр и приложений уже давно выпускались практически без его участия. К тому же Дидро помнил печальное предприятие с де Ла-Ривьером, которого он в свое время рекомендовал императрице, и желал своим приездом исправить неблагоприятное впечатление, оставленное им в

России. «Неудача Ривьера грозит испортить в России дело просветителей, поэтому я решил, что мне самому надо исправлять ошибки Ривьера. Я переписываюсь с русской императрицей уже десять лет и думаю, что мне надо приехать. Я продумал во всех подробностях план государственных преобразований в России, который я намерен изложить лично Екатерине, отнюдь не претендуя на роль министра-реформатора или вообще на какой бы то ни было официальный пост», – написал он Фальконе.

Узнав о намерении Дидро приехать в Россию, императрица задумалась. Через некоторое время Колло получила приглашение и заказ императрицы сделать к его приезду копию того бюста Дидро, который она когда-то сделала в Париже. Колло к тому времени уже закончила бюст Фальконе, заказанный ей императрицей. Она привезла его, приехав вместе с Фальконе в Царское Село. Скульптор был рад этому приглашению. Долгое молчание императрицы в ответ на его письма беспокоило его. Императрица, улыбаясь, вышла, чтобы взглянуть на работу Колло. Улыбка тут же сошла с ее лица.

С радостью, любовью и нежностью мраморная голова скульптора смотрела на кого-то мимо нее. Екатерине все стало ясно без слов. Проницательно взглянув на Колло, императрица обронила несколько ничего не значащих фраз и распорядилась поместить бюст в одной из галерей дворца. На прощанье она решила показать гостям последнюю коллекцию картин, привезенную из Франции. Фальконе вновь увидел «Паралитика». «Кажется, эта картина преследует меня», – подумал он, но вслух сказал: «Это одна из лучших картин Грёза, «Паралитику» Грёза не посчастливилось во Франции. Я не сомневаюсь, что эта картина займет достойное место в вашей галерее». Здесь же стояла еще одна картина. Фальконе, пораженный, остановился перед ней. «Возвращение блудного сына!» – воскликнул он. – Я помню эту картину еще на аукционе 1766 года, на распродаже коллекции архиепископа Кёльнского!» Теперь «Блудный сын» нашел его в России, будто для того, чтобы зачем-то еще раз напомнить о себе.

Дидро в России

День приезда Дидро неумолимо приближался. Фальконе ждал его с ужасом. В это время в Петербурге появился его сын Пьер Этьен. Он прибыл в Россию из Англии, где учился живописи у Рейнольдса. Пьер Этьен не скрывал своего восхищения Колло. Скульптор старался не замечать этого. Однажды девушка явилась взволнованная чем-то. «Пьер сделал мне предложение», – сообщила она. Фальконе молча смотрел на нее. Жизнь сама предлагала ему выход. И мог ли он мешать своему сыну? Колло заплакала. «Я люблю вас», – сказала она. «Я уже стар, и, став моей женой, ты скоро станешь вдовой. Ты должна выйти замуж за Пьера». Колло умоляюще прижала руки к груди, слезы текли из ее глаз. Но Фальконе был неумолим.

Когда новость дошла до императрицы, та долго недоверчиво молчала. Наконец она сказала, что желала бы заказать молодому художнику портрет его невесты. Через месяц портрет Колло был готов и доставлен императрице. Тревожное лицо Марианны глядело на Екатерину с холста. Нет, оно вовсе не было похоже на лицо счастливой невесты. Но вникать в подробности ситуации, а тем более вмешиваться в нее императрица, разумеется, не стала. Тем более, что она и сама была занята приготовлениями к свадьбе своего сына.

1 июля 1773 года в Царское Село прибыла ландграфиня Каролина Гессен-Дармштадская с тремя дочерьми по случаю бракосочетания одной из них, великой княгини Натальи Алексеевны, с великим князем Павлом Петровичем. В честь этого были организованы большие торжества. Ландграфиня вместе с дочерьми побывала в мастерской Фальконе и, осмотрев конную статую, осталась ею очень довольна. Она выразила также восхищение работой Колло над головой всадника. Принцесса удостоила Колло весьма лестным знаком внимания, сказав, что она надеется получить бюсты великого князя и великой княгини ее работы. Екатерина II в свою очередь заказала Пьеру Этьену их живописные портреты, а также свой портрет в полный рост. Все складывалось как нельзя лучше. Фальконе-отец в своих письмах благодарил императрицу за оказанную его сыну честь, которой, безусловно, заслуживали только самые известные живописцы.

Со дня на день ждали приезда Дидро. Французское правительство не препятствовало отъезду Дидро в Россию и даже способствовало в какой-то мере этому. Дюран, министр Людовика XV, надеялся сделать Дидро посредником в дипломатических переговорах между Россией и Францией и

перед отъездом пытался внушить Дидро, чего ждут от него как от француза. Тот обещал по возможности избавить русскую императрицу от предубеждения, которое у нее есть в отношении Франции.

Перед прибытием в Петербург Дидро три месяца пробыл в Гааге у князя Голицына, с которым обсуждал содержание возможных политических и экономических предложений императрице, а также тонкости русского этикета. Предстоящая поездка должна была стать первым опытом такого близкого общения Дидро с придворными кругами, и он надеялся с помощью князя Голицына предотвратить возможные промахи.

Дидро прибыл в Петербург в конце сентября. Его сопровождал встретивший его на границе грек Бала. Дидро ехал в приятном обществе молодого князя Алексея Васильевича Нарышкина, который лечился на водах и теперь торопился домой, чтобы успеть на свадьбу великого князя Павла Петровича. Нарышкин предложил ему остановиться у него, но Дидро, несмотря на усталость, решил немедленно ехать к Фальконе. Однако тот принял его довольно холодно. Извинившись, он сказал, что не может отвести ему помещение, так как назначенная для него комната занята недавно приехавшим из Лондона сыном Пьером. Дидро пришлось написать записку Нарышкину и просить о гостеприимстве. Нарышкин прислал за Дидро карету, и тот жил у него до самого своего отъезда.

Дидро был потрясен таким приемом своего друга, это казалось ему странным и необъяснимым. Но Дидро не мог долго держать обиды на Фальконе, и вскоре они встретились у него в мастерской. Там он наконец увиделся с Колло и познакомился с ее женихом – сыном скульптора.

Осмотрев модель памятника, Дидро выразил скульптору свое восхищение: «Герой и конь в вашей статуе сливаются в прекрасного кентавра, человеческая, мыслящая часть которой составляет своим спокойствием чудесный контраст с животною, вздыбленною частью. Это удивительный сплав человека и умного, преданного животного, слитых в одно существо. Ваш конь мощен и грандиозен, его голова полна ума и жизни. Он обладает такой же страстью и силой, как и сидящий на нем могучий всадник. Это конь, который подчинится не каждому, он может и сбросить наездника. Но этому седоку он послушен. Ни напряжения, ни труда не чувствуешь нигде, подумаешь, что это работа одного дня. Труд этот, друг мой, как истинно прекрасное произведение, отличается тем, что кажется прекрасным, когда видишь его в первый раз, а во второй, третий, четвертый раз представляется еще более прекрасным, покидаешь его с сожалением и всегда

охотно к нему возвращаешься. Видимо, и почва, и воздух России благоприятны для французских художников, которые получают возможность осуществить здесь то, что не смогли сделать у себя на родине. Вы прирожденный монументалист, но не смогли получить во Франции ни одного заказа, соответствующего вашему призванию, вы были там обречены на жалкую участь придворного мадригала и не смогли бы проявить свой талант хотя бы потому, что во Франции не было для этого достойной личности. Но я должен вам сказать, что в Париже есть немало людей, которые не пожалели бы двадцать луидоров, чтобы ваша статуя сломалась при установке. Они не проявили бы отчаяния, если бы вы попали под нее».

Фальконе усмехнулся. Он понял, что Дидро имеет в виду литейщика Эрсмана, приглашенного в Россию Бецким для отливки статуи Петра I. Эрсман оказался шарлатаном, порученная ему пробная отливка статуи амура не удалась, и Фельтен, сменивший Ласкари и отвечавший теперь за отливку, убедившись в полной несостоятельности литейщика, потребовал его увольнения. Эрсман вернулся во Францию, но его помощник Помель был оставлен Бецким при Фальконе. Оказавшись в Париже, Эрсман с усердием принялся распространять о Фальконе и его помощнице Колло самые грязные сплетни, которые в конце концов дошли до Дидро и так взволновали его.

Всего этого Фальконе не стал рассказывать Дидро. «Такие люди есть и здесь, в Петербурге», – всего лишь с горечью заметил он. Дидро внимательно посмотрел на скульптора. До него доходили слухи о его отношениях с Бецким. «Должен вам сказать, что часто вы сами виноваты в этом, думая о своих собственных обидах, – решил он высказать Фальконе свое мнение. – Мне кажется, когда человек из плоти, он не должен думать, что другие из мрамора. Вы легко верите злу; ваша впечатлительность показывает вам его в преувеличенном виде, поэтому мало кому другому было бы так опасно, как вам, сближаться с непорядочным человеком: один злой язык может перессорить вас со всей столицей».

Фальконе ничего не ответил на упреки Дидро. Мог ли философ, случайно и ненадолго залетевший в Россию, понять все трудности иностранца, уже семь лет ведущего борьбу за своего Петра?

Но и Дидро вскоре пришлось вкусить все прелести придворного интриганства. Дидро предполагал встретиться с государыней два-три раза на официальных аудиенциях, но радушие императрицы превзошло все его ожидания. Двери кабинета Екатерины были открыты для него каждый день с трех

часов до пяти, а иногда и до шести. Беседы проходили без свидетелей. Естественно, что их содержание волновало всех. Придворных больше всего беспокоило, не внушает ли Дидро императрице опасные мысли относительно отмены крепостного права в России. Другие уверяли, что этот безбожник Дидро будто бы убеждал императрицу в опасности религиозной морали, но она ответила философу, что верит в бога.

Вначале над Дидро просто подсмеивались, особенно когда он являлся ко двору в черной тоге академика. Дидро не считал зазорным это подчеркивать, ведь он был членом двух академий. Постепенно слухи становились все злее и ядовитее. При дворе сплетничали, что Дидро в разговорах с императрицей вел себя совершенно неподобающим образом: позволял себе брать императрицу за руку, стучать кулаком по столу и даже сбрасывать с себя парик, чтобы доказать сходство с бюстом, сделанным по памяти госпожой Колло. Слухи об этих вольностях скоро пошли гулять по городу и даже перешли за границу, где были сильно раздуты газетчиками. Скандальности им добавила и сама императрица, которая в своем письме в Париж к госпоже Жоффрен написала, что велела поставить стол между собой и Дидро, так как без этой предосторожности после всякого разговора колена ее оказывались избитыми до синяков.

Академик Левицкий взялся написать портрет Дидро.

– Но у меня такое лицо, которое обманывает художника, – сказал ему Дидро. – У меня сто различных физиономий на день, смотря по предмету, которым я занимаюсь. Пожалуй, самым удачным был лишь один портрет: там у меня счастливое лицо идиота, схватившего за хвост знание. Ведь я философ, такой же, как и другие, то есть ребенок, болтающий о важных вопросах.

Императрица проводила долгие часы в разговорах с Дидро, выслушивая его суждения обо всем, не исключая и государственных дел. Она с похвалой отозвалась об Энциклопедии, заметив, однако, что в ней много такого, с чем она не может согласиться.

Дидро на это со вздохом заметил:

– Четверть века, отданные Энциклопедии, научили меня смирению. Я и сам согласен не со всем написанным. Правительство преследовало нас. Публику удивляет нелогичность и несообразность многих статей, особенно в последних томах Энциклопедии. Дело в том, что Лебретон, издатель Энциклопедии, из трусости выбросил и сжег многие оригиналы статей. Выбрасывая куски, он не старался связывать оставшееся. Это сейчас я спокойно говорю об этом, а тогда я был близок к помешательству, я кричал и хотел отказаться от авторства. Вы

знаете, что три-четыре неудачных выражения могут убить самую прекрасную книгу. Добавьте к этому вообще некоторую сумбурность моего стиля. Я работаю очень просто. Когда мне в голову приходит удачная мысль, я сразу же записываю ее на отдельном листке. Потом, когда я сажусь писать статью, я просто пронумеровываю эти листки в той последовательности, какая необходима.

Дидро намеревался разработать свой план образования молодых людей в России от азбуки до университета. Он изложил императрице свою систему образования, основанную главным образом на соревновании и соперничестве учащихся, к которому должны быть допущены все сословия. Дидро также говорил Екатерине о необходимости проведения конкурсов даже на самые высокие должности в государстве.

– Система конкуренции вообще универсальна. Действие стихийных рыночных сил и конкуренции ничем не должно быть ограничено. Вредна всякая монополия. С этой точки зрения я хотел бы предостеречь Ваше Величество от создания монопольных компаний для внешней торговли по примеру Англии и Голландии. Это неизбежно приносит вред государству. Крупные компании с монопольными правами, предоставляемыми государством, должны существовать только как временная и чрезвычайная мера, исключение из общего принципа свободы торговли, – убеждал он императрицу. – Исключение может быть сделано лишь для торговли водкой. На Западе дурная слава о кабаках в России. История колониальных стран, особенно Северной Америки, показала, какую страшную роль играла торговля водкой.

Екатерина пропустила эту тираду мимо ушей.

– До революции все отрасли торговли в России находились в руках монополий, которые я уничтожила, – с гордостью сказала она. – В своем Наказе я написала, что торговец не связан с государством никакими узами: одни лишь монополисты и ростовщики не получили никакой свободы.

Дидро энергично запротестовал:

– Я тоже противник ростовщиков, но я не поддерживаю издания законов, направленных против ростовщичества, ибо в прошлом такие законы обычно приводили к прямо противоположным результатам. Сколько ни сочиняй законов против мотовства и глупости, все они будут бесполезны, так же как и законы против самоубийства. Законы против ростовщичества создают только мошенников и бесчестных людей. Защищать интересы должников лучше всего, содействуя торговле деньгами, а не стесняя ее. Деньги – такой же товар, как и всякий

другой. Если бы имелась возможность купить деньги у каждого, то это возбудило бы конкуренцию между торговцами и цена на товар снизилась бы. Стоимость денег может колебаться так же, как и стоимость всех других товаров, по правилу большего или меньшего спроса на них. Вредные последствия деятельности ростовщиков нужно уменьшать открытием ломбардов и ссудных касс. Чтобы люди не шли к ростовщикам и не платили им чрезмерно высокие проценты, надо создать им возможность обходиться без услуг ростовщиков.

Дидро убеждал императрицу в необходимости создания в России торгового сословия – третьего чина, как здесь его называли.

– Считать торговца тунеядцем недопустимо, – утверждал Дидро. – Покупая продукты и доставляя их потребителю, торговец тем самым освобождает производителя от больших потерь времени и труда. Люди с коммерческим складом ума в государстве должны быть на вес золота. Другое дело – дворянство и духовенство.

Екатерина насторожилась:

– Но они несут функции духовные и управленческие, а для этого должны быть освобождены от всяких других обязанностей.

Дидро возражал. Он считал, что в России слишком много монастырей, где обитают одни бездельники. Для такой огромной страны, как Россия, имеет большое значение привлечение к полезному труду всех классов общества. Для освоения обширных пространств России, особенно на севере и в Сибири, не делается почти ничего, если не считать того, что, например, преступников ссылают на Соловки.

Императрица полагала, что увеличению населения России способствовало правильное решение ею еврейского вопроса.

Евреи были изгнаны из России в 1742 году, в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, но в 1764 году, после прихода к власти Екатерины II, были вновь допущены жить и торговать в России, особенно много их поселилось в Заднепровской губернии, Новороссийске и Белоруссии.

– Многие считают, что это может породить новые проблемы, – рассуждал Дидро. – Евреи плохо ассимилируются среди местного населения, поскольку кровосмешение у иудеев рассматривается как преступление.

Дидро придерживался мнения, что столицей Российского государства должна быть Москва, так как она удалена от границ и хорошо защищена.

Императрица во многом соглашалась с Дидро, пока речь не зашла о ее Наказе.

– Власть должна сохранять преемственность, чтобы монарх думал на много лет вперед, – рассуждала она. – Но ничто так сильно не подрывает устои царской власти, как самовластная тирания. Я всегда считала лучшей формой правления ту, где государь подчиняется законам и в некотором отношении отвечает перед судом общественности. Поэтому я созвала комиссию по Уложению и издала свой Наказ.

– Вольтер назвал его величественным и мудрым, – уклончиво сказал Дидро.

Императрица испытующе взглянула на него:

– Я знаю мнение господина Вольтера, которому послала петербургское издание Наказа еще в феврале 1769 года. Но в данном случае меня интересует, что думаете вы по этому поводу.

Дидро дипломатично промолчал, но затем, решившись, все-таки решил высказать свое мнение по этому щепетильному вопросу:

– Я считаю, что в каждом законе должны быть гарантии. Закон должен давать не только права, но и возможности их осуществлять. Я вижу в Наказе проект превосходного свода законов, но в нем нет ни слова относительно способа обеспечить его незыблемость. Я вижу, что здесь отказались от слова «деспот», но само явление остается, и деспотизм называется монархией. Здесь упразднены слова «раб» и «холоп», но не само рабство.

Заговорив о крепостном праве, Дидро наступил на самую больную мозоль императрицы. Екатерина покраснела.

– Существует закон Петра Великого, запрещающий дворянству называть своих крестьян рабами, – раздельно произнесла она. – Что касается закрепления: крестьяне в России не имеют склонность к перемене мест и привержены той местности, где они живут.

– Но получить свободу не означает сразу же переселиться в другую местность, – возразил Дидро. – Скорее наоборот. Я позволю себе некоторые аналогии. Нерасторжимость брака противоречит непостоянству, столь естественному у мужчин. Постепенно утрачивается домашний покой и начинается ад. Там, где развод облегчается, это укрепляет семью, так как супруги уступают друг другу в спорах и реже расходятся.

Императрица рассмеялась.

– Ваш пример не совсем удачен. Я всегда была против разводов. Что касается крепостных, то я думаю над тем, чтобы издать закон, по которому все русские люди, родившиеся начиная с текущего года, в любом сословии, считались бы свободными гражданами. Но при этом я сознаю, что общество в России еще не созрело для гражданских свобод. В определенные периоды

крепостное право является существенной необходимостью. С развитием народа надобность в опеке отпадает. Крепостное право сейчас является системой попечительства государства над подданными, которое государство передоверяет дворянству. Эта система призвана сделать крестьян более свободными и счастливыми, оградив их от притеснений мелких чиновников. Дворяне являются посредниками между крепостными и казной, в их собственных интересах защищать крестьян от хищности губернаторов и чиновников. Помещикам не выгодно угнетать крестьян и лишать плодов их труда, так как от благосостояния и богатства крестьян увеличиваются и доходы помещика. Ведь каждый хозяин, обладающий здравым смыслом, старается обходиться со своей коровой бережно, не истязая ее и не требуя чрезмерного удоя. Никто не станет истощать источник собственных богатств. У нас есть и государственные крестьяне, но гораздо лучше быть крепостным у помещика, чем у государства. Государственные крестьяне живут хуже, чем помещичьи, так как они ничейные. Опыт показал, что там, где прекращается над ними власть помещика, начинается произвол или, вернее, самовластье каждого мелкого чиновника, который под предлогом исполнения службы начинает грабить их. Поэтому я намерена раздать государственные земли с крестьянами наиболее энергичным и достойным своим дворянам, которые смогут управлять ими. Пока казна ничего, кроме убытка, не получает от государственных имений. Кроме того, в основании наших законов имеется противоядие против тирании помещиков: губернатор вместе с предводителем дворянства и депутатами своей губернии может избавить крестьян от бесчеловечных притеснений помещика и передать их вместе с поместьем под особую опеку, состоящую из выборных дворян. И это неправда, что наши крепостные знают только черный труд. Знаете ли вы, какой театр у графа Шереметева? И что его крепостные знают грамоту, обучаются наукам и ремеслам? Помещику есть интерес учить своего крепостного, так как он точно знает, что тот не уйдет к другому хозяину без его желания и его труды не окажутся напрасными. Крепостное право для крестьян необходимо так же, как и наследственная царская власть в государстве, которая заставляет государя думать о последствиях своих действий для будущих наследников этой власти, в отличие от временщиков, заботящихся лишь о сиюминутной выгоде.

Дидро со скептическим видом выслушал эту длинную тираду императрицы.

– Но человек, лишенный свободы и собственности, находящийся под чужой властью, жить хорошо не может, это

очевидно. Конечно, можно привыкнуть ко всему, даже к тюрьме, но это не есть естественное и наилучшее состояние человека. Я знаю: у вас в России сейчас происходят волнения крестьян, которые убивают своих хозяев.

– Это волнения скорее на почве религиозных верований. Предводитель бунтовщиков Емельян Пугачев – старообрядец, провозглашающий борьбу за старую веру. Такие волнения периодически происходят в России. Сто лет назад крестьян возмущал другой старообрядец и противник официальной церкви Степан Разин. Нынешний бунт, без сомнения, вскоре будет подавлен, как и прежние волнения на религиозной почве, и в государстве восстановится спокойствие, – решительно заявила Екатерина.

Она знала, что говорила: через год предводитель восставших крестьян Емельян Пугачев будет схвачен и казнен в Москве при огромном стечении народа. Призрак Петра III наконец оставит ее навсегда.

Дидро слушал императрицу с сомнением. Ему было известно, что лже-Петр III обещал крестьянам свободу.

– Вера всегда была лишь предлогом, – сказал он. – Истинная же причина мне представляется в другом. Правительство может прибегать к радикальным средствам подавления восстаний крестьян. Однако силой можно устранить внешние проявления, а не причину восстаний. Следует лечить саму болезнь, а не ее симптомы. Я не защищаю этих бунтовщиков, я лишь говорю, когда и при каких условиях крестьяне не восстают. Есть превосходное средство для предупреждения волнений крепостных – сделать так, чтобы вовсе не было крепостных.

– Я пока не вижу никакой необходимости избавляться от крепостной зависимости крестьян, – продолжала упорствовать императрица.

– Не влияет ли такое положение земледельцев на качество обработки земли? – задал вопрос Дидро.

– Наши провинции со свободным населением, например, Запорожская Сечь, производят не больше хлеба, чем провинции с крепостным трудом, – уверенно заявила Екатерина.

– Но не есть ли это результат насилия и жестокости по отношению к крепостным? – продолжал допытываться Дидро. – Ведь при такой системе крестьяне не могут хорошо работать иначе как под страхом наказания.

Екатерина задумалась, затем со вздохом сказала:

– Не думайте, что меня не возмущает то, что вы имеете в виду. Здесь в России, дети с самого нежного возраста видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами.

Нет ни одного дома, где не было бы железных ошейников, кнутов и других инструментов, чтобы мучить за самую малейшую оплошность тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, который не смог бы без преступления разбить свои оковы. Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как и мы, как рискуешь быть закиданной за это камнями. Когда в комиссии для составления нового Уложения начали затрагивать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, даже самые гуманные защищали неистово и страстно крепостную зависимость. Я тоже понимаю, что ими руководила в этом предрассудке плохо понимаемая выгода, но и тогда и сейчас очень мало было людей в России, которые хотя бы подозревали, что для слуг могло быть другое состояние, нежели рабство. Я постаралась, чтобы сочинения французов распространились в России. Недавно в Москве судили помещицу из очень знатного рода Салтыковых. Она обвинялась в том, что забила до смерти 130 душ крепостных. Правда, она так и не призналась в этом и все время утверждала, что ее оговорили по злобе. Мне подавали челобитную о том, чтобы пытать эту женщину; я этого не позволила. Но многие свидетели подтверждали ее вину, и она была осуждена на пожизненное заключение. И все-таки я утверждаю, что наша система гораздо гуманнее системы английской аренды, которую проповедовал у нас господин де Ла-Ривьер, где вместо палки и ошейника голод и нищета создают еще худшее рабство. Наши крестьяне живут не хуже, чем крестьяне в Западной Европе, и отношения между крепостными крестьянами и помещиками в общем-то хорошие. Они пользуются большей свободой, чем крестьяне в Европе, по крайней мере они всегда получают кров и пищу. В России знают, что принес с собой строй, основанный на частной собственности и личной свободе в Англии. Для большинства наших крестьян свобода была бы несчастьем. Да, крестьяне у нас не свободны, но они не умирают от голода, как наемные рабочие в Англии. Что дала им такая свобода, кроме права превратиться в нищих батраков и умереть от голода? Чем же лучше крепостного права общество наемного рабства, в котором люди превращаются в наемных поденщиков? Разве что тем, что заставляет раба самого искать себе господина, который снимает с себя всякую ответственность за него?

– Я как раз не считаю, что аренда на английский лад – лучшее решение вопроса, – мягко сказал Дидро. – Большое количество неимущих в Англии – это извращение естественного закона, результат существования разного рода корпораций, закрывающих трудолюбивым людям путь к проявлению своих способностей и обрекающих их на безделье, голод и

преступления. Тот строй, который представляется мне естественным, – это строй простых и равных производителей, имеющих собственность. Те, кто землю своим трудом не обрабатывают, не должны быть и ее собственниками. Но как привести общество в естественное состояние? Я считаю, что первое, что нужно предпринять в России, – это сделать всех граждан свободными частными собственниками, обеспечить охрану собственности и установить справедливые налоги. Крестьян нужно немедленно освободить от рабства, и притом с землей. Каждый крестьянин должен иметь надел, кормиться с него и кормить других. Без этого невозможно превращение России в процветающее государство!

– Вы преувеличиваете мои возможности как правительницы, – устало сказала императрица. – Нельзя тащить людей к наилучшему общественному устройству наперекор их воле. Если бы я упорствовала в своем Наказе, то давно лишилась бы трона. Я хорошо понимаю великие принципы, вами руководящие, но ведь с такими принципами можно только писать хорошие книги, а не дело делать. Составляя планы реформ, вы забываете разницу в наших положениях. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит. Она плотна, гладка и не ставит никаких препятствий ни вашему перу, ни вашему воображению, тогда как мне, бедной императрице, приходится иметь дело с кожей человеческой, очень раздражительной и щекотливой. Пришлось бы совершить множество несправедливостей в отношении привилегий, прав, отличий и тому подобное, из которых одни были предоставлены в виде наград за оказанные услуги, а другие куплены за большие деньги. Вы думаете, это так просто – лишить кого-то его привилегий? Не могу же я разогнать всех и править в одиночку. Критиковать легко, а создавать трудно – вот что скажет каждый на ваши замечания.

У вас нет ни благоразумия, ни знания обстоятельств. Если бы мой Наказ был в вашем духе, то я все должна была бы перевернуть верх дном в моей империи: законы, администрацию, финансы и политику; все это я должна была бы уничтожить и заменить фантастическими теориями. И ради чего? Ради сомнительной пользы реформ, которые потрясают основы государства. К тому же я склонна считать, и так считают многие мои подданные, что самодержавное право и наследственная царская власть, как и самодержавная власть помещика над крестьянами и есть естественное право и естественные отношения, соответствующие сущности вещей и естественной тяге людей к защищенности. И я не собираюсь менять их на ложные идеи умозрительной философии, призывающей

опрокинуть старые порядки, чтобы заменить их новыми, абсолютно чуждыми высшему социальному и политическому порядку. Стоят ли они того, чтобы приносить им в жертву все достижения века трудов, покой и счастье подданных?

Встретившись с Фальконе после этой беседы с императрицей, Дидро сокрушенно говорил:

– Общество в России пока не готово к тому естественному строю, который основан на личной свободе, юридическом равенстве и частной собственности. Оно не может сразу перемениться, оно должно созреть для подобных реформ. Вряд ли найдется монарх, который смог бы всерьез пренебречь мнением и предрассудками придворных и последовал бы за философами. Екатерина не может пойти на столь радикальные перемены, так как это привело бы к ее полному разрыву с дворянством. Большинство русских дворян считают, что строй, который существует, и является естественным, и они отстаивают это столь рьяно, что считают другую точку зрения несовместимой с русской национальной гордостью. Даже там, где они говорят об ограничении монархии, они понимают под этим замену самодержавной власти монарха конституционным правлением нескольких знатных родов, с предоставлением известных политических прав и родовому дворянству. После переворота Екатерине надеялись вручить регентство, но она вопреки планам заговорщиков с помощью гвардии захватила царскую власть. Но всякое произвольное правление дурно. Деспот, пусть он будет лучшим из людей, управляя по своему вкусу, совершает злодеяние. Я советовал императрице в вопросе распределения ролей в управлении государством и предлагал ей отречься от своей власти полностью или частично в пользу представительного собрания парламента, контролирующего действия монарха. Я знаю, что Екатерина не хочет деспотизма, ведь она созывала Комиссию для составления законов. Но в ее Наказе нет того, как отречься от деспотизма и найти способы воспрепятствовать его возрождению. Я полагаю, что первым шагом, враждебным тирании, было бы то, что наследника престола выбирал бы не отец, а нация. Я не против того, чтобы была сильная центральная власть, но она должна быть выборной. Я уверен, что народ, если его не развратили, изберет наиболее честных и достойных своих представителей…

Фальконе сочувственно слушал Дидро, но все же не согласился с ним:

– Выборная власть никогда не сможет быть сильной. Вы правы: наследственная власть чревата злоупотреблениями, но, с другой стороны, она заставляет заботиться о будущем нации,

тогда как выборная власть, подобно арендатору на земле, – лишь о сроке своего правления. Но мне кажется, что в России и так ограниченная монархия, правда, не конституцией, а придворными, с которыми она вынуждена считаться. Я бы предпочел такую конституцию, которая бы ограничила их власть. Здесь нужен был бы Петр Великий. Мало найти самый лучший и разумный порядок, надо еще суметь провести его в жизнь.

– Да, императрица не настолько безрассудна, чтобы идти против большинства своих придворных, она не может не считаться с мнением и пожеланиями тех, с кем она делит власть, а тем более идти им наперекор, – согласился Дидро. – Поэтому для нее оставить все как есть – это наилучший способ удержаться у власти. Поэтому, возможно, что она действительно права в своей осторожности.

Фальконе удивленно взглянул на Дидро.

– Да-да, я именно это хотел сказать. Я настойчиво убеждал ее в том, что частная собственность совершенно необходима для обеспечения свободы и независимости граждан. Это для меня несомненно. Но как при этом обеспечить равномерное распределение дохода и избежать нищеты – вот вопрос вопросов, на который пока не удалось ответить никому.

Всю зиму Дидро провел в Петербурге, но уже ранней весной он засобирался в дорогу. Король Швеции Густав III и прусский император Фридрих II наперебой приглашали его заехать к ним на обратном пути, но Дидро отказался от визитов, сославшись на нездоровье, и поехал домой через Дрезден. Фридрих II был так рассержен нежеланием Дидро проехать через Берлин, что унизился до сочинения против него ругательного памфлета. Он написал, что никогда не мог выносить сочинений Дидро, в которых «царствует такое самодовольство и высокомерие, что это стесняет мою свободу». «Вернее, его деспотизм», – не остался в долгу Дидро. Как и Вольтера, общение с царствующими особами уже не привлекало его. К тому же он понимал, что их интересует не столько его скромная особа, сколько содержание бесед с Екатериной II, особенно после побед русского оружия на Востоке. Война с Турцией завершилась блестящей победой России: 7 июля 1774 года был заключен мир с турецким султаном, по которому Россия получила Большую и Малую Кабарду, Азов, Керчь, Еникале и Кингсбург. Крым получил независимость от Турции. Русским кораблям было предоставлено право свободного плавания по турецким водам. К тому же Порта обязывалась уплатить России четыре с половиной миллиона рублей контрибуции, признала титул российских императоров, объявила амнистию и даровала свободу вероисповедания балканским

христианам.

А Фальконе тем временем окончательно решил взяться за отливку памятника. Эта работа не была включена в контракт со скульптором, который должен был только изготовить модель в натуральную величину. Окончательную отливку в бронзе предполагалось поручить профессиональному литейщику. Фальконе, возможно, никогда не взялся за это чрезвычайно сложное и малознакомое ему дело, если бы не постоянные неудачи с поисками литейщика. Все попытки найти такового оказались безуспешными. В результате Бецкому пришлось обратиться за помощью к Фальконе. Скульптор ответил отказом вовсе не потому, что хотел досадить своему врагу, а потому что сознавал все сложности этого предприятия. Но своим отказом он вновь дал повод Бецкому чернить себя перед императрицей, выставляя вздорным и капризным человеком. Екатерина, подозревая скрытые причины отказа, написала ему письмо: «Ответьте, почему Вы не хотите делать отливку? В письме Вашем к г-ну Бецкому нет никаких основательных доводов, и я подумала, что у Вас есть лучшие в запасе. Неужели Вам весело будет смотреть, как другие испортят Вашу работу?» «Но я не литейщик», – отвечал скульптор. Он полностью осознавал все сложности отливки статуи и, понимая, какие трудности его ожидают, твердо решил предоставить это дело специалистам.

Императрица не приняла его возражений. Эта необыкновенная женщина умела вдохновлять своих подданных на самые невероятные подвиги и свершения. Фальконе не стал исключением. «Нет таких препятствий, которых не мог бы победить гениальный человек», – написала она скульптору. И Фальконе начал постепенно вникать в тонкости неизвестного ему ремесла, продолжая, однако, надеяться на то, что все же будет найден настоящий литейщик. Но время шло, а поиски хорошего литейщика не давали успеха. Фальконе не отваживался принять на себя незнакомое ему дело, прежде основательно не изучив его. Дидро высылал ему всю необходимую литературу по литейному делу, и в конце концов Фальконе дал согласие на отливку.

Однако Бецкой продолжал постоянно создавать ему препятствия, мстительно мешая при каждом удобном случае. Отливка статуи теперь стала затягиваться из-за отсутствия нужных материалов. Фальконе был вынужден по самым ничтожным поводам обращаться к императрице, и она в конце концов перестала отвечать на его письма.

Настроение у Фальконе было скверным. Супружеская жизнь у молодых супругов – его сына Пьера и Мари Анн Колло не складывалась, уже полгода, как они спали раздельно. За

портреты, написанные Пьером, деньги так и не были уплачены, как и за бюсты, сделанные Колло; задержка эта тоже происходила по вине Бецкого. Пьер намеревался, бросив все, уехать во Францию. В довершение всего в Париже неожиданно умер Коллен, который был хранителем состояния Фальконе и Колло. Поскольку он был также кассиром придворной охоты, король и судебная власть наложили на его состояние печати.

«Итак, все мое добро надлежащим порядком секвестировано, – мрачно шутил Фальконе в письме к императрице. – Дай бог ему выйти оттуда невредимым, чтобы Коллен дела свои оставил в таком порядке, чтобы по взятии королем того, что ему причитается, наследники выдали мне, чем дожить свой век. Все несчастья, без сомнения, должны были свалиться разом. Г-жа Колло, которую я уговаривал остаться здесь до окончания отливки, недавно тоже отправила г-ну Коллену деньги, которые понадобятся ей в Париже, и, таким образом, судьба ее схожа с моею: она просит продлить ей содержание на то время, когда я не смогу ее поддержать. Сын мой, отчаявшись выжидать судьбу картин своих и принужденный теперь ехать немедленно, чтобы узнать положение дел моих, не занял у Голицына деньги, так как надеется получить за картины».

Фальконе уже не раз деликатно напоминал императрице о том, чтобы Пьеру заплатили за написанные им портреты. Императрица, судя по всему, давала необходимые распоряжения, но дело, как всегда застревало на Бецком.

В конце концов Пьер и Мари Анн уехали во Францию. Колло ждала ребенка и хотела, чтобы он появился на свет на родине. Расставание ее с Фальконе было ужасным. Скульптор оставался совсем один в чужой стране, окруженный враждебностью и непониманием. Императрица давно не отвечала на его письма, которые он продолжал посылать ей, жалуясь и негодуя на препятствия, создаваемые ему на каждом шагу Бецким.

Фальконе тревожился за Колло, и он не ошибся в своих тревогах: сразу же по приезде в Париж Мари Анн и Пьер расстались. Фальконе получил от нее полное отчаяния письмо. Он проклинал тот день, когда ему пришла в голову мысль об этом несчастном браке, и твердо решил исправить свою ошибку, когда вернется в Париж.

Близилась отливка памятника. Фальконе с огромным волнением готовился к этому ответственному моменту, сотни раз проверяя и перепроверяя, все ли готово к этому. Наконец все было готово к отливке, и 7 августа 1775 года Фальконе сообщает императрице: «…конная статуя приближается к моменту отливки: огонь пылает в печи с 20-го числа прошлого месяца, и, недели

через две приблизительно, бронза должна вылиться…, во мне много, весьма много недостатков, но можно сказать, что во всю мою жизнь не было минуты, где бы выдавшаяся на мою долю частица рассудка была мне так нужна, как теперь».

Накануне отливки Фальконе спал плохо. В минуту забытья он приснился себе в образе Милона Кротонского, будто он взялся за огромный пень, пытаясь расщепить его руками. Он видел прячущегося за деревьями хищника, но ничего не мог сделать, чтобы предупредить несчастье. И в этот момент, когда дерево затрещало под могучими усилиями атлета, лев прыгнул…

Фальконе проснулся, вскочил. На сердце было неспокойно. Быстро одевшись, он направился в мастерскую. Тревога оказалась не напрасной: Помель, бывший помощник Эрсмана, дежуривший в эту ночь, отсутствовал, рабочие спали. В невесть откуда взявшееся отверстие в трубке, по которой расплавленная бронза перетекала в форму, горящий металл начал вытекать наружу. Фальконе явился в тот самый момент, когда сила и тяжесть бронзы, надломив одну из сторон, открыли путь расплавленному металлу. Тот начал растекаться по мастерской и преградил путь Фальконе. Появившийся Помель и проснувшиеся работники, наблюдавшие за огнем, бросились бежать, испугавшись пожара. Фальконе заперся в подсобке и готов был погибнуть в огне вместе со статуей. «Господи, твоя воля, – взмолился он, подняв глаза к небу, – но если ты можешь отвести беду, я отдам за это то, что хотел присвоить себе незаконно и за что наказан тобою. Господи, отведи Святой Рок!»

Шум пламени за стеной постепенно стихал. Еще не веря свершившемуся чуду, Фальконе отворил дверь. Его помощник Емельян Кайлов, предчувствуя беду, появился как раз вовремя. Видя, что все бегут из охваченного огнем помещения, он бросился в мастерскую. С опасностью для жизни погасив пламя, он приостановил поток расплавленного металла и заставил течь бронзу из печи в форму. Бросившись к нему, Фальконе крепко обнял своего спасителя. Кайлов, еще не остыв от страшного напряжения, радостно улыбался обгоревшими губами.

Этот подвиг дорого стоил русскому литейщику. После этого он почти лишился зрения и вскоре умер. Отливка была спасена ценою его жизни. А обезображенная голова всадника, на которую не хватило бронзы, вылившейся при пожаре, напоминала Фальконе о той, которая помогла ему вылепить голову Петра Великого. Верхняя половина головы лошади была в таком же положении, зато все остальное было вытеснено, как в воске. Оставалось совсем немного. Фальконе сломал уродливую часть бронзы. После второй отливки обе части монумента были

соединены. Чеканка и шлифовка монумента заняли еще около двух лет. После чеканки статуя выглядела абсолютно цельной и казалась отлитой за один прием. Расчеты при отливке оказались настолько точными, что всадник, еще никак не укрепленный, стоял совершенно прямо от собственного своего равновесия и сохранял надежную устойчивость. Осталось лишь укрепить памятник на пьедестале…

Скульптор очень гордился своей отливкой, которую он сделал без помощи признанных европейских мастеров. Иначе считал Бецкой: он уверял императрицу, что Фальконе совершенно испортил отливку статуи, что шов будет заметен и всю статую следует перелить. Бецкой негодовал и оттого, что Фальконе распорядился вопреки ему обрубить огромную скалу для пьедестала, стараясь придать ей задуманную форму, и тем самым, как он считал, испортил камень.

Бецкой убеждал императрицу, что не следует платить Фальконе за работу литейщика, которую он якобы испортил. Фальконе же справедливо рассчитывал на дополнительные 200 тысяч ливров. «Просьба моя проста и справедлива, – писал он императрице, – и со мною следует обращаться по меньшей мере как с литейщиком, если я действительно таков». Бецкой заявил, что он и так уже много стоил казне, упрекая скульптора в больших расходах на монумент. Фальконе был возмущен: парижская статуя Бушардона Людовику XV обошлась в 15 миллионов ливров, копенгагенская Генриху IV работы Сюлли – в три миллиона, а петербургская – всего около двух миллионов.

Фальконе вынужден был принять на себя унизительную роль просителя и доказывать императрице заслуженность оплаты своей работы, потребовавшей от него столько времени и усилий. Дело было все же улажено, но главный вопрос – об установке памятника – решен не был. По городу упорно ходили слухи о том, что императрица уплатила Фальконе гонорар лишь за его назойливость, а на самом деле отливка испорчена, и статую предстоит переливать.

Несмотря на приглашение Фальконе, Екатерина так и не приехала посмотреть готовый памятник. Создавалось впечатление, что она полностью разделяет сомнения недоброжелателей Фальконе в успешном завершении работы. Окруженный злословием, в полном одиночестве, скульптор был беззащитен перед враждебными нападками и наветами. Он пребывал в растерянности: уехать, оставив памятник на произвол судьбы, казалось ему невозможным. Однажды ему вновь пригрезился сон: Милон Кротонский, тщетно пытающийся разломить руками огромный пень. И в ту же минуту перед его

глазами возник Луи. Он серьезно и печально смотрел на Фальконе, затем, подняв руку, произнес: «Тайна сия великая есть: что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И всякий, кто помыслил о том, уже совершил грех в сердце своем. Все будет так, как вы хотите, если вы будете помнить о главном…»

Фальконе решил не ждать установки памятника. Он покинул Санкт-Петербург, но перед отъездом отправил свое последнее письмо императрице:

> «Благодаря Вашему императорскому величеству то, что касается меня лично, окончено; но вопрос о статуе, если я должен верить известному слуху, еще не решен.
>
> Говорят, что г-н Бецкой желает, чтоб она была перелита. Я долго принимал это известие за городской слух, но некто из очень влиятельных лиц как бы уверяет меня в справедливости его. Если действительно это так, то на моей совести лежит обязанность предупредить, что подобное обращение со статуей было бы крайней неосторожностью.
>
> Ноги всадника на статуе совсем не такие, какие сделаны в форме, протянутая рука имеет не то положение, какое ей дано в модели, а, следовательно, и в форме; голова героя выше, чем на модели и в форме.
>
> Я с трудом верю, что под таким ничтожным предлогом, как спайка в моей отливке, хотят перелить статую; статуя в Бордо точно так же состоит из двух частей и на ней спайка так же незаметна, как и на моей. Другой предлог, относительно нескольких вставок в статуе, одинаково не заслуживает внимания, так как в копенгагенской статуе их более тысячи и тем не менее она стоит. Главное достоинство подобных произведений состоит в их красоте и прочности.
>
> Еще одно обстоятельство надо принять в соображение. Новейшие литейщики не хотят или не умеют давать такие тонкие стенки, какие я сделал в передней части статуи (статуя Марка Аврелия имеет менее двух линий толщины, а они ничего об этом не знают). Если бы я не принял предосторожности, то статуя моя погнулась бы под тяжестью бронзы; но строгое равновесие, которое я установил в частях, предохранит ее от падения, когда она будет установлена.
>
> Осмелюсь доложить Вашему императорскому величеству, что в этом именно состоит преимущество моей отливки перед всеми прочими; я строго согласую ее

с положением лошади, на что, по-видимому, никто не обращает внимания.

Среди всего того, что заставляли меня претерпевать, я работал, как художник, который ставит достоинства порученной ему работы выше человеческих фантазий. Я предоставлял говорить и делать, как Ваше величество советовали мне не раз, и думал только об исполнении своей обязанности. Другие, а не Вы, могли бы принять это за мечты; но если вздумали бы перелить статую, то поздно уже пришлось бы убедиться в справедливости моих слов.

Я не считаю себя вправе уехать, не высказав Вашему императорскому величеству истину о предмете, которого Вы еще не видели… Или я должен верить, что это известие есть не что иное, как городской слух, пущенный с целью досадить мне.

С глубочайшим почтением имею честь быть. Всемилостивейшая Государыня. Вашего императорского величества покорным и послушным слугою

Фальконет.

Санкт-Петербург. 1 сентября 1778 года».

Триумф Петра Великого

Фальконе не поехал во Францию. Суеверный ужас охватывал его при мысли о том, что, возможно, от него самого зависит теперь судьба его детища – монумента Петру Великому, что она каким-то непостижимым образом связана с его уже ставшей преступной любовью.

До 1780 года он пробыл в Гааге у князя Дмитрия Голицына. Время не проходило зря: там он подготовил к изданию свои сочинения, которые вскоре вышли в Лозанне.

Первой не выдержала Колло. Она приехала к нему в Гаагу. Вместе они вернулись в Париж, но тотчас же опять расстались. Колло уехала в Нанси. Фальконе был сдержан и почти холоден с ней. Судьба статуи Петра Великого продолжала оставаться неизвестной, и все мысли скульптора были там, где ожидал своей участи бронзовый всадник, которому он отдал 12 лет своей жизни.

Все возможные и невозможные почести сыпались на Фальконе в Париже, где он возобновил работу на Севрской фарфоровой мануфактуре. Академия зачислила его в свои ветераны, а при появлении вакансии тут же назначила адъюнкт-ректором, несмотря на то, что звание ветерана исключало право получения академической должности.

В Академии все напоминало ему о его учителе. Ле-Муань, который последние десять лет был директором Академии и умер еще в 1778 году. Фальконе посылал ему из России миниатюрную модель памятника Петру Великому, который был высоко оценен Ле-Муанем. «Я всегда считал Фальконе очень талантливым и твердо был убежден, что он создаст великолепный монумент русскому царю, – говорил он, – но то, что он сделал, превзошло все мои ожидания. Памятник, изваянный Фальконе, – единственный в своем роде, он соединяет простоту с величием замысла и прекрасно выражает характер героя и нации, которой он правил. Это лучшая конная статуя из всех подобных. Ни один из подобных памятников не может превзойти созданного Фальконе».

Весной 1780 года завеса неопределенности наконец приподнялась: до Франции дошли известия о том, что в Петербурге начата подготовка к установке памятника Петру Великому. Руководителем работ был назначен Фельтен. Оставалось перенести статую на пьедестал, укрепить надпись и отлить часть змеи, необходимую для установки памятника. Изготовление змеи было поручено Гордееву, уже несколько лет

как вернувшемуся из Франции. До сих пор Бецкой не мог найти для этого талантливого молодого скульптора более достойного применения, чем изготовление мраморных подоконников, и Гордеев был рад возможности принять участие в работе над памятником Петру Великому.

Фельтен распорядился об изготовлении ограды вокруг памятника. Когда-то Фальконе высказывался против этого: кругом Петра Великого не будет никакой решетки – зачем сажать его в клетку? Но Фальконе был далеко. Судьбу монумента решали другие люди, и свободный порыв монарха был ограничен узким пространством вокруг памятника.

По окончании всех работ Бецкой обратился к Екатерине II с ходатайством о награждении всех отличившихся при сооружении монумента. Первым в этом списке значился коллежский советник Юрий Фельтен. Далее следовал длинный список лиц. О Фальконе и Колло не было сказано ни слова. В списке не было и имени помощника Кайлова. Его вдова еще много лет спустя тщетно обивала пороги канцелярий с просьбой выплатить хотя бы причитающееся ему жалованье.

Приближался день открытия памятника. До Фальконе доходили об этом лишь отрывочные сведения. Работа уже не давалась ему, как прежде. Пугала надвигающаяся старость, а самое главное – по-прежнему не оставляло щемящее чувство вины перед Колло. Да и во Франции все уже было другим, незнакомым и непонятным ему.

Еще задолго до его приезда на родину, 10 мая 1774 года на шестидесятом году царствования неожиданно скончался король Людовик XV. Он умер от оспы, чем дал повод парижским острословам отпускать ядовитые замечания по поводу церковной цензуры Сорбонны, убедившей в свое время короля в нецелесообразности введения оспопрививания в стране. Сорбонна сослужила королю плохую службу. Такова была ирония судьбы. Но, возможно, судьба спасла его от худшего. Во всяком случае он умер вовремя. В последние годы правления Людовика XV все отчетливее стали проявляться признаки кризиса. После неудачной Семилетней войны и потери колоний экономика Франции находилась в самом плачевном состоянии. Государственная казна была пуста. С первыми признаками ослабления королевской власти стала поднимать голову оппозиция. Попытка правительства выйти из финансовых затруднений за счет увеличения налогов вызвала ожесточенное сопротивление парламента.

Вслед за этим последовала отставка первого министра короля герцога Шуазеля и издание эдикта, воспрещающего парламенту

впредь организовывать коллективные протесты против королевских распоряжений. Парламент не подчинился и ответил на королевский эдикт прекращением отправления правосудия. Король в ответ прибег к репрессиям: наиболее видные представители оппозиции были сосланы, а взамен парижского парламента были учреждены административные суды. Но напряжение не спадало. Акции королевской власти не встречали поддержки.

Правительство преследовало оппозиционную литературу. Оно поддерживало возрождение религиозного фанатизма, вылившееся вскоре в гонения против протестантов. Громкие судебные процессы против Каласа и Сирвена, приговоренных к смертной казни на основании очень слабых улик, стали известны всей Европе. В защиту осужденных выступил Вольтер, который вновь заговорил о религиозной терпимости и свободе совести. Партия философов требовала уничтожения старых порядков во имя начал разума и естественного права.

Ситуация выходила из-под контроля правительства. В этих условиях смерть Людовика XV, на которого можно было списать все грехи, казалась естественным разрешением возникшего политического кризиса.

После смерти Людовика XV на престол вступил внук умершего короля двадцатилетний Людовик Огюст, который имел репутацию очень честного, порядочного и безусловно ответственного человека. С ранних лет он остался сиротой, потеряв отца, ставшего жертвой какой-то темной интриги. Ходили слухи, что его отравили. Людовик Огюст был женат на юной Марии Антуанетте, младшей дочери австрийского императора Франца I и Марии Терезии. Мария Антуанетта славилась своей красотой.

Молодой король был почитателем отечественных просветителей и приверженцем идей свободы. Он объявил о перестройке и реформации всех основ государства по английскому образцу.

Решимость короля провести реформы в пользу третьего сословия и опереться на него в своей власти вызвала бурный восторг французских буржуа. Короля превозносили до небес. Страна, отягощенная грузом нерешенных проблем, была преисполнена самых радужных надежд. В то время никто и предположить не мог, как трагически закончится это правление. Человека, осмелившегося предсказать нечто подобное, просто сочли бы сумасшедшим.

Первые шаги молодого короля вызвали всеобщую поддержку и одобрение. Прежде всего он устроил «варфоломеевскую ночь»

министрам, удалив из правительства самых непопулярных деятелей, а также последнюю фаворитку короля Людовика XV мадам Дю-Барри. Он уничтожил административные суды и восстановил парламент в его правах. Король выступил с широкой программой преобразований и обновления страны, провозгласив отход от скомпрометировавших себя принципов деспотического правления и экономической регламентации хозяйственной жизни. Подтверждением принятого им курса было назначение на пост первого министра-генерального контролера финансов 47-летнего Робера Тюрго, любимца и надежду физиократов, книга которого недавно вышла во Франции и имела необыкновенный успех. Приступая к своей должности, Тюрго был уверен, что сумеет преобразовать Францию на основе выработанной им экономической и политической теории и провести реформы для обеспечения свободы предпринимательства. Однако прежде он хотел заручиться полной поддержкой короля. «Я не обману вас», – заверил его король на аудиенции. Но Тюрго продержался у власти всего двадцать месяцев.

Тюрго решительно осуществлял намеченные реформы, но это не предотвратило его отставку.

Им оказались недовольны все – от аристократов до представителей третьего сословия новых французских богачей, не говоря о простолюдинах, которым пришлось расплачиваться за все последствия недальновидной политики руководства страны.

Не лучше обстояли дела и на международной арене, где Франция терпела одно дипломатическое поражение за другим, даже там, где, казалось бы, всё должно было содействовать её успеху.

В составлении Декларации независимости, объявившей колонии Англии, ранее отнятые ею у Франции, Соединенными Штатами, активное участие принимал Вениамин Франклин. Благодаря ему еще в 1776 году был успешно и быстро заключен союз с Францией, после которого из Франции стали уезжать в Америку добровольцы, желавшие встать в ряды защитников американской независимости. С 1778 года Франклин как полномочный министр 13 штатов Северной Америки уже управлял всей страной.

Но даже здесь Франция проиграла, хотя вначале это было и не так очевидно. Когда решался вопрос о государственном языке нового независимого государства, американский конгресс большинством всего в один голос выбрал английский язык, а не французский, чем и предопределил навсегда свою приверженность Англии.

В России внимательно следили за развитием событий во

Франции. Политика Франции в отношении России сильно изменилась при Людовике XVI. Прежняя враждебность к русскому правительству совершенно исчезла. Успехи России в Польше и Турции заставили Францию примириться с усилением России, в которой она начала искать союзницу. В знак сближения двух государств во Францию с путешествием отправился наследник русского престола великий князь Павел Петрович с супругой.

Но значительное ослабление Франции было налицо. Причиной этого в России считали приверженность Людовика XVI политике реформ. «Франция стоит на пороге гражданской войны. Общество расколото. Представители разных партий жаждут истребления друг друга – вот итог распространения вольнодумства и опасных идей философов, подрывающих основы государственной власти, – убеждали императрицу Екатерину II ее приближенные. – Король, доверившийся партии болтунов-философов, в результате их реформ сидит на пороховой бочке, готовой вот-вот взорваться. Теперь русское общество имеет перед собой наглядный пример того, что было бы, если бы русская императрица тоже последовала советам сумасбродных философов. Россия избежала великих потрясений, которые Франция еще не испытала до конца. Страна катится в пропасть, и Россия с ужасом взирает на страшные последствия опрометчивых решений верховной власти, доверившейся безответственным философам».

Уже с середины 70-х годов в России были взяты под строгий правительственный контроль издание и переводы всех книг, распространявших идеи французских просветителей. С реформаторством в России было покончено. Россия издали наблюдала за агонией Франции, усомнившейся в силе и мощи абсолютной власти.

В 1782 году исполнялось 100-лет со времени восшествия на престол Петра I и 20-летие царствования Екатерины II. По указу императрицы решено было отметить эти события 7 августа 1782 года. На этот день было намечено торжественное открытие монумента Петру Великому.

Накануне всю ночь и с самого утра холодный ветер рвал облака над Невой, беспрерывно шел дождь. Но ровно в полдень будто чья-то мощная рука раздвинула тяжелые свинцовые тучи, нависшие над городом, ветер утих, и яркое солнце осветило площадь на набережной Невы, посреди которой возвышалась громадная гора, накрытая серыми полотнами. Тысячи людей стекались сюда из Петербурга и его окрестностей, и даже на противоположной стороне – Васильевском острове – вся набережная была запружена толпами народа. Всюду, даже на

крышах домов и на деревьях, были зрители.

К двум часам на площадь начали собираться полки. На Неве расставлены были военные суда. В 4 часа прибыл верхом фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын, который распоряжался празднеством. Приняв рапорт от командиров полков, он стал ожидать на берегу Невы прибытия императрицы.

В пять часов к пристани подъехала императорская шлюпка. Ее встретили сенаторы и генерал-прокурор князь Вяземский. Императрица в сопровождении двора и кавалергардов прошла в здание Сената и поместилась на балконе.

По сигналу, данному ракетой, гора посреди площади раздвинулась, полотна спали, и собравшиеся увидели мощного всадника с повелительно простертой рукой, вознесшегося на вершину огромного камня. Гордо поднятая голова всадника, взлетевшего на скалу, чтобы с этой высоты утвердить свою державную волю, умиротворяющий жест его протянутой властной руки создавали неповторимый образ, наделенный грозной, сверхъестественной силой.

Трепет пронесся по толпе. Впечатление от памятника было потрясающим. Ружейная и артиллерийская пальба с крепости и судов смешалась со звуками военных оркестров и ликующими криками толпы. Торжество завершилось парадом войск на площади, после которого императрица возвратилась во дворец, где в честь открытия монумента ею был подписан указ об амнистии преступникам, прекращении всех уголовных дел и освобождении из тюрем несостоятельных должников. Устроитель этого торжества Иван Иванович Бецкой получил ленту нового учрежденного в тот день ордена Святого Владимира. Но никто в этот торжественный день не вспоминал о Фальконе, который не был приглашен на этот праздник и даже не знал о нем. Зато из уст в уста передавалось имя Фельтена, и созвучие имен как будто навсегда похоронило память об истинном авторе величественного памятника основателю города.

Вечером весь город был ярко освещен иллюминацией. Лишь только наступила темнота, вспыхнувшие огни осветили площадь на набережной Невы, и монумент стал виден как днем. Весь город охватило ликование. Через наплавной мост из-за Исаакиевского собора, через Адмиралтейский канал хлынули толпы людей, желавших вблизи рассмотреть статую Петра Великого. К утру люди разошлись и площадь опустела. Погасли огни. Но в предрассветных сумерках и мгле туманного утра грозно проступали очертания памятника могущественному монарху, который научил русских побеждать.

Екатерина II не забыла своего скульптора. После открытия

памятника она распорядилась отправить Фальконе две большие медали – золотую и серебряную, выбитые в память об открытии монумента. Что значили эти побрякушки, которые в Петербурге раздавали направо и налево всякому, кто не имел даже никакого отношения к памятнику? Но Фальконе был безмерно рад и этому. Огромный груз как будто свалился с его плеч, и он вновь стал свободным. Серебряную медаль он отправил Мари Анн. «Как жаль, что обе они не из золота», – писал он ей. С грустью он подумал: «Теперь я имею все, и лишь счастье мне недоступно…» Как будто услышав его мысли, Колло приехала в Париж. Вместе они собрались поехать в Италию. Но судьбу обмануть не удалось. Накануне дня, на который был назначен отъезд, Фальконе поразил удар паралича. Роковой образ Паралитика настиг его. С тех пор скульптор уже никогда не покидал своей комнаты. Он думал, что конец его жизни уже близок, но судьба распорядилась иначе. Еще целых восемь лет он провел в постели, и кто знает, может быть, эти годы были счастливейшими в его жизни. Мари Анн Колло не покидала его ни на один день. Каждое утро он просыпался с радостным чувством, что сегодня он вновь увидит свою любимую Мари Анн. Заботы, интриги, тяжкая ноша грандиозного замысла – все ушло в прошлое.

Иногда его навещал Дидро. Здоровье его тоже было неважным. После возвращения из России он почти ничего не написал. Из всех многочисленных обещаний, данных им императрице, Дидро выполнил только одно – набросал план университета для России. В феврале 1784 года у него открылось кровохаркание. Врачи обнаружили водянку легких. Дидро тогда удалось спасти, но он слег окончательно. Три месяца Дидро не поднимался с постели. Во время болезни к нему стал наведываться приходский священник, склонявший его к примирению с католической церковью. Он убеждал философа, что это произведет хорошее впечатление в обществе. Дидро, подумав, ответил ему: «Возможно, что это действительно так, но согласитесь, что это была бы постыдная ложь». Дидро умер в мае 1784 года. Смерть его была мгновенной. За обедом его спросили о том, какими путями легче всего прийти к философии. Дидро ответил: «Первый шаг к философии – неверие». После этого он потянулся за абрикосом, поднес его ко рту – и тут же скончался на глазах присутствующих.

Фальконе со смирением принял это известие. За стенами его комнаты бушевала революция, грозные события одно за другим потрясали основы государства, но это уже не волновало скульптора.

О Вольтере и Дидро почти не вспоминали в обществе. Имена

их всплыли лишь однажды в связи со скандальной историей знаменитого графа Калиостро, объявившегося в это время в Париже. Никто не знал, откуда он появился во Франции. Калиостро утверждал, будто он так стар, что был знаком с Александром Македонским и знал Иисуса Христа. Он провозгласил себя основателем нового магического ордена египетского франкмасонства – свободных каменщиков и стал устраивать тайные собрания, на которых посвящал в члены ордена самых избранных людей Франции. Людовик XVI покровительствовал новому ордену и даже издал указ, согласно которому посмевший нанести обиду или оскорбление Калиостро обвинялся в оскорблении самого королевского величества. Возможно, что на короля произвели сильное впечатление чудеса, демонстрируемые Калиостро, уверявшим, что посредством магических церемоний и формул избранные богом люди могут управлять духами. На ужине у короля он однажды вызвал духов Вольтера и Дидро. Вольтер якобы сказал ему, что узнал после своей смерти столько нового, что отрекается от своих прежних взглядов и произведений и теперь совершенно уверен в том, что был не прав. Дух Дидро будто бы сказал ему: «Я никогда не был ученым; когда я писал, моя память подсказывала мне то, что я когда-то читал, я заимствовал и там, и сям. От этого происходит отсутствие связи в моих произведениях, которые будут забыты через 50 лет. Энциклопедия, которую удостаивают мне приписывать, мне не принадлежит. Роль редактора заключалась в том, чтобы привести в порядок имеющийся материал. Больше заслуг в деле Энциклопедии имеет составитель оглавления».

В 1786 году Калиостро заключили в Бастилию по одному темному делу, касающемуся мошенничества с продажей ожерелья королевы Марии Антуанетты, но суд его оправдал, и он уехал из Франции, проклиная королевскую чету и предрекая скорое крушение французской монархии. Возможно, что для этих утверждений он имел более веские основания, чем предсказания духов, но эти предсказания сбылись с поразительной точностью.

Правительство было уже не в состоянии контролировать положение в стране. Во многих местностях Франции начались беспорядки. Кризис в промышленности и в торговле совпал с неурожаем 1789 года, двор же в это время продолжал предаваться кутежам и развлечениям, что вызывало ненависть населения. Ярость голодной толпы, искусственно подогреваемая созданным хаосом, обрушилась на представителей власти.

Напряжение в обществе достигло предела. Король искал выхода. Чтобы сломить оппозицию, он ограничил деятельность парламента и приказал арестовать наиболее видных деятелей

оппозиции, но под давлением усиливающихся беспорядков вынужден был капитулировать и восстановить парламент, который отказался повиноваться королю.

17 июня собрание депутатов буржуазного третьего сословия объявило себя Национальным собранием, а 9 июля – Учредительным собранием. Король был вынужден признать его власть. Но кто-то из них рано или поздно должен был уйти. Слух о возможном разгоне национального Учредительного собрания послужил поводом к всеобщему восстанию в Париже 13 и 14 июля. Толпа народа захватила крепость-тюрьму Бастилию. В городах восставшие смещали старые органы власти и заменяли их новыми – буржуазными муниципалитетами. Спешно создавались отряды вооруженной национальной гвардии.

26 августа 1789 года Учредительное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина. Были уничтожены все сословные привилегии, проведена гражданская реформа церкви. Новая власть вступала в свои права, уже с беспокойством посматривая на опасное буйство народа.

Королевская чета, надеясь спасти трон, старалась ускорить австро-прусское вторжение во Францию, но действия короля, мечтавшего об иностранной интервенции, были взяты под неусыпный контроль.

«В Париже революция. Династия Бурбонов пала вместе с разрушенным бушардоновским памятником Людовику XV, – с воодушевлением говорили Фальконе навещавшие его художники. – Для народа наступает царство свободы, равенства и справедливости!» Скульптор лишь философски улыбался: «Свобода и равенство – понятия несовместимые, и никто еще не знает, что есть справедливость. Франция сокрушает старое, не задумываясь над тем, а будет ли новое лучше старого. Рушатся королевские династии, повержены прежние кумиры, но где гарантия того, что освободившееся место не займут новые тираны, еще хуже прежних?»

Силы постепенно возвращались к Фальконе. Он еще не поднимался со своей постели, но болезнь понемногу отпускала его, и он готов был снова бросить вызов судьбе. Но не успел он подумать об этом, как ангел возмездия опять появился перед ним. Однажды дверь его комнаты отворилась, и на пороге появился Луи. Почти четверть века прошло с тех пор, как они расстались на пристани, где ждала отплытия «L’Aventurier», но время будто не коснулось его, лишь слегка посеребрив виски.

– В Париже почти разрушена церковь Святого Рока, – сообщил он Фальконе. – Погибло все, что было сделано вами для ее украшения: разбита мраморная статуя Спасителя, уничтожены

фигуры в капелле Святой Девы.

Тень сожаления коснулась лица Фальконе. Он сделал слабое движение рукой, как бы успокаивая себя.

– Я так и не познал его до конца, – прошептал он.

Луи присел рядом с ним.

– Если бы я был скульптором, – произнес он, – то изобразил бы Святой Рок в образе-символе противоборства Бога и Дьявола в душе каждого человека. В этой борьбе состоит смысл, главная загадка и разгадка жизни, цель, причина и следствие человеческого существования, то, над чем тысячелетия бьется мысль философов. Но на протяжении тысячелетий философы лишь подтверждали свою беспомощность перед великой тайной бытия. Помните, когда-то я самонадеянно пытался победить веру разумом? Я говорил о том, что христианство должно из веры превратиться в убеждение. Мои усилия оказались напрасными. Эта задача оказалась мне не под силу, и я не знаю, под силу ли она вообще кому бы то ни было. Теперь я думаю, что лишь в вере и сомнении – суть. Грех влечет за собой страдание. Как резец обрабатывает мрамор, так и страдание совершенствует душу и приводит к Богу. Грех – от сомнения, но лишь через сомнения, грех и страдания человек приходит к Богу. В страдании – путь человека к Богу. Ад и рай существуют на земле, и у каждого человека свой Апокалипсис, свой Страшный Суд.

– Какое это имеет значение теперь, – философски заметил Фальконе. – Святой Рок мне не удался, и я не жалею о том, что он разрушен. Гораздо больше меня взволновала бы участь памятника в Петербурге. Но он, кажется, твердо стоит на своем основании. Он победил – нужно ли мне что-то еще?

Луи печально улыбнулся:

– Нет ничего в мире, твердо стоящего на своем основании, – сказал он. – Победит не тот, кто сильнее, не тот, кто умнее, не тот, кто добрее, не тот, кто прав. Победит Святой Рок. В этом – истина.

Фальконе побледнел. Тревожное предчувствие охватило его. Полученные вскоре известия оказались для него роковыми.

В конце 80-х годов турецкое правительство вновь разорвало отношения с Россией, требуя возвратить Крым, и порвало все заключенные на этот счет договоры. Претензии турок поддержала Швеция. Стало известно, что на западной границе России шведский король готовится к высадке десанта, намереваясь выжечь Кронштадт, и идти на Петербург, чтобы разрушить созданный Петром город и опрокинуть воздвигнутый ему монумент.

Скульптор был потрясен. Почти без памяти лежал он на своей

постели, как громом пораженный этим известием. Уничтожить памятник Петру? Нет, лучше смерть! Сознание медленно покидало его. Красная пелена застилала глаза, в ушах стоял погребальный звон…

21 января 1791 года Фальконе не стало. Его похоронили в церкви Святого Рока, для украшения которой он так много потрудился в свое время. Через полгода Колло покинула охваченный волнениями Париж, чтобы навсегда поселиться в Нанте. 22 июня 1791 года, выехав из Парижа, в местечке Варенн она встретила короля Людовика XVI, которого под конвоем направляли в столицу национальные гвардейцы. Король пытался бежать, чтобы пробраться в Лотарингию, где стояли верные ему войска, но был схвачен и возвращен в Париж, чтобы через восемнадцать месяцев, 21 января 1793 года, взойти на эшафот. Спустя девять месяцев, обвиненная в государственной измене, подстрекательстве к гражданской войне и в самых низких преступлениях против нравственности, за ним последовала и королева Мария Антуанетта.

Россия тогда избежала ужасной участи Франции, хотя распространение либеральных мыслей, начавшаяся критика церкви и монархических устоев имели много общего с происходящим во Франции. Многие были склонны видеть причину беспорядков в зловредных кознях английских масонов, указывая императрице на одинаковую систему их закулисных действий во Франции и в России. Екатерина, до сих пор благодушно взиравшая на усиление масонских организаций в России, напуганная разворотом событий во Франции, повелела прекратить деятельность всех масонских лож в России. Наиболее видные представители масонства были сосланы в Сибирь и заключены в крепости.

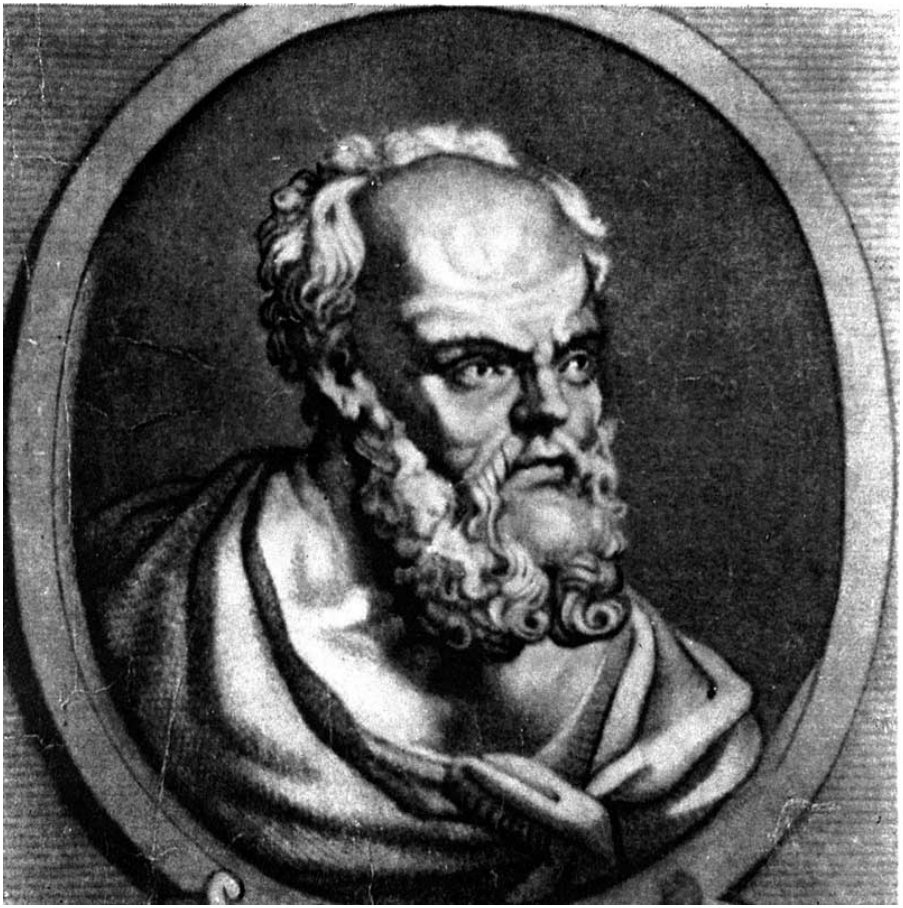
Военные действия русских войск на Востоке тоже увенчались успехом. Согласно мирному договору, заключенному в Яссах 29 декабря 1791 года, Турция навсегда уступила России Крым, Кубань и Тамань и обязалась уплатить контрибуцию в 12 миллионов пиастров, от получения которой русская императрица великодушно отказалась, поскольку финансы Турции и без того пришли в страшное расстройство после войны с Россией.

Генерал Бецкой тоже подозревался в масонстве, но сумел избежать опалы. В последние годы его жизни громкую огласку получила история о совращения им несовершеннолетней девицы из вверенного ему в попечение воспитательного дома, которая была моложе его на 50 лет. Императрица, как всегда, оказалась к нему снисходительной и даже навещала во время тяжелой болезни, которая его настигла на склоне лет. В своем письме к

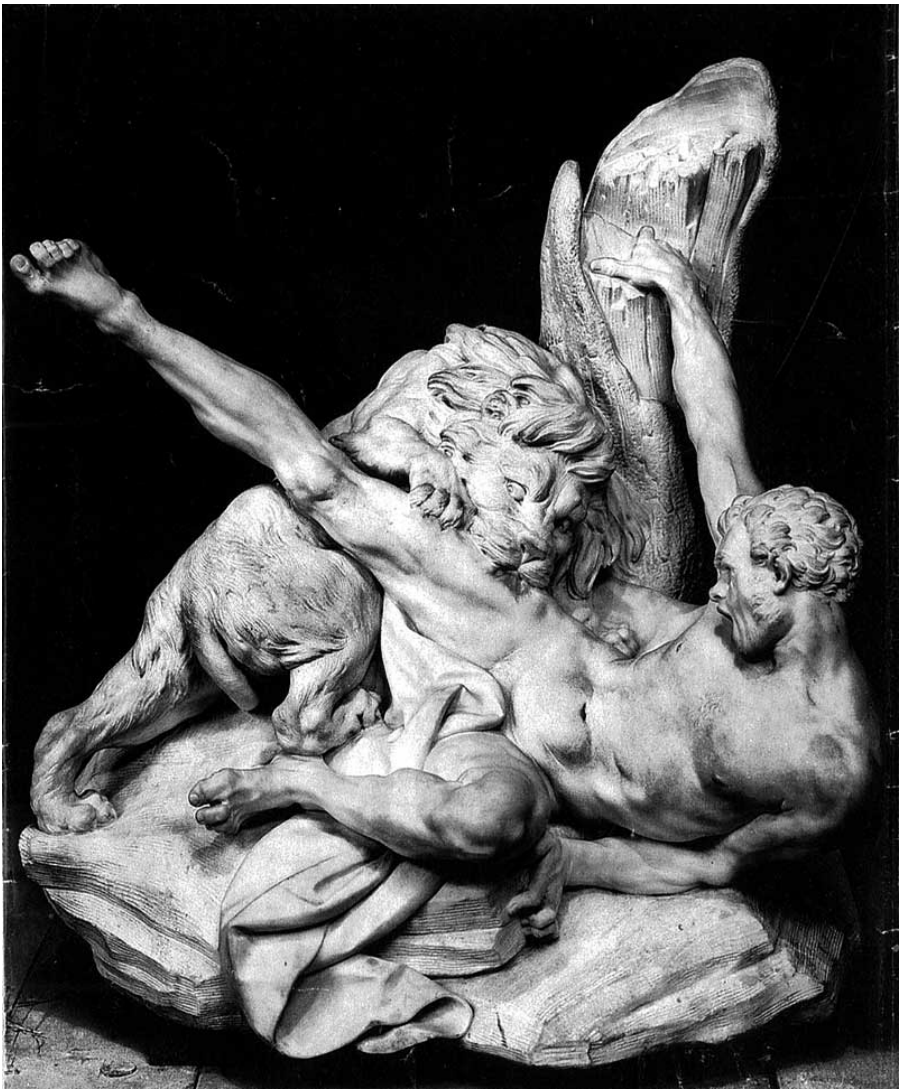
Мельхиору Гримму она вспоминала, как по дороге к больному И. И. Бецкому она проезжала со своими приближенными памятник Петру I: «На открытом пространстве Петр Первый представляется одухотворенным и великим. Можно сказать, что он вполне доволен тем, что создал. Я не в силах была долго на него смотреть, потому что на меня нахлынул поток эмоций, и, оглядевшись, я увидела, что у всех в глазах стоят слезы… Он был слишком далеко, чтобы заговорить со мной, но мне показалось, что он одобрительно на меня посмотрел. Это дало мне смелости в будущем стараться еще более. Я сделаю все, что в моих силах».

Фальконе не мог знать об этих словах, да и вряд ли он думал о потомках, мнению которых придавал так мало значения. Как в России, так и во Франции Священный Рок продолжал плести причудливую ткань истории. Республика добродетели и террора Максимилиана Робеспьера, погубленная клеветой, восемнадцатое брюмера Наполеона Бонапарта и его бесславный конец в России, Реставрация и уход Бурбонов, рождение и гибель Коммуны… История повторялась вновь и вновь, питая все новых своих борцов старыми, как мир, иллюзиями. *Но памятник на берегу Невы по-прежнему остается напоминанием о великом государственном деятеле российской истории и не менее великом создателе монумента императору Петру I.*

Иллюстрации

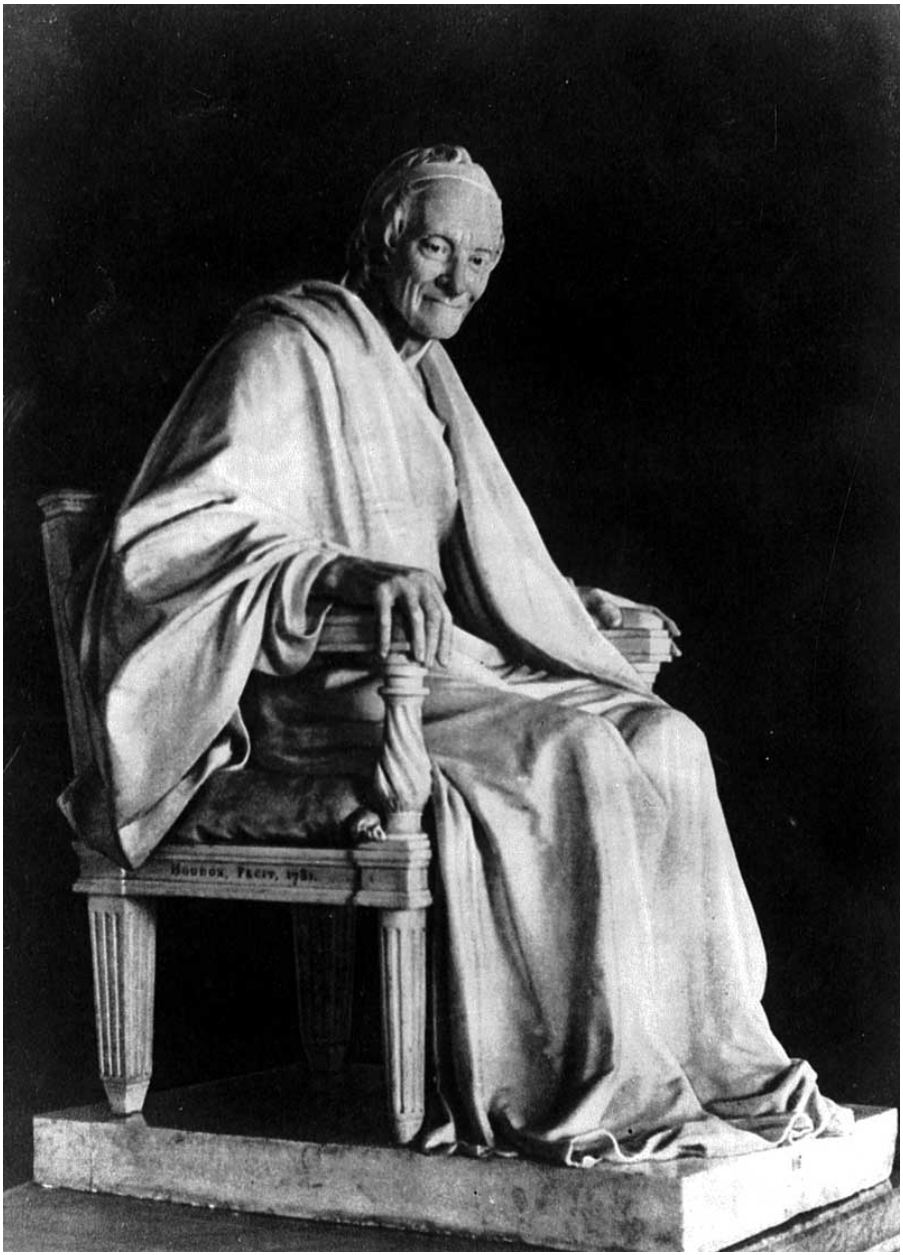


Портрет Сократа

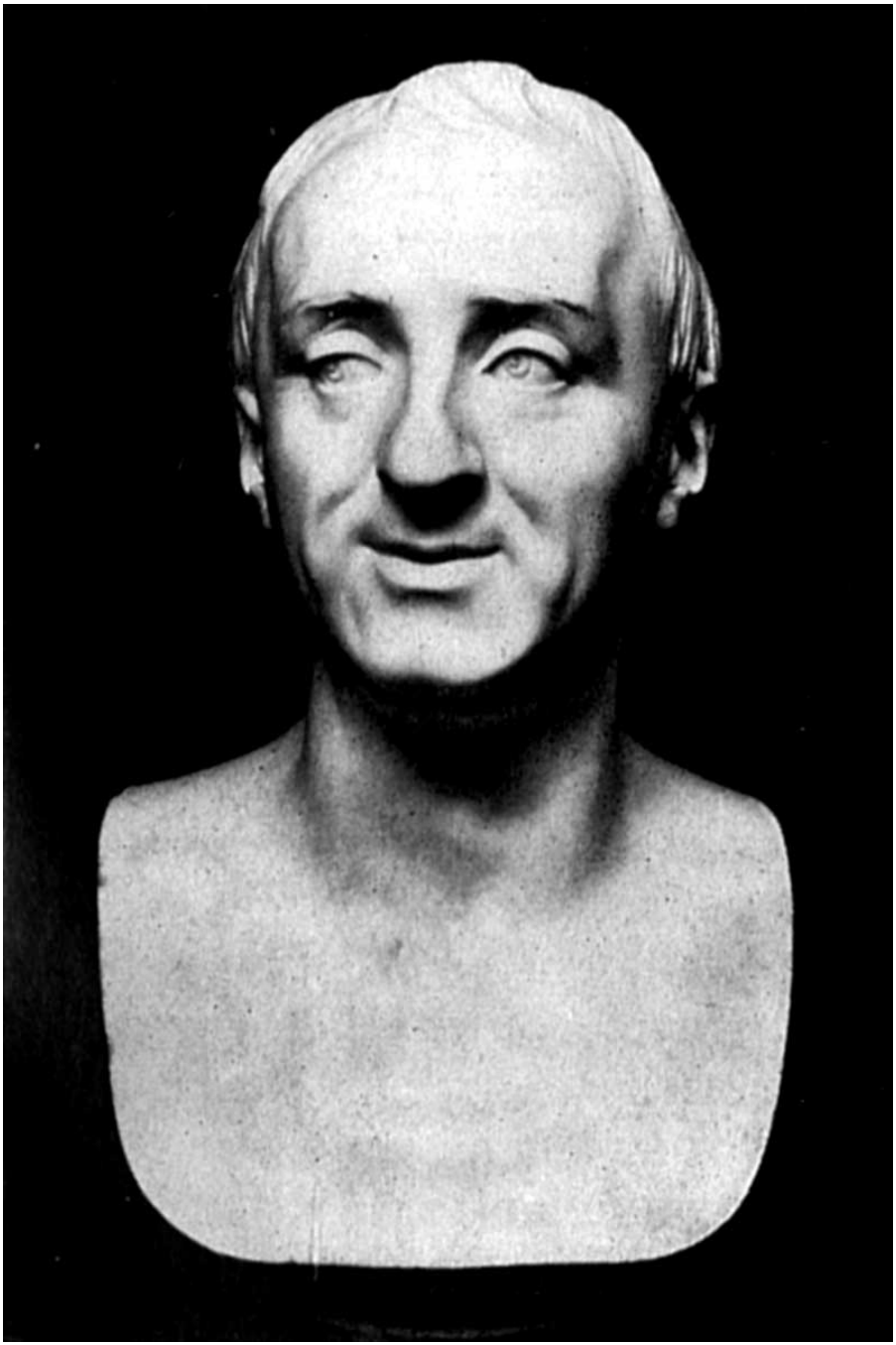


Э. М. Фальконе.
Милон Кротонский

Э. М. Фальконе.
Пигмалион



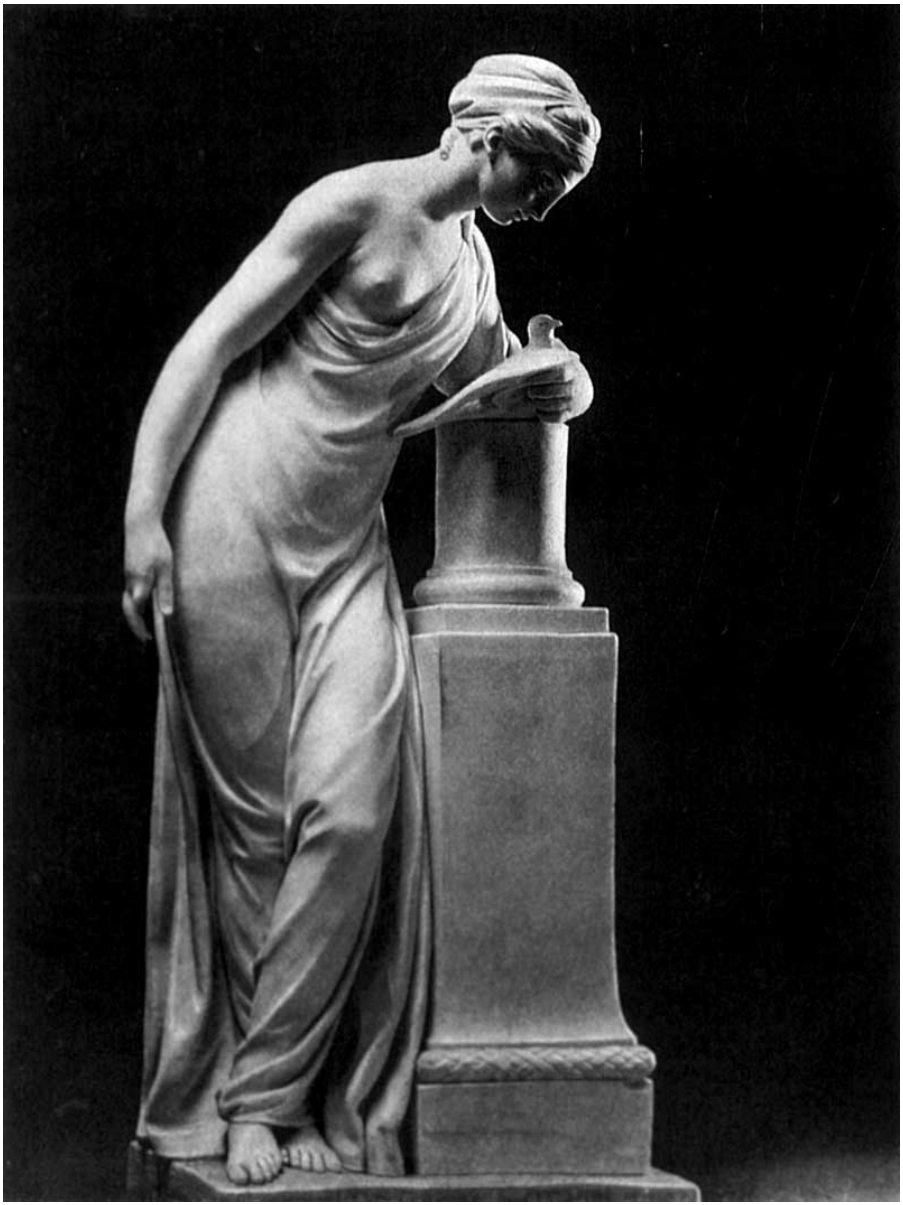
Гудон.
Статуя Вольтера



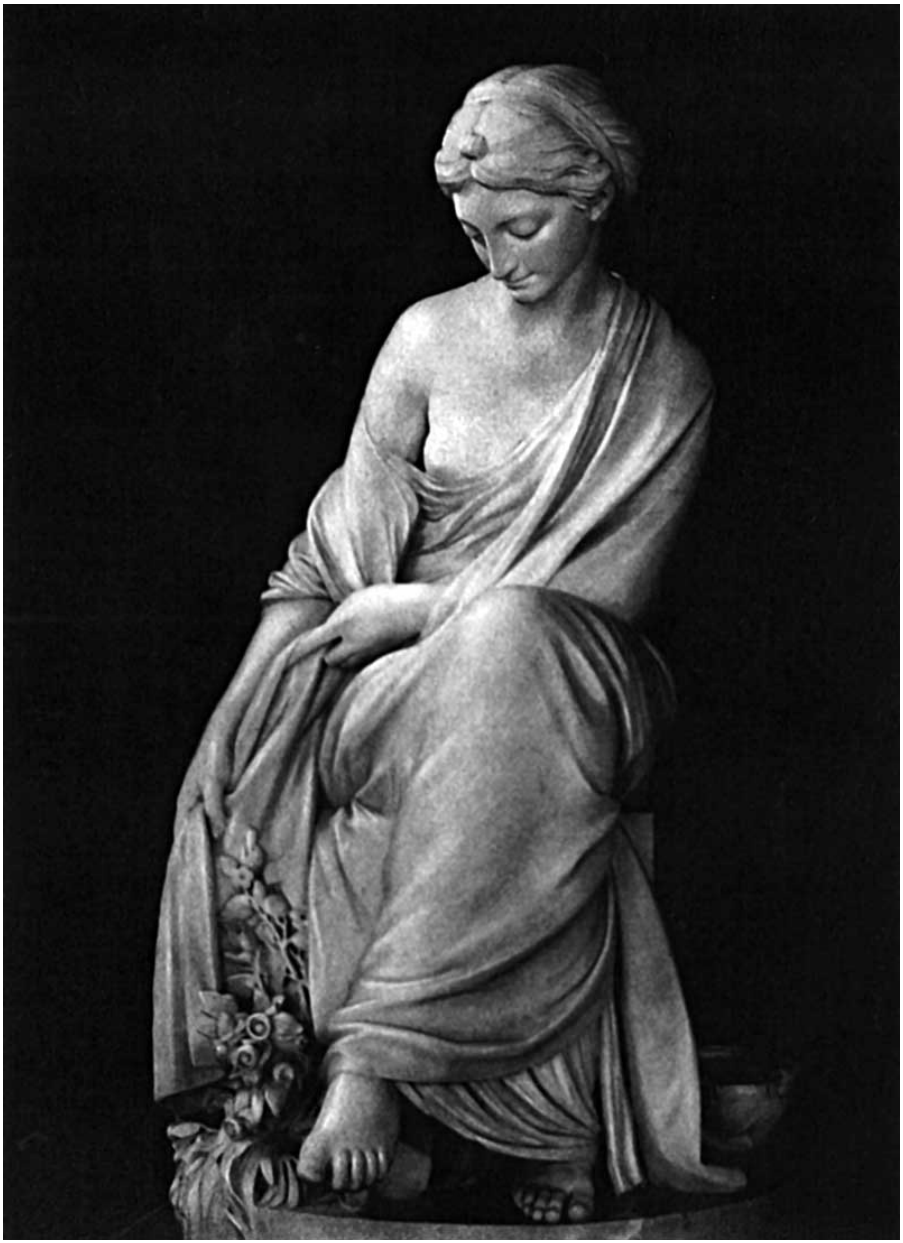
Э. М. Фальконе.
Пигмалион

М. А. Колло.
Князь Дмитрий Голицын

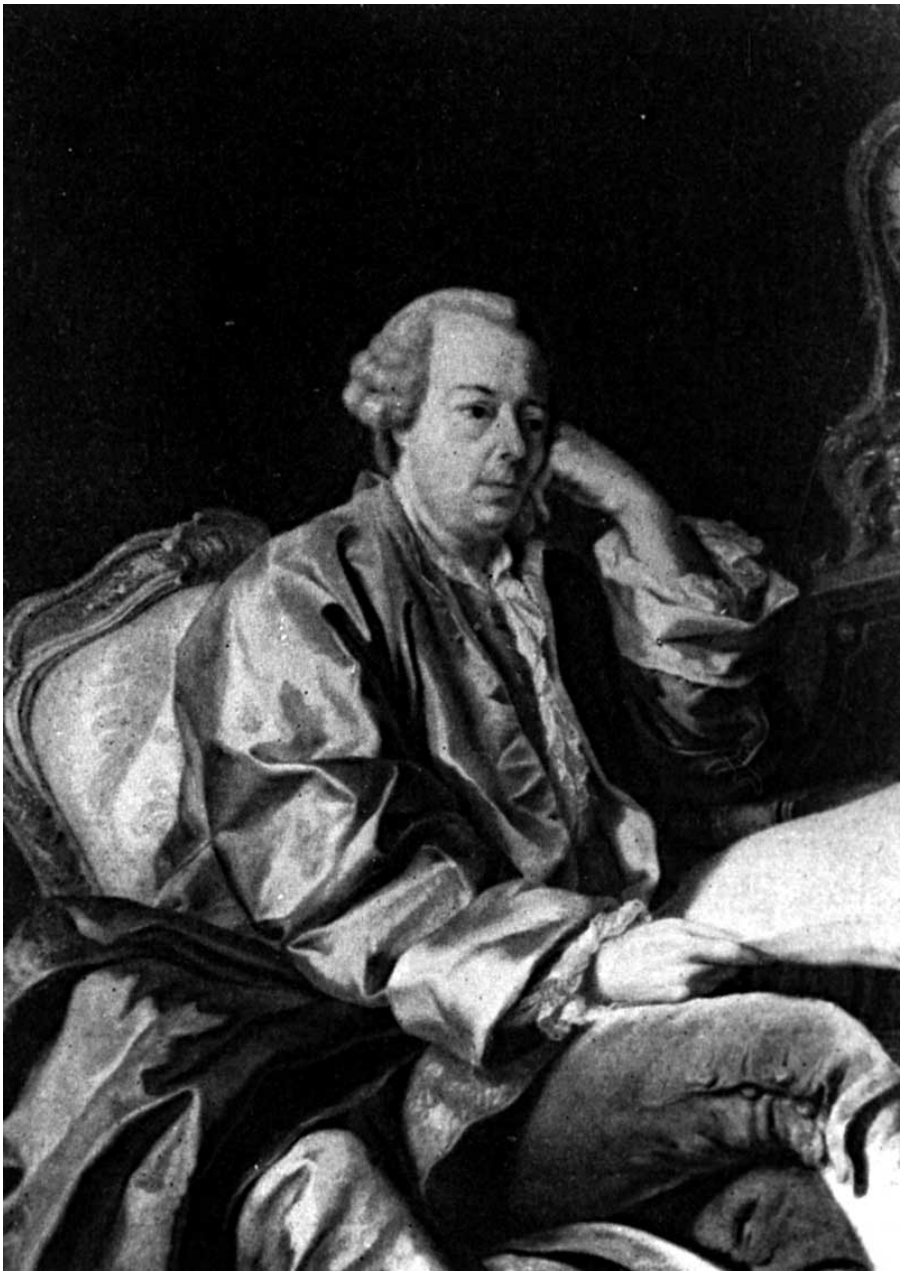
М. А. Колло.
Екатерина II



Э. М. Фальконе.
Нежная грусть



Э. М. Фальконе.
Зима

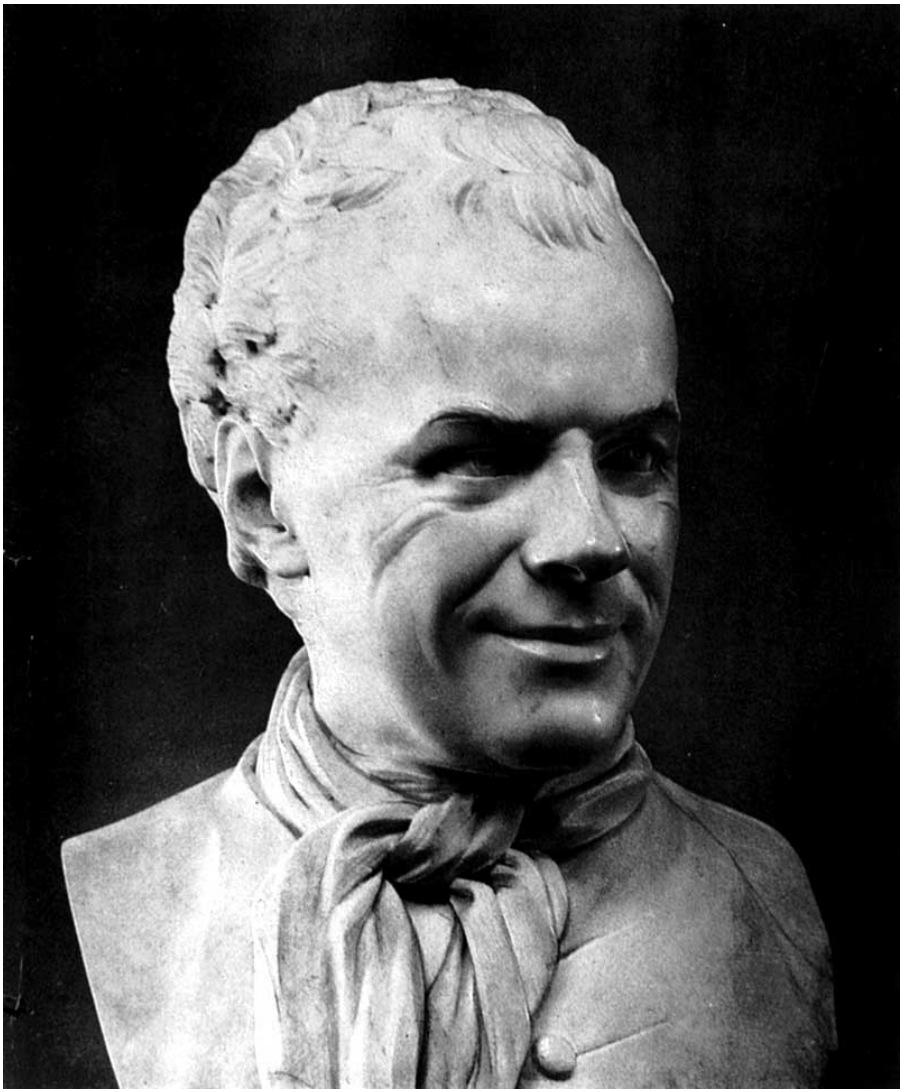


А. Рослин.
Портрет И. И. Бецкого

Ф. И. Шубин.
Екатерина II

М. Э. Фальконе.
Портрет М. А. Колло

М. Э. Фальконе.
Амур



М. А. Колло
Портрет Э. М. Фальконе

А. И. Шарлемань
М. А. Колло лепит голову Петра I

М. Э. Фальконе.
Памятник Петру I